

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2022

Том 13
Vol.

№ 2

Уроки Юрия Михайловича Лотмана: Lessons to learn: Celebrating
к столетию со дня рождения   the centenary of Yuri Lotman

Издательство   Immanuel Kant Baltic Federal
Балтийского федерального   University Press
университета им. Иммануила Канта
2022

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2022
Том 13
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2022.
160 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56

Издатель
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» — главный редактор (Москва, Россия); *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Хенрик Баран*, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Дмитрий Веселинов*, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Стефано Гардзонио*, Пизанский университет (Пиза, Италия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Валерий Закиевич Демьянков*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Николай Николаевич Казанский*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); *Максим Анисимович Кронауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Юрьевич Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Иван Борисович Микиртулов*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Владимир Александрович Плуменян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Су Кван Ким*, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Цзиньлин Ван*, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); *Татьяна Владимировна Черниговская*, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. №21-р, а также в список журналов, индексируемых в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядро РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 31.05.2022 г.

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2022
Vol. 13
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2022.
160 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236016

Editorial office

56 Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics – Editor-in-Chief (Moscow, Russia);
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Mikhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silantyev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabolotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ Ю.М. ЛОТМАНА

Предваряя публикацию доклада Ю.М. Лотмана (С.Т. Золян).....	6
Лотман Ю.М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете.....	10
Черниговская Т.В. «Шум» как ключ к семиозису: мозг и культура (40 лет спустя).....	24
Золян С.Т. Семиопозис: о рождении семиосферы из биосферы.....	37
Тулчинский Г.Л. Текст как осмысляющий диалог и зашнуровывающая метафора: опыт сопряжения подходов Ю.М. Лотмана и М.М. Бахтина	55

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА И ФИЛОЛОГИИ

Микиртумов И.Б. Интерпретация имен собственных в косвенных контекстах: именование <i>de re</i> и фикции	75
Бараиш Р.Э., Антоновский А.Ю. Зачем нам в языке частичка «не». Эволюция семантических структур и пропозициональные установки.....	99
Дрейзис Ю.А. Соотношение «устного» и «письменного» в поэзии на тополектах.....	121
Potyomina M. S. Poetics of the deconstruction of Reinhard Jirgl's text: A translational perspective	134

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

VI Международный научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве: к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского» (Л.Г. Дорофеева).....	147
--	-----

CONTENTS

THE CENTENARY OF YURI LOTMAN

Foreword to the publication of Yuri Lotman's lecture at Tartu State University (S. T. Zolyan)	6
<i>Lotman Yu. M.</i> Lecture at Tartu State University, March 13, 1981	10
<i>Chernigovskaya T. V.</i> "Noise" as a key to semiosis: the brain and culture (40 years later).....	24
<i>Zolyan S. T.</i> Semio-poiesis: on the birth of the semiosphere from the biosphere	37
<i>Tulchinskii G. L.</i> Text as a meaning-generating dialogue and a lacing metaphor: the experience of converging Yuri Lotman's and Michail Bakhtin's approaches	55
NEW APPROACHES IN PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND PHILOLOGY	
<i>Mikirtumov I. B.</i> Meaning of proper names in contexts of attitudes: <i>de re</i> naming and fictions	75
<i>Barash R. E., Antonovskiy A. Yu.</i> Why do we need the particle "not": evolution of semantic structures and propositional attitudes.....	99
<i>Dreyzis Yu. A.</i> Correlation of the oral and the written in topolect poetry	121
<i>Potyomina M. S.</i> Poetics of the deconstruction of Reinhard Jirgl's text: A translational perspective	134

SCIENCE CHRONICLE

VI International Scientific Seminar "Hagiography in the Russian Cultural Space: on the 200 th Anniversary of Fedor Dostoevsky's Birth" (<i>L. G. Dorofeeva</i>).....	147
---	-----

ПРЕДВАРЯЯ ПУБЛИКАЦИЮ ДОКЛАДА Ю. М. ЛОТМАНА

Публикуемый с любезного разрешения Эстонского семиотического фонда текст Юрия Михайловича Лотмана имеет особый характер. Это комплексная исследовательская программа, намного опередившая свое время. Ни одна из поднятых в докладе проблем не утратила актуальности, более того, в нем содержатся очень ясные методологические ориентиры. Именно потому, что Лотман видел намного дальше других, эту программу он разрабатывал, по существу, в одиночку.

Если вкратце охарактеризовать основное содержание доклада, в нем в сжатой форме даны не столько результаты, сколько направления исследований процессов смыслопорождения и текстуализации. Хотя в докладе не используется термин «семиосфера» (он появится чуть позднее), в нем схематически обрисованы основные семиотические механизмы организации семиотических систем (языков) и семиотических пространств, описываемых как взаимодействие «семиотических монад» (иногда Лотман использовал иные термины — «семиотическое я», «интеллектуальное устройство» и др.). По сути, в этом докладе даны основные положения новой семиотической теории, в которой основной единицей оказываются не элементы и даже не отдельные тексты или изолированные системы, а именно семиотическое пространство, комплекс смыслов, языков и текстов в их динамическом взаимодействии. Труды Лотмана 1980—1990-х годов принято рассматривать как новое слово в семиотике культуры. Ретроспективно, обращаясь к докладу 1981 года, можно расширить такое понимание — в нем заложены основы новой семиотики, изучающей пространство взаимодействия гетерогенных знаковых систем и механизмов как единый смыслопорождающий организм. Именно поэтому, при том что различным аспектам доклада можно поставить в соответствие развернутые статьи Лотмана, он тем не менее не утрачивает своей новизны. Новой оказывается сама заявленная программа, завершить которую предназначено уже новому поколению и семиотиков, и семиотики.

Возникает вопрос: если мы приписываем этому докладу такую важную роль, почему он так мало известен и публикуется только сейчас? Ведь с 1990-х годов благодаря прекрасной работе исследователей из Тарту и Таллина издано значительное количество архивных текстов. Сам Лотман постоянно обращался к заявленной в докладе проблематике, расширяя и конкретизируя ее. Рискну предположить, что причина отсутствия внимания исследовательского сообщества к этому докладу состоит в том, в чем должен сознаться сам, — в непонимании широты

лотмановского кругозора. Только сейчас мы достигаем понимания концепции семиосферы, тогда как эта тема — лишь одна из конкретизаций проблематики доклада.

Поэтому доклад не только не был опубликован — о нем забыли. Насколько мне известно, впервые он упоминается в работе (Салупере, 2017, с. 88), где на него дана ссылка: *Доклад 13 марта в Институте эволюционной физиологии АН СССР. Таллинский университет. Эстонский фонд семиотического наследия. F 1 (Ю. Лотман). Машинопись*. Впоследствии Калеву Кульв, встретив в докладе мою фамилию, в личной переписке попросил меня прояснить детали, поскольку никаких других сведений у него не было.

По всей вероятности, при расшифровке магнитофонной записи решили, что доклад был прочитан в Ленинграде. На самом же деле, напротив, это ленинградские (питерские) коллеги приехали в Тарту. Обстоятельства таковы. В феврале 1981 года я получил письмо от Юрия Михайловича Лотмана с приглашением принять участие в неформальном семинаре, посвященном проблеме асимметрии мозга и внутрисистемной организации семиотических систем. К письму были приложены тезисы на трех машинописных страницах (впоследствии их основные идеи были опубликованы в (Лотман, 1981а; 1981б; 1981в; 1982)); там же появилась ключевая метафора смысла и текста как «самовозрастающего логоса». Тезисы и вопросы для обсуждения открывали новую перспективу исследований, ориентированных на проблемы текста и смыслопорождения.

Пытаюсь понять, почему я оказался в числе приглашенных — насколько я помню, из неместных филологов был только я (Т. В. Черниговская была среди питерских). В это время (1976—1977 годы) мы с Михаилом Лотманом пытались разработать то, что мы называли основами генеративной поэтики, или общей теорией формальных языков. Идея состояла в том, чтобы определить минимальные условия организации языка, что позволило выделить три простейших случая: с одной стороны, это конечная цепочка, предельным вариантом которой оказывался язык из одного символа, благодаря чему текст и знак совпадают (условно: «картина»), с другой — это две бесконечные цепочки, в одной из которых алфавит был ограничен одним символом («метрика», бесконечный повтор одного и того же элемента), а в другой, наоборот, язык имел открытый алфавит, в нем любой элемент мог стать сегментом, но должен был отличаться от предыдущего («кино»). Предполагалось, что все поэтические системы (поэтики) могут быть выведены из этих трех базисных языков как их «креолизация». Юрий Михайлович был знаком с нашими разработками, хотя, по своему обыкновению, об идее объять необъятное отзывался иронически, с определенной долей скепсиса. Однако сама идея о тексте как результате порождения различными языками лежала в основе его методологии. В современных терминах это можно описать как взаимодействие механизмов рекурсии, трансформации и симметрии.

К сожалению, я и Михаил, оказавшись в разных городах и расставшись с вольной студенческой жизнью, так и не довели эту теорию до завершения. При этом каждый из нас, уважая авторские права другого, не публиковал саму идею, а пользовался уже собственными разработками ее следствий. Однако тогда я, ничего не зная о механизмах мозга, связал это приглашение с моими работами по поэтической семантике, поэтому по согласованию с Юрием Михайловичем сделал доклад на тему «Семантическая структура слова в поэтической речи» (Золян, 1981). Я попытался раскрыть лексические механизмы генерирования и структурирования многозначности. Ленинградских коллег заинтересовала сама процедура, как они выразились, левополушарной обработки результатов правополушарной деятельности. Возможно (если память не подкидывает ложных подсказок), они имели в виду, что семантика поэтического текста может быть выявлена не столько структурным анализом лексических единиц, сколько методом ассоциаций. Юрий Михайлович откликнулся на эту дискуссию несколько необычно — он апеллировал к тому, что помимо ассоциаций, которые могут быть «прочитаны», возможны и непредсказуемые индивидуальные — например, вопреки всем предполагаемым связям слово ассоциируется автором или читателем с... шоколадкой. Про шоколадку помню точно, поскольку этот аргумент я не принял — я тогда считал, что все, что не может быть обосновано, не должно приниматься во внимание. Есть данные языка, они зафиксированы в текстах и опосредованы в словарях, тогда как относительно индивидуального восприятия можно только строить догадки. Видимо, я был куда большим структуралистом, чем Юрий Михайлович, почему несколько удивился тому аргументу, который он привел, «защищая» меня от питерцев.

В стенограмме приведен мой вопрос, на который Юрий Михайлович отвечает довольно пространно. В самом деле, тогда (да и сейчас) отсылка к таинственным механизмам мозга служит заменой научного объяснения, особенно если речь идет о правополушарных механизмах. Это открывало возможность для разного рода фантазий — то ли тогда, то ли позже я даже позволил себе спародировать популярные статьи на эту тему, назвав их «из жанра: там чудеса, там леший бродит». Думаю, поэтому Лотман уделил такое внимание этому вопросу, ответ на который можно увидеть уже в его публикации того же года (Лотман, 1981б).

К сожалению, насколько мне известно, из активных участников-докладчиков семинара кроме меня сегодня остались Михаил Лотман и Татьяна Черниговская. Надеюсь, что отзовутся и другие участники-слушатели. Мы постарались продолжить спустя сорок лет тот диалог. Т. В. Черниговская восстанавливает очень важный контекст той дискуссии и описывает развитие вдохновлявших Ю. М. Лотмана идей. Я попытался дополнить недосказанное им о семиосфере и биосфере, понимаемых именно как результат деятельности, и ответить на вопрос, каким образом развивая семиотическая система и семиосфера в целом выступают как «субъект и сама по себе объект».

Мне кажется, что утверждения Лотмана о гетерогенных языках – механизмах порождения смысла могут получить наглядную иллюстрацию при описании обработки генетической информации. Не участвовавший в том семинаре Григорий Тульчинский, работавший над сходными проблемами интерпретации и семиозиса, смог раскрыть новые аспекты лотмановской концепции смыслообразования.

Так получилось, что непосредственно на публикацию откликнулись тогдашние тридцатилетние и те, кто сейчас старше, чем был тогда Юрий Михайлович. Это особая тема преемственности и развития научного знания, особенно если иметь в виду указанную Лотманом способность текста наполняться новыми значениями в новом контексте.

«Текст, подобно зерну, содержащему в себе программу будущего развития, не является застывшей и неизменно равной самой себе данностью. Внутренняя не-до-конца-определенность его структуры создает под влиянием контактов с новыми контекстами резерв для его динамики» (Лотман, 1999, с. 22).

Доклад Юрия Михайловича был нацелен на будущее. Будем рады, если сегодняшние тридцатилетние продолжат эту дискуссию – чтобы было кому возродить ее спустя полвека.

Думаем, именно это определяет актуальность публикации доклада Ю.М. Лотмана. Мы ограничились самыми поверхностными комментариями, данными в сносках. При публикации сохранен текст машинописи, приведенный в соответствие с нормами орфографии и пунктуации. Убраны несколько чисто технических отступлений или запинок (они отмечены многоточием), в квадратных скобках добавлены проясняющие смысл слова и части слов. Надеемся и на дальнейшие фактографические уточнения. Многочисленные уже опубликованные, а также готовящиеся коллегами из Таллина и Тарту публикации материалов из архивов Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц могут дополнить вышесказанное.

В заключение хотим поблагодарить коллег из Эстонского семиотического фонда, предоставившего разрешение на публикацию этой замечательной рукописи.

Подготовка публикации была поддержана из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта.

С. Т. Золян

ДОКЛАД

13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете¹

Ю. М. Лотман

После доклада Вадима Львовича [Деглина] мне в значительной мере легче говорить, поскольку многое из того, что есть общее, сказано, а в конце прямо переброшены некоторые мосты, по которым я попытаюсь идти. Я хочу сказать, что оценка самой проблемы мне сейчас представляется недискуссионной. Сошлюсь хотя бы на недавно появившуюся работу Романа Осиповича Якобсона «Мозг и язык», где дана заслуженно высокая оценка работам и Льва Яковлевича [Балонова], и Вадима Львовича, и других коллег этой группы и указаны и какие-то направления, и то, что для семиотики может быть из этого перспективно извлечено.

Исследования по асимметрии семиотических систем интересным образом совпали с в достаточной мере автономными и в силу нашего, по крайней мере моего, невежества мне долгое время совершенно неизвестными, проводившимися отдельно наблюдениями над культурой, которые привели к тем разным мнениям, кои уже как-то обсуждались у нас на 4-й школе, когда встал вопрос о том, чем же объясняется очень высокая избыточность семиотических систем. Почему в работающих семиотических системах мы имеем не один канал связи, чего по классическим, общепринятым и традиционным семиотическим моделям, в общем, казалось, было достаточно? Почему, как на 4-й школе в тезисах было зафиксировано, такой элементарной моделью культуры может считаться система с минимум двумя альтернативными каналами? Этот вопрос, по сути дела, остался без ответа.

Это было наблюдение над реальным фактом, и с этим же связывался ряд других «почему», которые в традиционных классических работах, идущих от Соссюра, оставались без ответа. По сути дела, оставался без ответа вопрос о том, почему в системе социальных коммуникаций мы наблюдаем разнообразие индивидуальностей. Казалось бы, что разнообразие индивидуальностей может быть приписано только тому, что мы имеем дело, скажем, с разнообразием моделей, выполненных по одному чертежу машины с технической невозможностью дать совершенно одинаковые образцы. Таким образом, предметом внимания оказывался, так сказать, чертеж — то, что одинаково, а то, что относится к области разнобоя, к области сверхсистемной, в общем оказывалось за пределами теории. Теория рассматривала системы... Между прочим, о том, что психологически семиотика стала на путь преодоления этого, очень ясно сказал на 2-й школе все тот же Роман Осипович Якобсон.

---

¹ Таллинский университет. Эстонский фонд семиотического наследия. F 1 (Ю. Лотман).

Позволю себе напомнить его слова по памяти. Он сказал: мне структурами больше заниматься неинтересно — меня интересуют тексты, и вообще интересно пересмотреть Соссюра с точки зрения текстов. Этот психологический поворот был для нас общим, поскольку все, что можно получить из изучения структур как таковых, в области семиотики, довольно легко снялось, дало бесспорные результаты. Но остался вопрос, во-первых, почему так много текстов, почему такое изобилие и такая избыточность сообщений циркулирует и, в конце концов, почему мы все разные. Является ли это только издержкой природы как недостаточно хорошего инженера, или же это есть некоторая выгода, некоторое условие семиотической жизни коллектива? Предполагалось (*рисунок на доске*) в некоторых исходных наших представлениях, что целью передачи некоторого сообщения является такая неискаженная, неизменная и полностью тождественная передача от передающего к принимающему текста, и таким образом канал если что-нибудь меняет, то только портит — всякое изменение в канале есть шум, и, таким образом, в идеальной модели мы им пренебрегаем. Вот из этого, казалось бы, бесспорного положения, на котором строятся основы коммуникативных идей, легко прийти к таким антиномиям, по сути дела, к абсурду. Поскольку если текст передается полностью и без каких-либо изменений, то мы заранее предполагаем, что кодирующее устройство передающего и кодирующее устройство принимающего полностью идентичны. Что значит, что кодирующее устройство передающего и кодирующее устройство принимающего полностью идентичны? Это значит, что они в семиотическом смысле представляют одну личность и что тогда эта производимая циркуляция в идеальном случае абсолютно не нужна. Это то же самое, что перекладывать из левого кармана в правый. От этого никакая сумма не увеличивается. То есть, по сути дела, мы приходим к некоему противоречию: с одной стороны, мы реально сталкиваемся с непрерывным процессом коммуникаций, и мы должны предположить, что он в принципе дефектен, ибо в реальной жизни мы не сталкиваемся с тем, чтобы текст от передающего к принимающему прибыл без сдвигов. Более того, мы приходим к такому выводу, что чем сложнее культурные коды, тем дефектнее система. По сути дела, вопрос встает вот о чем: что есть идеал коммуникативный — скажем, уличная сигнализация или стихотворение Пушкина? Поскольку стихотворение Пушкина заведомо не может быть передано адекватным образом. Является ли это некоторым образом коммуникативным дефектом и должно быть каким-то искусственным образом приведено к однозначности, или же это есть наиболее сложный и наиболее выгодно работающий механизм? То есть мы встаем перед целым рядом противоречий, но которые приводят нас к тому, что идентичность передающего и принимающего есть только крайне условный случай, или же, вернее всего, идеальная модель, удобная только в определенных научных абстракциях, а в реальных социальных коммуникациях мы имеем дело с заведомым различием. И более того, мы можем сказать, что вся система культурного — и даже, до этого, биологического — развития работает не на стирание различий, а на их увеличение. Что легко можно по-

казать, имея в виду, что чем сложнее социальная структура, тем сложнее индивидуальный набор, сочетания кодирующих устройств. Таким образом, мы подходим к некоторому противоречию, которое очень естественно приводит нас к тому, что передача некоторого сообщения есть идеальный или, я бы сказал, полярный случай. Как тенденция он присутствует всегда — в чистом виде, видимо, почти не встречается. Но как тенденция он имеет противотенденцию, состоящую в том, что этот механизм рассматривается не как пассивный передатчик, а как устройство, генерирующее новое сообщение, как устройство, внутри которого сообщение сдвигается и приобретает новые информационные свойства. И тогда у нас передающий и принимающий составляют два полюса единого работающего механизма, и работают они не только тем, что они одинаковы в определенном отношении, то есть один механизм, и в этом смысле возможно некое взаимопонимание, но и тем, что они различны в другом отношении и представляют разные механизмы. И их различие точно так же работает, как и их сходство. По сути дела, ни то, ни другое в чистом виде не дано, а дана гамма колебаний между передачей сообщения, таким чисто коммуникативным актом, и творческим сознанием выработки нового сообщения. Вот между этими двумя тенденциями колеблются все виды возможных коммуникативных актов, и тогда мы подходим к тому, что элементарной ячейкой для творческого сознания является минимальная биполярная система, которая отличается таким единством взаимоисключающих качеств. В определенном смысле они составляют один механизм, и, что очень важно, они не только составляют один механизм; поскольку это сознание, то немедленно возникает вопрос о самосознании — вот какой-то из этих механизмов берет на себя функцию представительства механизма в целом и осознает сам себя как единое. Вот когда мы, например, говорим: «Некоторый естественный язык», то в дальнейшем легко будет показать, что это гетерогенная система, представляющая собой смесь нескольких систем; но очень важно, что при этом он сам себя сознает как один язык и что вот эта сложная система сама себя сознает как одну, что обеспечивает ей внутреннюю циркуляцию. Кстати, о роли самосознания и о том, как это играет на разных полушариях, мне пришлось по ходу Вашего доклада². Хороший пример по поводу сдвига голоса, помните в «Театральном романе» у Булгакова — «...низким звучным голосом сказал я. — Ну и голос же у вас был, — сказал Бомбардов, — тонкий, пискливый, злой»³. Совершенно естественно, что он реально работал при этом одним полушарием, одной доминирующей системой, а сознавал себя — другой. Таким образом, эта система определена как единая и вместе с тем она не только включает в себя разные семиотические образования, но и включает в себя развивающуюся языковую неперево-

² Насколько я помню, Ю. М. Лотман выступал вторым, первым был совместный доклад Л. Я. Балонина и В. Л. Деглина.

³ Ю. М. Лотман приводит цитату по памяти. У Михаила Булгакова: «Но я еще более звучным и сильным голосом (впоследствии Бомбардов, со слов присутствующих, изображал меня, говоря: “Ну и голос, говорят, у вас был!” — “А что?” — “Хриплый, злобный, тонкий...”) отказался и от пирожных».

димось. То есть до какого-то порога разница и трудность перевода являются источником творческого сдвига сообщений — то, что у нас происходит, не простая автоматическая трансформация текста по некоторым однозначным алгоритмам, а непредсказуемая трансформация в новое сообщение.

Вот такого рода элементарная ячейка, будет ли она называться какой-то текст, или же отдельная человеческая личность, или какая-то семиотическая структура большего плана, приводит к разного рода последствиям. Во-первых, меняется наше представление о тексте. По классической соссюррианской дихотомии... я, упаси господи, не хочу, конечно, ни в какой степени бросить тень на классические работы Фердинанда де Соссюра, на которых мы все стоим и которые, как говорил Пушкин — не следует кусать грудь кормилицы из-за того, что зубки выросли... Но вместе с тем, конечно, приходит время существенные вещи пересмотреть. В частности — отношение текста и языка. Текст представляется в этой классической схеме как некая материализация системы. И то, что в нем значимо, мыслилось как наличное в языке. Текст был, таким образом, некоторая упаковка, некоторый ящик, который доносил системные значения (*рисунок*). Здесь ящик открывался, извлекалось сообщение, а тара выбрасывалась. И, таким образом, текст был пассивным носителем некоторого вне текста имеющегося структурного содержания. Это естественно вытекает из представления, что текст есть текст на одном языке и что текст есть материальное выражение языка — зафиксированное выражение языка, ограниченное в пространстве и времени сообщение, выраженное в каких-то единицах. Но, вероятно, такого текста, если подумать, никому видеть не удавалось, а видим мы другие тексты. Мы видим тексты, которые представляют собой материальные выражения, образования гетерогенные, дешифруемые как минимум на двух языках. Большинство наших текстов дешифруется в системе зрительной, словесной и... тут нет необходимости прибегать к кинематографу, но любой, даже словесный просто текст, самый элементарный, уже поэтому двуязычен и представляет собою (*рисунок*) некоторый двойной биполярный генератор. Самый такой простой пример — метафора. И при этом между разными его полюсами нет отношения полной переводимости; они взаимно напрягаются, и в этом смысле можно сказать, что не языки создают тексты, а тексты создают языки. Сначала даются некоторые тексты, которые, как полагал Тит Лукреций Кар, плавают в пространстве, как ноги, руки, головы, которые потом слепляются. В общем, конечно, вопрос, что раньше, что позже, — в общем праздный вопрос, его и ставить не следует. Но если сформулировать так, что текст, видимо, всегда богаче, чем язык, и именно на уровне текста наблюдается (*рисунок*) элементарный процесс генерации. Текст в некотором смысле знает больше, чем тот, кто его создал. Потому что он обладает способностью многократной интерпретации. Я имею в виду сейчас художественные тексты. Но я полагаю, что, может быть, такое крайнее сознательное, максималистское высказывание можно сделать потому, что думал, что не художественные тексты являются экстремальными выражениями каких-то нормальных не-

художественных текстов, а думаю, что нехудожественные тексты — это частный случай художественных текстов. Что генерирующая активная смыслопорождающая функция общения текста выражается наиболее полно в художественных текстах, но присуща всем текстам вообще. Точно так же, как функция пассивной передачи есть и в художественных текстах, но экстремально проявляется, наверно, в уличной сигнализации. Кроме того, несколько иначе представляется для нас система. Она приобретает вид не соположенной суммы отдельных, относительно автономных семиотических систем, типа разных искусств, разных культурных образований, а скорее строится; вот (*рисунок*), по принципу матрешки. Представляя нечто целое и будучи на каком-то уровне делима на полярные образования, сохраняет этот принцип, и как только стоит нам по какому-нибудь принципу поделить... например, по принципу проза — поэзия, как мгновенно по этому же принципу поделится каждая система и так далее. И это будет уходить, как в геральдических системах есть такое выражение [mise en abyme] фр. «[помещение] в бездну» (*рисунок*). Представляете, вот такой герб, тут, скажем, лилии, здесь рука с мечом, это башня, а тут этот герб, лилии, рука с мечом, башня, тут этот герб, лилии, рука с мечом и башня и так далее — здесь такая дырка, которая, по сути дела, представляет собой заданный принцип, который работает уже самовоспроизводя себя⁴. И это мы наблюдаем в ряде экстремальных культурных случаев, когда, скажем, например, функция слова быть словом может приписываться, с одной стороны, всем текстам⁵ и даже Вселенной, а с другой стороны, может приписываться не только фонеме, но и дифференциальному признаку фонемы. И, вероятно... как только мы научимся различать по смыслу что-то более глубокое, то эта функция может поехать туда. Это, между прочим, делает для меня очень близкой идею, заявленную в начале, о том, что, по сути дела, речь идет не о таком жестком разграничении левополушарного и правополушарного мышления, а о том, что мышление совершается там и там и что это, по сути дела, принципы, которые мы в каком-то приближении называем так, а очень может быть, что они ока-

---

⁴ Я помню этот рисунок: Ю. М. Лотман нарисовал щит, разделенный на четыре квадранта, в четвертом (который Лотман называет «дырой») воспроизводился в уменьшенном виде тот же щит, в четвертом квадранте этого уменьшенного щита помещалась еще более уменьшенная копия предыдущего и т. д. — фактически Лотман говорит о фрактальной самоорганизации семиотических систем, предсказав тогда еще совершенно неизвестное вне узких сфер математики явление — напомним, что давнее ему имя исследование Бенуа Мандельброта «Фрактальная геометрия природы» вышло в свет в 1977 году. Ср. с последующей формулировкой этой идеи: «Поскольку все уровни семиосферы — от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических единств — представляют как бы вложенные друг в друга семиосферы, каждая из них является одновременно и участником диалога (частью семиосферы), и пространством диалога (целым семиосферы)» (Лотман, 1984, с. 22).

⁵ В машинописи, видимо, неисправленная опечатка; напечатано: «текстом», однако возможно и иное прочтение: функция слова быть словом приписывается именно текстам.

жуются еще способными при более тонких вещах, скажем, внутри каждого полушария... Но тут я не смею вторгаться в область, в которой решительно ничего не понимаю.

А по крайней мере в области культурной, видимо, это так. Задан некоторый принцип различия, задана тенденция к возрастанию этих различий, к увеличению взаимной непереводаемости и к стиранию этих различий, к работе на предельную проводимость⁶, и оба эти механизма, работая в разных направлениях, дают все разнообразие как разных видов искусств, так и разных типов самоориентации, от ориентации разных культур и личностей, ну, грубо говоря, скажем, на левополушарное и правополушарное сознание. В связи с этим возникает очень существенный вопрос — вопрос о контактах между этими типами текстов, сознаний, культур или разных вещей. Контакт, который мыслился всегда как нечто автоматическое.

Даны две личности (*рисунок*)⁷, дан язык, и предполагается, что контакт после этого как бы и задан. Позвольте провести параллель. В своей кандидатской диссертации Елена Владимировна Душечкина очень интересно показала, как в средневековой литературе не ставится вопрос о том, что слово не может быть услышано; если кто-то сказал, то обязательно все услышали⁸. Если где-то сказано, то все знают. Предполагается, что сам контакт дается почти автоматически или же совсем автоматически. Видимо, в свете тех фактов, идей и разного рода многообразных научных приближений, которые, по сути дела, идут с разных сторон, с очень разных научных импульсов, но в общем сходятся к одному, скорее [можно] себе представлять контакт как нечто очень драматическое, как говорил Тютчев, «как поединок роковой», как нечто очень драматическое и никогда полностью не удовлетворительное. Потому что сам механизм работает в своей определенной тенденции, и плодотворной тенденции, одной из двух противоположных плодотворных тенденций, на затруднение контактов. В связи с этим для коммуникаций между двумя этими системами более уместно понятие диалога; опять-таки должен сказать, что понятие диалога тоже в достаточной мере возникает в разных тенденциях и с очень разных сторон. Напомню, еще в начале 20-х годов, даже еще раньше, работы философа Бубе-

⁶ Так в машинописи. Возможно, это опечатка, поскольку речь скорее идет о «переводаемости», однако *проводимость* как вводимая новая характеристика текста также может быть осмыслена. Ситуация напоминает многократно используемую Ю. М. Лотманом идею о внесистемных элементах текста (шуме, деформациях, ошибках, опечатках) как механизмах формирования новых смыслов.

⁷ Насколько я помню, была нарисована расхожая схема коммуникации из учебников языкознания: две головы, обменивающиеся облачками.

⁸ Имеется в виду выполненная на кафедре русской литературы Тартуского университета под руководством академика Д. С. Лихачева кандидатская диссертация Е. В. Душечкиной «Художественная функция чужой речи в Киевском летописании». Диссертация была защищена в 1972 году, писалась в 1966–1969 годах — как видим, эта идея заинтересовала Ю. М. Лотмана задолго до его интереса к механизмам работы мозга.

ра и... [«Я и Ты»]⁹. Сейчас это в значительной мере производит впечатление философской публицистики. Но когда мы говорим о пионерской роли работ Бахтина, то это, по сути дела, международный такой контекст очень напряженной мысли, поисков «Ты». При том что представление о диалоге мыслится как... причем очень интересно опять-таки, что в определенные культурные моменты выдвигается модель монолога как общения, а соответственно, строится и облик культуры, и тип личности, и все прочее; а в другие — выдвигается модель диалога. Так вот, не говоря о разных приближениях к этому и разных вопросах, я хотел бы вот на что обратить внимание: на то, что диалог — в таком смысле, в каком это диалог, — это почти всегда разговор на разных языках. Но при этом это разговор на разных языках, как ни странно, с презумпцией заинтересованного взаимопонимания и с последовательной ориентацией на передачу и прием с перерывами. Вот вопрос о перерывах и об этом очень важен, по крайней мере для исследователей культуры, потому что он нас подводит к еще одному необъясненному вопросу. Начиная с создателей философии истории, с Вольтера и последователей его до Гегеля включительно, мы предполагаем, что история представляет некоторый стадийный процесс (*рисунок*), внутри которого... и, следовательно, это... или барокко, или еще что-нибудь, это окрашено в некоторые единые структурные тона, потом происходит срыв... и [возникает] некоторое другое. На самом же деле, стоит только отвлечься от этой привычной для нас модели, как мы можем заметить, что то, что мы называем каким-нибудь словом, размазано по времени. Не совпадает в разных направлениях человеческих текстообразований, задает разные накладывающиеся синусоиды. Скажем, развитие определенного типа текстообразования в одних видах деятельности, как правило, не совпадает с развитием аналогичного в других типах деятельности. По сути дела, работает механизм, не только механизм унификации, но и механизм разнообразия внутри, что не всегда объяснимо. И тем более необъяснимо, почему в определенные периоды, скажем, культура отождествляет себя с кинематографом или с поэзией, с поисками гомункулуса или с алхимией, с крестовыми походами или еще с чем-то. Вот такая самостроющая модель избирает какую-то одну тенденцию и придает ей значение генерального языка. Вопрос этот повисает в воздухе — почему это так. Это, видимо, связано с необходимостью внутренних диалогов и с тем, что диалоги эти сопровождаются несовпадениями и переходами на прием. Я позволю себе сослаться на очень интересную работу... (*пропуск — конец ленты, 2-я сторона кассеты*) ...Близок к старому положению Руссо¹⁰. Положению о том, что есть язык, особый язык общения грудного ребенка с матерью. И Руссо, че-

⁹ В машинописи здесь еще одно предложение: «Его работы: “Апология Ты” — (вопрос) Бубер».

¹⁰ Ю. М. Лотман высоко оценивал идеи Руссо о происхождении языка, см. их обзор: (Лотман, 1989).

ловец, не требующий измерения его гениальности, и в частности в значении для семиотики, Руссо здесь очень прозорливо указал на очень интересную вещь, что, кстати, Ньюсон¹¹ не учитывает, что не только ребенок переходит на язык матери, но и мать переходит на язык ребенка, что ребенок овладевает системами, ему предъявляемыми в диалоге. Ньюсон ссылается на очень интересные работы, проведенные в Америке, — фотографирование жестов грудных младенцев, — которые при замедленном проектировании оказываются копиями жестологии взрослых людей, что не видно благодаря быстроте жеста и их [младенцев] погруженности в хаотически[й] чисто физиологический жест, но вместе с тем начиная с 4 месяцев уже представляет принятие жестологии матери. Причем ему представляется дело так: всякая, как он полагает, физиологическая активность млекопитающих строится вот такими штуками (*рисунок на доске*) с перерывами, некоторыми пиками и перерывами. Это создает некоторую материальную базу для возможности в этот перерыв сосредоточить внимание на передающей личности.

Здесь, так сказать, совершается передача (*рисунок*), а здесь возможен прием. И это создает механическую основу для диалога. Дальше, как он полагает, мать, разговаривая с ребенком и все время улыбаясь и играя и всячески с ним контактуя (*sic!*), предлагает ему значения для его движений. И он принимает этот язык и начинает уже пользоваться своими движениями как имеющими значение. Но Руссо справедливо указал, что при этом мать отказывается от словесного человеческого языка. Схема общения задана, уже презумпция языка есть. Здесь, между прочим, вот что... о чем когда-то мы говорили с Борисом Андреевичем [Успенским] в связи с полемикой на 5-й школе вокруг проблем фрейдизма, что очень часто в акте социальной коммуникации существует некто, дающий язык, скажем взрослый, который вносит огромный языковой аппарат ребенку, у которого даже еще нет потребности в нем, который получает аппарат до того, как он его может использовать¹². Это в культуре [происходит] неоднократно. Европейская культура получила античный аппарат приблизительно лет на 700 раньше того, как она смогла использовать эту культуру. Да, вероятно, мы вообще до сих пор еще не использовали то, что мы получили где-то, не понять от кого. Но, по крайней мере, происходит такая сильная инвазия, вторжение. И таким образом вводится такой сильный доминирующий язык со своими пустыми клетками в понятиях, которые заполняются чем-то потом, готовой схемой общения.

Но, видимо, для того, чтобы диалог состоялся (*рисунок на доске*), нужно и противоположное, например отказ матери при общении с грудным ребенком от словесного языка и переход на язык восклицаний. Как

¹¹ В машинописи — Льюссон, в скобках вопросительный знак. Вероятно, ошибка — в опубликованной годом позже статье (Лотман, 1983, с. 20) Лотман цитирует исследование Ньюсона: *Newson J. Dialogue and Development // Action, Gesture and Symbol: The Emergence of Language / ed. by A. Lock, L.; N. Y.; San-Francisco, 1978. P. 32—40.*

¹² Имеется в виду статья (Лотман, 1974).

говорил Руссо, язык жестов и улыбок, что создает в общем другой тип общения. Таким образом, мы имеем тенденцию к расхождению и механизмы диалогической связи, которые имеют исключительно большое значение. И по сути дела, каждый текст — это, я бы сказал, застывший диалог, еще только зерно, которое должно прорасти. Как только оно попадает в коммуникативную ситуацию, оно дает диалогическую структуру.

Из всего сказанного еще один вопрос — и я кончаю. Вопрос связан вот с чем. Действительно, при наличии биполярной, я повторяюсь, совершенно не обязательно биполярная минимально. Я говорю не о реальной физиологии, а об абстрактной возможности. И, вероятно, системы имеют... то есть реально они в культуре имеют... тенденцию к бурному возрастанию, но, вероятней всего, по бинарному принципу... вероятно, могут быть сводимы в конечном счете к бинарным оппозициям, хотя, может быть, это вопрос нашего описания... может быть, не знаю. Но вот что важно; в этой системе, как уже я говорил, в самой природе диалога подразумевается заложенность некоторой условной доминанции.

Значит, если (*рисунок*) личность складывается... культурная личность — может быть, эта культурная личность называется итальянский Ренессанс, — складывается из такой системы, то сама себя она определяет по этому (*рисунок*), а это (*рисунок*) она для себя как бы вычеркивает, хотя в реальном механизме это активно. Но это создает при изучении очень большие трудности, особенно для нас, работающих не на живом экспериментальном материале, а на текстах.

Тексты мы получаем пропущенными через эту призму и деформированными в соответствии с языком одной системы. Поэтому нам очень легко предположить, что только это реально и существует. Не случайно, как только мы берем какой-то культурный материал, мы сразу сталкиваемся с тем, что огромное число [текстов] текстом как бы не считается. То, что не переводится на этот язык, канонический для данной эпохи, системы, культуры, жанра, личности — все равно, это разные ступеньки, — то как бы отбрасывается. Хотя в реальном процессе оно работает. Но еще сложнее вот что. Когда мы, уже вооруженные недоверием к той картине, которую дает нам самоописание... мы ведь получаем эпоху, личность, не личность больного, над которым вы можете работать... а, скажем, личность писателя как систему его самооценок, как систему его самовыражения, как сумму создаваемых им текстов, куда входит его модель о себе самом. Мы уже этому не доверяем, знаем, что это только деформированная и сдвинутая истина или часть истины, и нам надо проникнуть сюда (*рисунок на доске*), и вот тут мы оказываемся перед совершенно безвыходным положением, из которого я пока выхода не вижу. У нас нет аппарата для этого. Мы можем описать это (*рисунок*) только в терминах этого (*рисунок*), что неизбежно приводит к перетрансформации и к сдвигу. Вот, когда мы говорим, что та или иная [система]... вот мы говорим, что алхимическая система иррациональна. Что это значит? Это значит, что она не описывается в терминах рациональной философии. Но это отнюдь не значит, что она не

описывается в собственных понятиях. Но мы можем ее описывать только теми средствами, которыми она не описывается, и в результате мы получаем заведомо квадратуру круга.

И вот, огромный класс недискретных, или семантически размазанных (или не знаю, какое тут слово [употребить], потому что мы этот материал почти изучать не можем) вот этих текстов от нашего внимания ускользает, и аппарата пока что у нас нет. Естественно, что, когда мы используем методы, приемлемые для дискретных текстов, у нас и получается то, что все системно. И я думаю, что одна из важнейших задач, то, над чем, может быть, наука сейчас... Может быть, мы, все присутствующие, как-нибудь задумаемся — это аппарат для описания того, что условно можно назвать правополушарным сознанием, или сознанием каких-то семантических пятен. И это вопрос, который, я думаю, сейчас перед нами должен встать в числе наиболее актуальных.

Благодарю за внимание.

[Дискуссия]

Балонов: Юрий Михайлович, вот это... а язык психоанализа?

Лотман: Ага, язык психоанализа? Видите ли, я не могу считать себя специалистом в этой области. Но я полагаю, что это и есть пример того, как материал, который преподносится нам как наиболее диффузный, на самом деле представляет собой продукт суперструктурирования. Вот позвольте, я поясню... Широко работающая культурная модель состоит из, так сказать, конструкций организованного... (*рисунок на доске*), ну вот организованное, значит, где у нас левое?

Балонов: Ну, давайте, та — левое.

Лотман: Ну вот... так сказать, из космоса и хаоса. Что считать первичным? Естественно предположить, что первичен хаос, а космос вторичен. Но в области культуры ведь не так. Культура создает свой хаос. Она нуждается в резерве, поскольку как система динамическая она нуждается в резерве динамики. И как возникает, скажем, для Тацита культурный хаос? Это германцы. Что такое германцы? — это миф об антиримлянах. Кто такие римляне, он знает очень хорошо, он знает их и в их проявлениях, так сказать, и в их тексте, и в их языке, и он создает такой вот анти... такую зеркальную противоположность, которую он называет примитивом, неорганизованностью и стихией.

Двадцатый век... да, это все время так (*рисунок*), сначала это европейцы, а тут Азия или Африка, потом мы на земле (*рисунок на доске*), а это будет за пределами Земли. Или же мы в области сознания, а вот там (*рисунок*) будет подсознание. Мы конструируем свое... по крайней мере я глубоко убежден, что в облике подсознания, созданном Фрейдом, в значительной мере — конструкции двадцатого века. Позвольте — такое очень рискованное и, может быть, для психиатров просто дико звучащее... Но, видите ли, потому что вы читаете тексты, видите экспериментальный материал, а я читаю эти тексты — вижу совпадение с философами, поэтами и многочисленными тенденциями в культуре, которые приходят к тому же. Я не убежден, что здесь все от эксперимен-

тального, научного проникновения в правое полушарие, а не значительная часть от мифа культуры о не-культуре. Позвольте вот такое, почти хулиганское, заявление.

Золян: Не является ли представление о недискретных языках каким-то образом отрицательным проецированием того, что мы знаем о семиотике? Так же как Тацит проецировал на германцев то, что он знал о римлянах?

Лотман: Нет, с этим я бы не хотел согласиться; я думаю что, может быть, это попытка построить семиотику контрастного типа, которая... ну, например... Позвольте маленький пример: в связи с первым докладом сегодня возникает очень интересный вопрос о природе таких вещей, как ритм. И в связи с этим тут есть какие-то вещи, прямо перекликающиеся с материалом первого доклада. Я позволю себе привести пример очень интересный, с Тютчевым. Тютчев был поэт и остряк, известный остро слов. Его остроумие было по принципу французского остроумия, состоящего в том, чтобы находить игру слов и понятий. При этом он был поэт и владел метрическими системами, хотя овладел ими не сразу, с большим трудом, это видно по его детским стихам. И в ходе своей поэтической деятельности допускал странные нарушения, о которых до сих пор не можем сказать, произвольны они или произвольны. Но когда у него случился паралич, который был правосторонним, поскольку речь он не потерял, он не потерял способности интересоваться политикой, последними его словами был вопрос — уже после принятия святого причастия — вопрос об успехах экспедиции в Хиве. Он сохранил способность остричь, но совершенно утратил чувство метрики, и его стихи показывают, что он не слышал метра, что является нетривиальным, потому что, скажем, сумасшедший Батюшков потерял все, кроме чувства метра... ну а у Тютчева это прямо отбило вместе с его правым полушарием, что само по себе наталкивает на некоторые настолько простые выводы, что их можно не комментировать. Но вот что интересно, что вот такого рода элементарные рассечения (*рисунок на доске*), видимо, не всегда играют роль сегментов и не всегда порождают дискретность, а иногда, как ни странно, порождают противоположное, порождают некоторое представление об изоморфности (*рисунок*) и одинаковости этих кусков. Вот как, скажем, в архаическом мышлении представление, что каждый день, полдень, утро, вечер, полночь, неделя, месяц, год, жизнь, век — это одно и то же. Они, так сказать, полностью изоморфны, и именно потому, что членятся. Время членится не по смыслу, не по таким синтаксическим образованиям, а по автоматически работающему счетчику, [по] такому метроному образуется синтагматика не по системе фразы, а по... при полном убеждении, что год и день — это одно и то же, и это во всех языках отражается в таких метафорах, как «утро дней», «бурных дней моих на пасмурном закате». Мы даже не затрудняемся объяснением этих метафор, настолько для нас естественно предполагать, что час, день, год, жизнь... Мы говорим и «вечер мира» или «сумерки богов», и нам естественно считать, что это одно и то же.

Таким образом, вот такая дискретность порождает совсем не членение, а изоморфизм. Я думаю, что совершенно неправильно было бы [и] наивно предположить, что научное мышление возможно только здесь вот (*рисунок*), если линейные построения толкают к причинно-следственному «до — после», то такие построения (*рисунок*) толкают к не менее важной научной идее изоморфизма, которая в истории науки отнюдь не меньший двигатель. Но между тем, по сути дела, между идеями изоморфизма и идеями причинно-следственными есть некая глубочайшая семиотическая разница. Я думаю, что, как можно построить вот такую, как античные мыслители, науку-мифологию, которая отнюдь не менее наука, чем последекартовская наука, так можно построить и такую науку...

Деглин: Изоморфизм мозга и науки — это не относится, или изоморфизм мозга и культуры в целом, это не относится к такому модусу мышления, Юрий Михайлович?

Лотман: Здесь я могу только... понимаете, здесь мы вступаем в такую область... Естественно, при каждом построении какой-то научной теории всегда возникает вопрос, в какой мере она принадлежит метаязыку создателя. Можно только сказать, что пока я в это верю — в то, что говорю. Ничего другого я сказать сейчас не могу¹³.

¹³ Ввиду важности этой идеи заметим, что, на наш взгляд, Ю.М. Лотман очень скоро даст положительный ответ на вопрос В.Л. Деглина об изоморфизме мозга и культуры, причем выделяя именно изоморфизм механизмов переработки информации: «Мы можем выделить по крайней мере три класса интеллектуальных объектов: естественное сознание человека (отдельной человеческой единицы), текст (во втором значении), культуру как коллективный интеллект. Между всеми этими объектами можно установить структурное и функциональное подобие. В структурном отношении все они будут характеризоваться семиотической неоднородностью. Правое и левое полушария головного мозга человека, разноязычные субтексты текста, принципиальный полиглотизм культуры (минимальной моделью является двуязычие) образуют единую инвариантную модель: интеллектуальное устройство состоит из двух (или более) интегрированных структур, принципиально разным образом моделирующих внележащую реальность... Но именно потому, что образы эти рационально не взаимопереводимы и интеграция их требует напряжения, они представляют важный этап на пути к возникновению асимметрии мозговых полушарий. Аналогична структура и других систем смыслообразования. Инвариантом всех этих систем будет биполярная структура, на одном полюсе которой помещен генератор недискретных текстов, а на другом полюсе — дискретных. На выходе системы эти тексты смешиваются, образуя единый многослойный текст с многообразными внутренними переплетениями взаимно не переводимых кодов. Пропуская через эту систему какой-либо текст, мы получим лавинообразное самовозрастание смыслов. Если подключить к такому устройству блок новых сообщений, которые в соответствии с какими-либо правилами будут признаны “целесообразными”, и запоминающее устройство, призванное сохранить такие сообщения, мы получим инвариантный каркас» (Лотман, 1981б, с. 16). Непонятным представляется другое. К идее об изоморфизме мозга и культуры Лотман пришел еще в 1977 году, причем прямо указывая на научно-популярную статью Деглина: «Мы наблюдаем поразительный изоморфизм между культурой — механизмом коллективного сознания и индивидуальным сознанием. Мы

Список литературы

Золян С. Т. Семантическая структура слова в поэтической речи // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, №6. С. 509–520.

Лотман Ю. М. О редукции и развертывании знаковых систем (К проблеме «фрейдизма и семиотической культурологии») // Материалы 1-го Всесоюз. (5-го) симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. С. 100–108.

Лотман Ю. М. Культура как коллективный разум и проблема искусственно-го разума. М., 1977 (Науч. совет по комплекс. пробл. «Кибернетика» АН СССР: Предварит. публ.).

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. [Сб.] 12 : Структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981а. С. 3–7. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 515).

Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Семиотика и информатика / ВИНТИ АН СССР. М., 1981б. Вып. 17. С. 13–17.

Лотман Ю. М. Риторика // Труды по знаковым системам. [Сб.] 12 : Структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981в. С. 8–28 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 515).

[Лотман Ю. М.] От редакции: [О семиотическом подходе к пробл. межтекст. отношений] // Труды по знаковым системам. [Сб.] 15 : Типология культуры. Взаимное воздействие культур. Тарту, 1982. С. 3–9 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 576).

Лотман Ю. М. Асимметрия и диалог // Труды по знаковым системам. [Сб.] 16 : Текст и культура. Тарту, 1983. С. 15–30 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 635).

Лотман Ю. М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. [Сб.] 17 : Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту, 1984. С. 5–23 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 641).

Лотман Ю. М. Слово и язык в культуре Просвещения // Век Просвещения: Россия и Франция : матер. науч. конф. «Вишперовские чтения – 1987» / ред. И. Е. Данилова. М., 1989. С. 6–18.

Лотман Ю. М. Три функции текста // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 11–22.

Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / сост. М. Ю. Лотман. СПб., 2000.

Салупере С. О метаязыке Юрия Лотмана: проблемы, контекст, источники. Тарту, 2017.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

имеем в виду факт принципиальной асимметрии человеческого мозга – семиотическую спецификацию в работе левого и правого полушарий», а в сноске даны источники: «Деглин В. Функциональная асимметрия – уникальная особенность мозга человека // Наука и жизнь. 1975. №1; Иванов Вяч. Вс. К предистории знаковых систем // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5). Тарту, 1975; он же. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 22–23; Милнер П. Физиологическая психология. М., 1973; Jackson H. On the nature of the duality of the brain, “Selected writings”. Vol. II. London, 1932» (Лотман, 1977; цит. по: Лотман 2000). Вероятно, как вопрос Деглина, так и уклончивый ответ Лотмана связаны с тем, что оба они считали проблему недостаточно проясненной, чтобы выносить ее на публичное обсуждение.

References

Lotman, Yu. M., 1974. On the reduction and deployment of sign systems (On the problem of “Freudianism and Semiotic Cultural Studies”). In: *Materialy 1-go Vsesoyuznogo (5-go) simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [Materials of the 1st All-Union (5th) Symposium on Secondary Modeling Systems]. Tartu, pp. 100–108 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1977. *Kul'tura kak kollektivnyi razum i problema iskusstvennogo razuma* [Culture as a collective mind and the problem of artificial intelligence]. Moscow (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1981a. Semiotics of culture and the concept of text. *Trudy po znakovym sistemam. 12: Struktura i semiotika khudozhestvennogo teksta (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 515)* [Sign Systems Studies. 12: Structure and semiotics of a literary text (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 515)], pp. 3–7 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1981b. Brain – text – culture – artificial intelligence. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 17. Moscow, pp. 13–17 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1981b. Rhetoric. *Trudy po znakovym sistemam. 12: Struktura i semiotika khudozhestvennogo teksta (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 515)* [Sign Systems Studies. 12: Structure and semiotics of a literary text (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 515)], pp. 8–28 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1982. Editorial: On the semiotic approach to the problem of intertextual relations. *Trudy po znakovym sistemam. 15: Tipologiya kul'tury. Vzaimnoe vozdeistvie kul'tur (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 576)* [Sign Systems Studies. 15: The typology of culture. Mutual impact of cultures (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 576)], pp. 3–9 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1983. Asymmetry and dialogue. *Trudy po znakovym sistemam. 16: Tekst i kul'tura* [Sign Systems Studies. 16: Text and culture]. Tartu, pp. 15–30 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1984. On semiosphere. *Trudy po znakovym sistemam. 17: Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma* [Sign Systems Studies. 17: The structure of the dialogue as the principle of the semiotic mechanism]. Tartu, pp. 5–23 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1989. Word and language in the culture of Enlightenment. In: I. E. Danilova, ed. *Vek Prosveshcheniya: Rossiya i Frantsiya: materialy nauchnoi konferentsii “Vipperovskie chteniya – 1987”* [The Age of Enlightenment: Russia and France: proceedings of the scientific conference “Vipper Readings – 1987”]. Moscow, pp. 6–18 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1999. Three text functions. In: Yu. M. Lotman, ed. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, pp. 11–22 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 2000. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [The semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Researches. Notes]. St. Petersburg (in Russ.).

Salupere, S., 2017. *O metazyazyke Yuriya Lotmana: problemy, kontekst, istochniki* [On Yurii Lotman's Metalanguage: Problems, context, and sources]. Tartu (in Russ.).

Zolyan, S. T., 1981. Semantic structure of a word in poetic speech. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 40 (6), pp. 509–520 (in Russ.).

«ШУМ» КАК КЛЮЧ К СЕМИОЗИСУ:
МОЗГ И КУЛЬТУРА (40 ЛЕТ СПУСТЯ)

Т. В. Черниговская^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт когнитивных исследований

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

² Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой

Россия, 197376, Санкт-Петербург, ул. Академика Павлова, д. 12а

Поступила в редакцию 15.12.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-1

Рассматривается контекст, важный для анализа выступления Ю.М. Лотмана на семинаре в Тарту, посвященного проблеме семиогенеза и функциональной специализации полушарий головного мозга как модели интеллектуальных процессов. Анализируются изменения во взглядах на эту модель спустя 40 лет с учетом данных экспериментальной нейронауки. Подчеркивается принципиальная ценность и даже актуальность взглядов Ю.М. Лотмана на процессы порождения смыслов в индивидуальном и кросс-культурном пространстве.

Ключевые слова: асимметрия полушарий головного мозга, диалог, нейросемиотика, Юрий Лотман

В 80-х годах XX века в Тартуском университете по инициативе Ю.М. Лотмана стали собираться семиотические междисциплинарные семинары, куда регулярно съезжались исследователи из Ленинграда и Москвы. Во всех этих семинарах участвовала и я, так как стала работать в лаборатории Функциональной асимметрии мозга человека Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН. Практически все результаты нашей экспериментальной работы именно в Тарту и обсуждались впервые, как, например, удививший всех пример речи пациента-билингва, предпочитавшего тот или иной язык в зависимости от активности правого или левого полушарий мозга (Черниговская, Балонов, Деглин, 1983; Chernigovskaya, Balonov, Deglin, 1983).

В 1976 году выходит из печати книга Л.Я. Балонова и В.Л. Деглина «Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий» (Балонов, Деглин, 1976), в 1978 году — книга Вяч. Вс. Иванова «Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем» (Иванов, 1978), а в 1979-м — его статья «Нейросемиотика устной речи и функциональная асимметрия мозга» (Иванов, 1979). В 1980 году Роман Якобсон выступает с лекцией «Brain and Language», вскоре опубликованной отдельно и вошедшей в том избранных работ в переводе на русский язык (Jakobson, Santilli, 1980; Якобсон, 1985). Так начался период увлечения исследованиями полушарий головного мозга как в области нейронаук (Нобелевская премия по физиологии и медицине, присужденная в 1981 году Роджеру Спер-

ри за его многолетние исследования так называемого расщепленного мозга), так и в совершенно неожиданном по тем временам аспекте нейросемиотики. Идея сопоставить такие разные сферы знаний родилась в Тартуско-московской школе и, конечно, в первую очередь ассоциируется с именами Юрия Михайловича Лотмана и Вячеслава Всеволодовича Иванова (Лотман, 1984; Torop, 2019). Начались многочисленные встречи, семинары, конференции, в которых участвовали представители большого спектра наук, главным образом из Тарту, Ленинграда и Москвы. Обсуждались не только общие теоретические концепции, но и конкретные эксперименты группы Льва Яковлевича Балонина, где в те годы работала и я. Основная идея формулировалась, по словам Лотмана, как *параллель между двуполушарной структурой человеческого мозга и культурой, биполярность виделась как минимальная структура семиотической организации*.

На одном из таких семинаров в Тарту 13 марта 1981 года и состоялось выступление Юрия Михайловича Лотмана с докладом, публикуемым в этом издании (Лотман, 2022), и обсуждение его, часть которого сохранилась. Читая эти материалы сейчас, я не только тепло вспоминаю невероятную атмосферу тех дней (и лет), но и поражаюсь прозорливости Юрия Михайловича и неожиданной современности его взглядов. Это невозможно понять, так как с тех пор появились неведомые тогда методы исследований (например, разные виды нейровизуализации когнитивных процессов в мозге с возможностью отслеживать онлайн не только места активации, но и конкретные нейронные связи совместной работы разных отделов мозга в динамике; разные виды поведенческих неинвазивных методик и т.д.), были проведены тысячи экспериментов, продуманы, приняты и отвергнуты многие гипотезы... Лотман в те годы подчеркивал, что он говорит не о физиологии, а об *абстрактной возможности* бинарности и диалогичности, с заложенной в ней идеей доминантности: в норме при двух собеседниках = полушариях головного мозга один из них главный, со своего рода рефлексией, и он, несмотря на противоречия диалога, отвечает за единство личности.

Вспомним, что было известно в те годы. Основная бинарная оппозиция изначально существовала: левое полушарие — речевое и аналитическое, правое — эмоциональное, зрительное, гештальтное, слабо ассоциирующееся с вербальным языком. Справедливо вспомнить, что уже в начале 1980-х годов Р. Якобсон отмечал, что дело не в «инвентаре», а в противопоставлении того, что он называл «опосредованными» и «неопосредованными» сигналами (например, акустически идентичные звуки [w] при задувании свечи и при произнесении слов типа *what*). Первые он ассоциировал с правополушарными функциями, вторые — с левополушарными. Чем дальше, тем больше становилось ясно, что дело не в наборе «объектов» (материальных или ментальных), а в том, что именно происходит с ними в результате мыслительных процессов, и, как мы бы сейчас сказали, в выборе когнитивного стиля.

Огромное влияние на меня оказала статья Ю. Лотмана и Б. Успенского «Миф — имя — культура» (1973), предварявшаяся блестящим тезисом «Мир есть материя. Мир есть конь», где при внешнем формальном

сходстве между фразами очевидна принципиальная разница. В первом случае существенно отсутствие изоморфизма между описываемым миром и системой описания, во втором случае, напротив, признание такого изоморфизма. Второй тип описания авторы называют мифологическим, первый — немифологическим, или дескриптивным. По сути дела, эта статья, как в дальнейшем работы Пеэтера Тульвисте (1977; 1981), и вдохновила наши исследования уже не только вербального языка, а типов ментальности в кросс-культурном, фило- и онтогенетическом аспектах (Лурия, 1974; 1979; Черниговская, Деглин, 1983; 1984; 1986; Chernigovskaya, 1994; 1996). Чем дальше, тем очевиднее становится ценность метафорического мышления вне зависимости от области ментальных процессов: идея изоморфизма в науке не менее важна, чем идея каузальности, а античная наука не менее ценна, чем постдекартовская (Черниговская, 2012; 2017; 2021а; 2021б; Chernigovskaya, 2020).

Активно разрабатывавшаяся в те годы идея диалога вызвала в этом контексте интерес нейрофизиологов к работам М.М. Бахтина (1979) («Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний...»; «Диалогические рубежи пересекают все поле живого человеческого мышления»), Л.С. Выготского (1982–1984) (перерастание диалога «между разными людьми» в диалог «внутри одного мозга»), В.С. Библера (1975) (процесс «внутреннего диалогизма» как столкновение радикально различных логик мышления), Вяч. Вс. Иванова (1978, 1979, 2004) («Процессы обмена информацией внутри мозга и внутри общества... разные стороны единого процесса»). Сам механизм семиозиса, предполагает Лотман, работает на затруднение контакта, понимания, и идея диалога является ключевой, диалог всегда происходит на разных языках, с трудностями и надеждой на понимание. *Работает не только механизм унификации, но и механизм разнообразия.* В разные периоды культура, замечает Лотман, отождествляет себя то с кинематографом, то с поисками гомункулуса, то с крестовыми походами. Это подводит нас к одной важнейшей мысли: *Система культурного и даже биологического развития работает не на стирание различий, а на их увеличение* (ср.: Chernigovskaya, Natochin, Menshutkin, 2000; Natochin, Chernigovskaya, 2020).

Через несколько лет после первых исследований список полушарных характеристик стал выглядеть примерно так (ранее этот свод никогда не публиковался, хотя многое отражено в публикациях, в основном собранных в моей книге (Черниговская, 2017).

Левое полушарие (генетически предрасположенное для вербального языка):

- анализ и порождение фраз — их поверхностной структуры;
- «оболочки слов» — звуковые и буквенные формы слов с соответствующей абстрактно-смысловой информацией;
- «вторые» языки, выученные поздно аналитическим методом;
- усвоенность «формул» и доверие к ним, потенциальная возможность «ложных» высказываний;
- теоретические знания о мире и его законах;

- «теоретическая» геометрия зрительного восприятия — знания о том, как должно быть, выбор прямой перспективы описания зрительного пространства;
- силлогистическое мышление;
- опосредованность сигналов;
- анализ музыки;
- предпочтительное восприятие высокочастотных звуков;
- положительные эмоции;
- понимание формального смысла высказывания, но непонимание эмоционального значения и даже сути (юмора, угрозы и т. д.);
- неразличение знакомых / незнакомых, мужских / женских голосов, природных и бытовых звуков;
- алфавитное письмо и чтение;
- означающая сторона языкового знака (звучание);
- дифференциальные признаки фонем;
- лингвистическая просодика (в том числе фонематичность тона в тональных языках);
- «слабая семантика» — внутриязыковые смысловые трансформации, абстрактные логические смыслы; синонимы, антонимы и т. д.;
- синтагматика — соединение единиц по близости, смежности, ассоциативности;
- связность текста — формальная организация элементов;
- соотнесение слова и концепта в треугольнике Фреге: отвлеченность от конкретной ситуации;
- логицирующая генеративная семантика;
- потенциальная возможность создания новых сочетаний слов и неологизмов;
- «грамматика» с минимумом тесно примыкающих к ней слов типа *верх / низ, над / под*, глаголы, шифтеры;
- правильное пользование словами *право / лево* при сложностях ориентации в реальном пространстве;
- информация о базовой (универсальной?) грамматике, хранимая в общем виде — возможно, генетически предопределенная;
- планирование, обращенность в будущее;
- структурирование, оперирование последовательностями дискретных элементов;
- логика, формальный интеллект, логические операции над числами;
- категориальность, понимание и создание символических знаков.

Правое полушарие:

- глобальность, гештальтность, целостные образы;
- восприятие, узнавание, сочинение музыки;
- предпочтительное восприятие низкочастотных звуков;
- эмоциональная сфера, главным образом отрицательные эмоции;
- понимание смысла слов и сценариев, их эмоционального значения, юмора, иронии;
- распознавание неречевых звуков;
- иероглифическое письмо и чтение;

- значение, означаемая сторона знака;
- узнавание голосов;
- эмоциональная просодика, звуковые штампы, ритмы, рифмы;
- «сильная семантика» — конкретные значения слов с «прозрачными денотатами», особенно конкретные имена существительные;
  - парадигматика, селекция — отнесение объектов, в том числе слов, к какой-либо категории (фонемные оппозиции, животные / растения и т. д.);
  - цельность текста — отнесение его к определенному объекту сообщения;
  - комбинаторная семантика, клише, память на речевые эталоны;
  - «словарь», в котором некоторые высказывания хранятся в готовом виде (идиомы);
  - семантика — конкретная смысловая информация о внешнем мире, эмпирика;
  - пространственная ориентировка в *право / лево*;
  - реальное время или прошлое, невозможность абстрагироваться от конкретной ситуации;
  - соотношение слова и денотата в треугольнике Фреге;
  - математическое мышление, аналитическая геометрия, топология;
  - создание и понимание иконических знаков;
  - глубинные семантические и ядерные синтаксические структуры;
  - слова как части единых ассоциативных или семантических комплексов, отсутствие понимания абстрактных терминов;
    - первый и «вторые» языки, выученные материнским, прямым методом или уже автоматизированные;
    - доверие своему опыту, понимание «истинности» высказываний;
    - эмпирические сведения о реальном мире;
    - видимая геометрия, обратная перспектива, узнавание лиц;
    - метафорическое мышление, фольклор;
    - существенная роль в жестовых языках и в чтении по Брайлю.

Конечно, всё это — лишь схемы, и полушарные функции сложны и находятся в реципрокных отношениях, в которых чем больше роль одного из «собеседников», тем меньше роль другого и весьма сильны компенсаторные механизмы. Печально то, что, как правило, не вмещающиеся в эту схему живые примеры традиционно отбрасываются, хотя мы знаем, что «отрицательный» материал может быть более ценным и вносит новую перспективу в анализ. Можно только еще раз отметить: мысль сильнее факта... В условиях мозговых нарушений наблюдаются необычные эффекты, когда одни способности снижаются или даже исчезают, а другие, наоборот, проявляются особенно ярко. Лотман в своем выступлении приводит примеры Тютчева и Батюшкова, а я добавлю биографическую историю, описанную Ю. Маниным (Манин, 2008; 2011).

В XXI веке проблема полушарной организации языка и мышления выглядит гораздо сложнее, и если сконцентрировать этот современный взгляд, можно быть уверенным, что наши когнитивные умения больше не делятся на два (чет-нечет). Очень глубоко и прозорливо Лотман в

публикуемом в настоящем издании выступлении допускал, что бинарные деления продолжают и далее / глубже. Это же в те годы отмечали и Вяч. Вс. Иванов, и даже, хотя и в другом контексте, А.Р. Лурия, указывая на сходство функций нижних отделов левого полушария с верхними правого, и наоборот. Нужно в связи с этим подчеркнуть мысль Лотмана об избыточности семиотических систем и, с другой стороны, идею Карла Прибрама о голографичности организации мозга, что исключает принцип локализации функций. Очень интересно то, что Лотман называет «чертежом» (базовые свойства системы), подчеркивая, что они могут быть не только алгоритмическими / левополушарными. Важнейшая мысль Лотмана (текст многомерен по определению, он всегда разный и зависит от всех видов контекстов и реципиентов) ассоциируется у него с цитатой из Р. Якобсона: «мне структурами заниматься неинтересно, меня интересуют тексты». Подчеркивается принципиальная зависимость от наблюдателя, а значит, от взгляда с разных сторон как в физическом смысле — например, прямая / обратная перспектива при зрительном восприятии сложных объектов (см. работы Раушенбаха, например (2001)), так и в семиотическом — вспомним Витгенштейна с его пониманием текста как ковра, из которого каждый вытягивает свои нити, и Эйнштейна, утверждавшего, что физика не о том, каков мир, а о том, что мы можем сказать о мире. Текст знает больше своего создателя, пишет Лотман, потому что допускает множественные интерпретации (и в этом, я думаю, отличие художественного и научного текстов и, соответственно, разные требования к ним). Подчеркивается нестабильность смыслов в зависимости от меняющегося контекста, от отношения означаемого и означающего, имеющего социальное и личностное значение как чрезвычайно важная характеристика семиозиса (Золян, 2016; 2022; Черниговская 2021a; 2021б). Читатель — соавтор...

Говоря о диалоге как принципе организации семиотического процесса, Лотман подчеркивает, что, если канал передачи информации идеален, коммуникация не нужна (и приводит пример светофора). Даже внутри мозга одного человека текст меняется при «коммуникации» правого и левого полушарий с обеспечиваемыми ими разными когнитивными стилями, не говоря о еще более сложных процессах, происходящих при мозговой патологии (это было продемонстрировано в работах группы Л. Я. Балонова и В. Л. Деглина).

Лотман говорит о «шуме» при коммуникации, ставя важнейший вопрос: разнообразие — это ошибка «инженера», понимаемого как природа в самом широком смысле, включая и Nature vs Nurture? Канал передачи смыслов с его «шумами» только портит коммуникацию или, наоборот, творит новые смыслы? *Коммуникационный дефект*, говорит Лотман, и есть и интеллектуальный прорыв, и его цена. Конечно, понятна принципиальная языковая / семиотическая непереводаемость, но овладение культурными кодами, с одной стороны, уменьшает «шум» при переносе смыслов, а с другой — является инструментом для порождения новых смыслов, формирования новых семиотических пространств. Большая часть *недискретных, семантически размазанных тек-*

стов от нас ускользает просто потому, что мы не знаем, как их описывать «неэссеистически»; у нас для этого просто нет аппарата. Что же удивляться, что доступные нам «четкие» тексты ведут себя «дисциплинированно» и подтверждают наши схемы! «Левополушарная» область культуры нам понятна, а правополушарная — мутна, для нее нет языка. Это все равно, что описывать сны или пересказывать фильмы Феллини (Черниговская, 2021а; 2021б). Как писал И. Бродский: *Уйдя из точки «А», там поезд на равнине / Стремится в точку «Б». Которой нет в долине. <...> Там в воздухе висят обрывки старых арий. <...> Простую мысль, уввы, пугает вид извилин. <...>*

Чрезвычайно интересны мысли Ю. М. Лотмана о языке (см. подробный разбор в статье С. Т. Золяна (2022)), в частности утверждение, что не языки создают тексты, а тексты создают языки. Бродский в Нобелевской лекции пишет: «Поэт... есть средство существования языка... Он — тот, кем язык жив. <...> Это и есть тот момент, когда будущее языка вмещивается в его настоящее. <...> Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку... стихотворение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» (Бродский, 2002, с. 764–765). Это очень созвучно с позицией Лотмана о том, что художественный текст — *генерирующая активная смыслопорождающая функция, прототипическое проявление языковой деятельности как таковой.*

Очень интересна и важна для нейросемиотического описания идея конвенциональной реальности языка, сосуществования двух реальностей (языковой и внеязыковой) и мысль о принципиальной невозможности описания мира только одним из языков (для адекватного описания мира нужен весь мозг с его межполушарным диалогизмом). Вся область нейросемиотики могла бы называться как книга Лотмана — «Внутри мыслящих миров» (Лотман, 1999).

С новой силой в новом веке встают глобальные вопросы: имеет ли усилившаяся в эволюции латерализация мозговых функций решающее значение для формирования языка человека и когниции высокого ранга (учитывая, например, установленную биологами латеральную асимметрию у животных)? Есть ли основания говорить о генетической основе языковой способности человека и определять то, в чем именно она заключается (см. многочисленные дискуссии последних лет о роли гена FOXP2 и зоны его действия в формировании нейронной сети) (Черниговская, 2017)? Достаточно ли средств естественных наук, чтобы найти принципы и механизмы, по которым действует мозг в его высших, а не только простых умениях, сопоставимых с возможностями других живых существ или искусственными интеллектуальными объектами? Язык, сознание, мышление, qualia — это уникальные характеристики человека? Как мы можем (если можем) это доказать? Чем принципиально отличается мозг и мышление человека от мышления других семиотических существ (см.: Kull, 1999; 2001; Kull, Maran, 2022)? Способность игры со светом и тьмой, с фигурой и фоном, с выбранным и отвергнутым — основная жизненно важная задача мозга, который любит акценты, так как строит мир ежесекундно. Линейный взгляд на

процессы такой степени сложности бесперспективен. Нужна смена парадигм... Взгляд на мозг через призму высших умений человека — искусства и языка — может изменить нейронауку.

Надеюсь, Ю. М. Лотман согласился бы: истина в глазах смотрящего, а не в «глазах томографа», а шум — не досадная помеха и ошибка «инженера», а основа семиозиса.

Вечные вопросы по-прежнему требуют ответов от естественных наук, в частности от физиологии и генетики, но также и от антропологии и лингвистики, а теперь и от сферы искусственного интеллекта в разных его изводах... Более того, сейчас ясно, что для понимания самого сложного из человеческих умений — творчества — нам нужны знания о личности творца, о динамике его трансформаций и развития, нужны дневники, черновики, мемуары, а к этому никогда не обращались естественные науки. Мозг не просто обрабатывает информацию, он ее создает. Исследуя нейронные сети и гиперсети в надежде понять смысл того, что происходит в мозге, и решить проблему сознания, мы зависаем над бездной, так как изучаем только тело. Изучая только проявления нашей психики, мы зависаем над ней же. Наука стала другой, но это не умаляет ценности сделанного 40 лет назад. Вспомним о том, как Юрий Михайлович цитировал Пушкина: *Не следует кусать грудь кормилицы, потому что зубки прорезались...*

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ 21-18-00429 «Когнитивные механизмы обработки мультимодальной информации: тип текста и тип реципиента».

Список литературы

Балонв Л. Я., Деглин В. Л. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Л., 1976.

Балонв Л. Я., Деглин В. Л., Черниговская Т. В. Функциональная асимметрия мозга в организации речевой деятельности // Сенсорные системы: Сенсорные процессы в асимметрии полушарий. Л., 1985. С. 99–114.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Библер В. С. Мышление как творчество: введение в логику мысленного диалога. М., 1975.

Бродский И. А. Соч. Екатеринбург, 2002.

Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1982–1984.

Золян С. Т. Юрий Лотман о тексте: идеи, проблемы, перспективы // Новое литературное обозрение. 2016. №3. С. 130–139.

Золян С. Т. Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2022. №1. С. 106–119.

Иванов Вяч. Вс. Нейросемиотика устной речи и функциональная асимметрия мозга // Труды по знаковым системам. [Сб.] 2 : Семиотика устной речи. Тарту, 1979. С. 121–142 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 481).

Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М., 2004.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам. [Сб.] 6. Тарту, 1973. С. 282–303 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 308).

Лотман Ю.М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. [Сб.] 17 : Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту, 1984. С. 5–23 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 641).

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.

Лотман Ю.М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 10–23.

Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.

Манин Ю.И. Сова и Солнце. 2012 (рукопись).

Манин Ю.И. Математика как метафора. М., 2008.

Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб., 2002.

Тульviste П. Существует ли специфически детское вербальное мышление? // Вопросы психологии. 1981. №5. С. 34–42.

Тульviste П. Тип текста и тип мышления (заметки к одной общей проблеме семиотики и психологии) // Труды по романо-германской филологии. [Сб.] 7 : Литературоведение. Тарту, 1977. С. 94–100 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 426).

Черниговская Т.В. Языки сознания: кто читает тексты нейронной сети? // Человек в мире знания: в честь 80-летия акад. В.А. Лекторского. М., 2012. С. 403–415.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М., 2017.

Черниговская Т.В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопросы философии. 2021а. №1. С. 17–26.

Черниговская Т.В. Еще раз о мозге и семиозисе: можно ли найти точку в нейросетях? // Вопросы философии. 2021б. №6. С. 5–13.

Черниговская Т.В., Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Билингвизм и функциональная асимметрия мозга // Труды по знаковым системам. [Сб.] 16 : Текст и культура. Тарту, 1983. С. 62–83 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 635).

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологическое исследование языковой компетенции) // Труды по знаковым системам. [Сб.] 17 : Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту, 1984. С. 33–44 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 641).

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Труды по знаковым системам. [Сб.] 19 : Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту, 1986. С. 68–84 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 720).

Якобсон Р.О. Мозг и язык // Избр. раб. М., 1985. С. 270–286.

Chernigovskaya T., Natochin Yu., Menshutkin V. Principles of evolution of natural and computer languages and physiological systems // “Becoming Loquens” – Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics / ed. by B. Bichakjian, T. Chernigovskaya, A. Kendon, A. Moeller. Vol. 1. Frankfurt a/M ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; N. Y. ; Oxford ; Wien, 2000. P. 211–236.

Chernigovskaya T. V. Cerebral asymmetry – a neuropsychological parallel to semio-genesis // Acta Colloquii. Bochum publications in Evolutionary Cultural Semiotics. Language in the Wurm Glaciation / ed. by U. Figge, W. Koch. Vol. 27. 1996. P. 53–64.

Chernigovskaya T. V. Cerebral lateralization for cognitive and linguistic abilities: neuropsychological and cultural aspects // Studies in Language Origins / ed. by J. Wind, A. Jonker, R. Allott, L. Rolfe. Vol. 3. Amsterdam ; Philadelphia, 1994. P. 56–76.

Chernigovskaya T. V., Balonov L. J., Deglin V. L. Bilingualism and brain functional asymmetry // Brain and Language. 1983. Vol. 20. P. 195–216.

Chernigovskaya T. V. Biology, environment, and culture: from animal communication to human language and cognition // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2020. №1. С. 157–170.

Jakobson R., Santilli K. Brain and Language: Cerebral Hemispheres and Linguistic Structure in Mutual Light. N.Y., 1980.

Kull K. Jakob von Uexküll: An introduction // *Semiotica*. 2001. Vol. 134 (1–4), P. 1–59.

Kull K. Towards Biosemiotics with Juri Lotman // *Semiotica*. 1999. Vol. 127 (1–4). P. 115–131.

Kull K., Maran T. Jury Lotman and life sciences // *The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture* / ed. by M. Tamm, P. Torop. L., 2022. P. 461–475.

Natochin Yu., Chernigovskaya T. From Archebiosis to Evolution of Organisms and Informational Systems // *Biological Communications*. 2020. Vol. 3. P. 215–227.

Torop P. Russian Theory and Semiotics of Culture: History and Perspectives // *Bakhtiniana: Revista de Estudos do Discurso*. 2019. Vol. 14 (4). P. 19–39.

Об авторе

Татьяна Владимировна Черниговская, доктор филологических наук, доктор биологических наук, директор Института когнитивных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет; член-корреспондент, Российская академия образования; главный научный сотрудник, лаборатория нейровизуализации, Институт мозга человека им. Н. П. Бехтерева РАН, Россия.

E-mail: t.chernigovskaya@spbu.ru

Для цитирования:

Черниговская Т. В. «Шум» как ключ к семиозису: мозг и культура (40 лет спустя) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 24–36. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

“NOISE” AS A KEY TO SEMIOSIS: THE BRAIN AND CULTURE (40 YEARS LATER)

T. V. Chernigovskaya^{1,2}

¹ Institute for Cognitive Research, Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg, Russia

² N. Bekhtereva Institute of Human Brain
12a Academician Pavlov St., 197376, St. Petersburg, Russia

Submitted on December 15, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-1

The article explores the context important for the analysis of Lotman’s talk at the seminar on the problem of semiogenesis and functional specialization of cerebral hemispheres as a model of intellectual processes, which was held in Tartu. Forty years later, the author anal-

yses changes in the viewpoints on the proposed model, taking into account the data of experimental neuroscience. The article emphasizes the fundamental value and topicality of Yuri Lotman's ideas on the production of meaning in individual and cross-cultural space.

Keywords: cerebral hemispheric asymmetry, dialogue, neurosemiotics, Yuri Lotman

References

Bakhtin, M.M., 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow (in Russ.).

Balonov, L. Ya., Deglin, V.L., 1976. *Slukh i rech' dominantnogo i nedominantnogo polusharii* [Hearing and speech of the dominant and non-dominant hemispheres]. Leningrad (in Russ.).

Balonov, L. Ya., Deglin, V.L., Chernigovskaya, T.V., 1985. Functional asymmetry of the brain in the organization of speech activity. In: *Sensornye sistemy: Sensornye protsessy v asimmetrii polusharii* [Sensory systems: Sensory processes in the asymmetry of the hemispheres]. Leningrad, pp. 99–114 (in Russ.).

Bibler, V.S., 1975. *Myshlenie kak tvorchestvo: vvedenie v logiku myslennogo dialoga* [Thinking as creativity: an introduction to the logic of mental dialogue]. Moscow (in Russ.).

Brodsky, J.A., 2002. *Sochineniya* [Works]. Yekaterinburg (in Russ.).

Chernigovskaya, T., Natochin, Yu., Menshutkin, V., 2000. Principles of evolution of natural and computer languages and physiological systems. In: B. Bichakjian, T. Chernigovskaya, A. Kendon and A. Moeller, eds. *"Becoming Loquens" – Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics*. Vol. 1. Frankfurt a/M; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, pp. 211–236.

Chernigovskaya, T.V., 1994. Cerebral lateralization for cognitive and linguistic abilities: neuropsychological and cultural aspects. In: J. Wind, A. Jonker, R. Allott, L. Rolfe, eds. *Studies in Language Origins*. Vol. 3. Amsterdam – Philadelphia, pp. 56–76.

Chernigovskaya, T.V., 1996. Cerebral asymmetry – a neuropsychological parallel to semigenesis. In: U. Figge and W. Koch, eds. *Acta Colloquii. Bochum publications in Evolutionary Cultural Semiotics. Language in the Wurm Glaciation*. Vol. 27, pp. 53–64.

Chernigovskaya, T.V., 2012. Languages of consciousness: who reads neural network texts? In: *Chelovek v mire znaniya: v chest' 80-letiya akademika V.A. Lektorskogo* [Man in the world of knowledge: in honor of the 80th anniversary of Academician V.A. Lektorsky]. Moscow, pp. 403–415 (in Russ.).

Chernigovskaya, T.V., 2017. *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie* [Cheshire smile of Schrödinger's cat: language and mind]. Moscow (in Russ.).

Chernigovskaya, T.V., 2021a. Neuroscience search for meaning: brain as baroco? *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1, pp. 17–26 (in Russ.).

Chernigovskaya, T.V., 2021b. More on brain and semiosis: Can we find a point in neuronets? *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 6, pp. 5–13 (in Russ.).

Chernigovskaya, T.V., Balonov, L.J., Deglin, V.L., 1983a. Bilingualism and brain functional asymmetry. *Brain and Language*, 20, pp. 195–216.

Chernigovskaya, T.V., Balonov, L.J., Deglin, V.L., 1983b. Bilingualism and functional asymmetry of the brain. *Trudy po znakovym sistemam. 16: Tekst i kul'tura (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 635)* [Sign Systems Studies. 16: Text and culture (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 635)]. Tartu, pp. 62–83 (in Russ.).

Chernigovskaya, T.V., Deglin, V.L., 1984. The problem of internal dialogism (neuropsychological study of language competence). *Trudy po znakovym sistemam. 17: Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma (Uchenye zapiski Tartus-*

kogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 641) [Sign Systems Studies. 17: Dialogue structure as a principle of operation of the semiotic mechanism (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 641)]. Tartu, pp. 33–44 (in Russ.).

Chernigovskaya, T. V., Deglin, V. L., 1986. Metaphorical and syllogistic thinking as a manifestation of the functional asymmetry of the brain. *Trudy po znakovym sistemam. 19: Semiotika prostranstva i prostranstvo semiotiki (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 720)* [Sign Systems Studies. 19: Semiotics of space and space of semiotics (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 720)]. Tartu, pp. 68–84 (in Russ.).

Chernigovskaya, T. V., 2020. Biology, environment, and culture: from animal communication to human language and cognition. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies], 1, pp. 157–170.

Ivanov, Vyach. Vs., 1978. *Chet i nechet: asimmetriya mozga i znakovykh sistem* [Even and Odd: Asymmetry of the Brain and Sign Systems]. Moscow (in Russ.).

Ivanov, Vyach. Vs., 1979. Neurosemiotics of oral speech and functional asymmetry of the brain. *Trudy po znakovym sistemam. 2: Semiotika ustnoi rechi (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 481)* [Sign Systems Studies. 2: Semiotics of oral speech. (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 481)]. Tartu, pp. 121–142 (in Russ.).

Ivanov, Vyach. Vs., 2004. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushchemu* [Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future]. Moscow (in Russ.).

Jakobson, R., Santilli, K., 1980. *Brain and Language: Cerebral Hemispheres and Linguistic Structure in Mutual Light*. New York.

Jakobson, R. O., 1985. Brain and language. In: *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, pp. 270–286 (in Russ.).

Kull, K., 1999. Towards biosemiotics with Yuri Lotman. *Semiotica*, 127 (1–4), pp. 115–131.

Kull, K., 2001. Jakob von Uexküll: An introduction. *Semiotica*, 134 (1–4), pp. 1–59.

Kull, K., Maran, T., 2022. Jury Lotman and life sciences. In: M. Tamm and P. Torop, eds. *The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture*. London, pp. 461–475.

Lotman, Yu. M., 1984. On semiosphere. *Trudy po znakovym sistemam. 17: Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 641)* [Sign Systems Studies. 17: Dialogue structure as a principle of operation of the semiotic mechanism (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 641)]. Tartu, pp. 5–23 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1999. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 2022. Lecture at Tartu State University, March 13, 1981. *Slovo.ru: Baltic accent*, 13 (2), pp. 10–23 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., Uspenskii, B. A., 1973. Myth – name – culture. In: *Trudy po znakovym sistemam. 6. (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 308)* [Sign Systems Studies. 6. (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 308)]. Tartu, pp. 282–303 (in Russ.).

Luria, A. R., 1974. *Ob istoricheskom razvitiu poznavatel'nykh protsessov* [On the historical development of cognitive processes]. Moscow (in Russ.).

Luria, A. R., 1979. *Yazyk i soznanie* [Language and mind]. Moscow (in Russ.).

Manin, Yu. I., 2008. *Matematika kak metafora* [Mathematics as a metaphor]. Moscow (in Russ.).

Manin, Yu. I., 2012. *Sova i Solntse* [An Owl and the Sun] (in Russ.).

Natochin, Yu., Chernigovskaya, T., 2020. From Archebiosis to Evolution of Organisms and Informational Systems. *Biological Communications*, 3, pp. 215–227.

Raushenbakh, B. V., 2002. *Geometriya kartiny i zritel'noe vospriyatie* [The geometry of the picture and visual perception]. St. Petersburg (in Russ.).

Torop, P., 2019. Russian Theory and Semiotics of Culture: History and Perspectives. *Bakhtiniana: Revista de Estudos do Discurso*, 14 (4), pp. 19–39.

Tulviste, P., 1977. Type of Text and Type of Thinking (Notes on a Common Problem in Semiotics and Psychology). *Trudy po romano-germanskoi filologii. T. 7, Literaturovedenie (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 426)* [Romano-Germanic Philology Studies. Vol. 7, Literary studies. (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 426)]. Tartu, pp. 94–100 (in Russ.).

Tulviste, P., 1981. Does specifically children's verbal thinking exist? *Voprosy Psichologii* [The Issues Relevant to Psychology], 5, pp. 34–42 (in Russ.).

Vygotsky, L. S., 1982–1984. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Moscow (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2016. Yuri Lotman about the text: ideas, problems, perspectives. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 3, pp. 130–139 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2022. Yuri Lotman: On problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 106–119 (in Russ.).

The author

Prof. Tatiana V. Chernigovskaya, Director, Institute for Cognitive Research, Saint Petersburg State University; Corresponding Member, Russian Academy of Education; Chief Researcher, Neuroimaging Laboratory, N. Bekhtereva Institute of Human Brain, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: t.chernigovskaya@spbu.ru

To cite this article:

Chernigovskaya, T. V. 2022, "Noise" as a key to semiosis: the brain and culture (40 years later), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 24–36. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-1.

СЕМИОПОЭЗИС: О РОЖДЕНИИ СЕМИОСФЕРЫ ИЗ БИОСФЕРЫ

С. Т. Золян^{1, 2}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Институт философии, социологии и права НАН Армении
Армения, 375010, Ереван, ул. Арами, 44

Поступила в редакцию 05.12.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-2

Обсуждается возможное развитие концепции Ю. М. Лотмана о семиосфере путем дополнения ее идеей семиопоэзиса. Рассмотрение процессов происхождения, эволюции и функционирования генетического кода позволяет описать основные механизмы этого процесса. Ассоциации материальных явлений (в данном случае нуклеотидов и аминокислот) привели к установлению семиотических связей, в результате чего возникают механизмы хранения и передачи информации, позволяющие создавать устойчивые формы жизни. Возрастающая сложность организации приводит к кристаллизации информационного и семиотического начал. Семиопоэзис – рекурсивная автореференция семиотической системы – становится формой организации биомира, когда в нем определяющими оказываются такие параметры, как смысл и цель. Подобное понимание этих процессов позволяет развить лотмановскую концепцию семиосферы и, во-первых, подтвердить его предположения о том, что семиозису может предшествовать только предыдущая семиотическая форма, а во-вторых, показать исходные механизмы самоорганизации и автономного функционирования семиосферы. Сам дуализм генетического кода, его одновременно биохимическую и лингвесемиотическую организацию, а также процессы экспрессии генов можно сравнить с тем, что Лотман считал основным принципом функционирования семиосферы, – взаимодействием противоположно организованных гетерогенных механизмов.

Ключевые слова: Юрий Лотман, семиосфера, семиозис, семиопоэзис, генетический код

1. Семиосфера как субъект и сама по себе объект¹

Выдвинутое в 1984 году понятие семиосферы (Лотман, 1984) значительно изменило предмет семиотики: не столько знак или знаковая система, сколько динамическое взаимодействие различных гетерогенных языков и текстов становится центральным объектом изучения. Но при этом неизбежно и другое смещение – столь сложные и непредсказуемые механизмы взаимодействия уже не могут быть описаны как результат сознательной деятельности человека, как это принято делать в случае функционирования отдельных знаковых систем. Кто является субъектом (или агентом – в данном случае разница незначительна) семиотической деятельности, создающим и организующим семиотические

© Золян С. Т., 2022

¹ Ср.: (Лотман, 1989; Lewontin, 1983).

парадигматические и синтагматические отношения как между системами, текстами, знаками и контекстами, так и внутри них, — этот вопрос вряд ли можно считать проясненным.

В работах Лотмана можно найти принципиальную схему решения данной проблемы. Семиосфера описывается как иерархически организованное интегральное пространство и в то же время система систем; она функционирует как единый самодостаточный организм без какого-либо внешнего контроля. Она не создается путем поэтапного добавления отдельных элементов, а возникает в результате собственной деятельности:

Все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса (Лотман, 1984, с. 7).

Лотман не связывает этот механизм (или организм) с сознательной деятельностью человека, ни с индивидуальным, ни с коллективным субъектом (людьми, культурой, обществом и т. д.):

Индивидуальный человеческий интеллектуальный аппарат — не монополист на работу мысли. Семиотические системы, каждая в отдельности и все они в интегрирующем единстве семиосферы, синхронно и всей глубиной исторической памяти, осуществляют интеллектуальные операции, хранят, перерабатывают и увеличивают объем информации (Лотман, 1996, с. 385).

Семиосфера приравнивается к интеллектуальному существу и выступает как «семиотическая личность». Функционирование «подобластей семиосферы» приобретает поведенческий характер:

Существенной особенностью структурного построения ядерных механизмов семиосферы является то, что каждая ее часть сама представляет собой целое, замкнутое в своей структурной самостоятельности. Связи ее с другими частями сложны и отличаются высокой степенью деавтоматизированности. Более того, на высших уровнях они приобретают характер поведения, то есть получают способность самостоятельного выбора программы деятельности (Лотман, 1984, с. 14).

Эти программы деятельности возникают в результате того же фундаментального принципа, что и организация материи — симметрии и дифференциации:

В основе всех коммуникативных процессов лежит инвариантный принцип, делающий их подобными между собой. Этот принцип строится на сочетании симметрии — асимметрии (на уровне языка эта структурная черта была охарактеризована Соссюром как «механизм сходств и различий») с периодической сменой апогеев и затуханий в протекании всех жизненных процессов в любых их формах. По сути и эти два принципа могут быть све-

дены к более общему единству: симметрия – асимметрия может рассматриваться как расчленение некоторого единства плоскостью симметрии, в результате чего возникают зеркально-отраженные структуры – основа последующего роста разнообразия и функциональной спецификации (Лотман, 1984, с. 17).

Вероятно, на такое объяснение повлияли аналогии с физическими процессами. Однако семиотическое объяснение представляется более уместным, что и было сделано Лотманом: он сравнил принцип симметрии и ее преобразований с сосюрковским «механизмом сходств и различий». Развитие семиосферы и ее внутренней динамики Лотман объяснял повышением степени ее сложности и внутренней дифференциации, а не сознательными действиями коммуникантов-пользователей. Поскольку описание самого процесса было дано Лотманом в самых общих чертах, можно предложить следующее продолжение его идей, рассмотрев возможность приложения общего принципа симметрии и ее преобразований к семиотическим процессам, увязав внутреннюю динамику семиосферы с механизмами семиотической самоорганизации, начала которой можно увидеть уже в биосфере. Эти механизмы могут быть обобщены посредством понятия семиопозиса (*semio-poiesis*), что позволяет соотнести понятия семиосферы и семиозиса также и с такими концепциями, как аутопозис (Maturana, Varela, 1980), автореференции (Luhmann, 1990), телединамики (Deacon, 2011) и кодопозиса (Barbieri, 2012).

2. Семиосфера и биосфера: переосмысляя Вернадского

Прояснение семиотических процессов путем их соотнесения с биологическими хорошо согласуется с основными идеями Лотмана. Само понятие семиосферы было выдвинуто Лотманом как развитие понятия биосферы Вернадского². Но примечательно, что Лотман оставляет в стороне другое ключевое для Вернадского понятие – ноосферу (вероятно, чтобы избежать неуместной в этом случае полемики, он вводит не совсем понятное разграничение между ноосферой как материально-пространственным и семиосферой как абстрактным феноменом (Лотман, 1984, с. 6)). Концепт ноосферы связан именно с разумом и сознанием человека, тогда как Лотман отказывает ему в «монополии» на семиотическую деятельность. Поэтому, даже цитируя Вернадского, Лотман смещает акценты – для него интеллектуальная деятельность

² Взаимосвязь между биосферой и семиосферой в свете идей Лотмана рассматривается в целом ряде работ: (Hoffmeyer, 1998; 2007; Kull, 1999; 2015a; 2015b; Kotov, 2002; Kotov, Kull, 2011; Nöth, 2006, 2015; Lotman, 2002; Markoš, 2004; 2014; Kull, Maran, 2021). Заметим, что сам Лотман описывал ситуацию иначе: при написании статьи о семиосфере он не заимствовал идеи Вернадского, а наоборот, находил собственные идеи у Вернадского: «С увлечением читаю Вернадского и нахожу у него многие мои мысли (пишу статью о семиосфере). Пишет он прекрасно – широко и поэтично. Так может писать лишь геолог, привыкший думать отрезками в миллионы лет» (Ю.М. Лотман – Б.А. Успенский, 2016, с. 544).

есть продолжение конфликта жизни и материи: «Еще в заметках 1892 г. Вернадский указал на интеллектуальную деятельность человека (человечества) как на продолжение космического конфликта жизни с косной материей» (Лотман, 1996, с. 166), хотя в цитируемом им пассаже Вернадский утверждает скорее обратное: *во всей истории мы видим постоянную борьбу сознательных (то есть «не естественных») укладов жизни против бес-сознательного строя мертвых законов природы*, никак не обращаясь к более ранним, дочеловеческим стадиям. Куда более важной для Лотмана явилась другая идея Вернадского, которую Лотман интерпретирует применительно к семиозису:

Я однажды на нашем семинаре в Москве осмелился вслух высказать свое убеждение в том, что текст может существовать (т.е. быть социально осознан как текст), если ему предшествовал другой текст, и что любой развитой культуре должна была предшествовать развитая культура. И вот сейчас я обнаружил у Вернадского глубоко обоснованную громадным опытом исследований космической геологии мысль, что жизнь может возникнуть только из живого, т.е. если ей предшествует жизнь. Ведь как к жизни относятся все формы жизнедеятельности от работы бескислородных бактерий до наиболее сложных форм, так и у мысли (у семиозиса) есть простые и сложные формы... Только предшествование семиотической сферы делает общение сообщением. Только существование разума объясняет существование разума (Ю. М. Лотман — Б. А. Успенский, 2016, с. 544).

Семиозис возможен только при условии семиосферы. Но как в этом случае возможна сама семиосфера? — ведь, казалось бы, она есть результат семиозиса. Этот вопрос — один из постоянных для Лотмана. В его представлении жизни может предшествовать только жизнь, семиотическому пространству — другое семиотическое пространство, семиозису — семиозис:

Самовозрастающий логос» не подразумевает, а исключает изолированность. Мыслящее устройство не может работать в изоляции. Это подтверждается и индивидуальным «естественным разумом» (в значении, параллельном термину «естественный язык»), и вторичным коллективным разумом культуры. Роль пускового механизма играет поступающий извне текст, который приводит индивидуальное сознание в движение (Лотман, 1992, с. 27–28).

Помимо термина «мыслящее устройство» Лотман использует как синонимы термины «мыслящая структура», «семиотическая личность», «монады». Их деятельность он связывает с автокаталитическими реакциями. Семиосфера функционирует как организм, а организм — как семиосфера:

Вопрос же о необходимости для «мыслящих» семиотических структур получить начальный импульс от другой мыслящей структуры, а текстогенерирующим механизмам — получить в качестве пускового механизма некий текст извне заставляет вспомнить, с одной стороны, о так называемых

автокаталитических реакциях, т.е. реакциях, когда для получения конечного продукта (или для ускорения протекания химического процесса) необходимо, чтобы конечный результат уже присутствовал в каком-то количестве в начале реакции. С другой стороны, вопрос этот находит параллель с нерешенной проблемой «начала» культуры и «начала» жизни. Вспомним, что В.И. Вернадский отказывался отвечать на так поставленный вопрос, считая более плодотворными исследования взаимоотношения бинарно-асимметричных и, вместе с тем, единых структур. По этому пути идем и мы (Лотман, 1996, с. 4).

Можно уточнить: «началом» культуры и «началом» жизни является процесс семиопозиса — установления основных условий, при которых возможен семиозис (часть 3 данной статьи); а «начало» жизни можно наблюдать уже на исходном, относительно простом и в то же время наиболее значимом уровне — в процессах самоорганизации генетического кода (часть 4 статьи).

3. Семиопозис как модус самоорганизации

Как мы уже убедились, развитие семиосферы, по мнению Лотмана, подчинено ее внутренним процессам и не определяется вмешательством внешнего субъекта. В роли запускающего устройства выступает текст, который сам функционирует и как мыслящее устройство (Лотман, 1992, с. 27–28). Возникает вопрос — возможна ли семиотическая деятельность без мыслящего субъекта, наделенного когнитивными способностями?³ Сам факт наличия генетического кода позволяет прийти к однозначному выводу: существуют знаковые системы, находящиеся вне социальных отношений и не предполагающие наличия сознания (интеллекта). Информационные процессы в молекулярной генетике, когда система сама выполняет операции со знаками, позволяют увидеть семиозис без участия наделенных интеллектом субъектов. Если же рассмотреть существующие гипотезы о возникновении системных кодирующих отношений внутри биохимической субстанции, то они естественным образом интерпретируются именно как наделение этой субстанции семиотической формой.

Это не должно удивлять — подобную ситуацию задолго до открытия генетического кода предвидел Чарльз Пирс: семиотические отношения могут не предполагать обладающего интеллектом агента, они могут осуществляться своего рода «квазиразумом», «квазиинтеллектом» (*quasi-mind*), сопряженным с операциями над знаками и присущим

---

³ «Основным возражением здесь может быть указание на то, что текст сам по себе, взятый изолированно, не вырабатывает новых сообщений и что для этого сквозь него должен быть пропущен какой-либо другой текст, что практически реализуется, когда к тексту “подключается” читатель, хранящий в памяти некоторые предшествующие сообщения. Это возражение нетрудно отвести» (Лотман, 1992, с. 27–28).

знаку и знаковой системе самим по себе. В этом Пирс видел также возможность коммуникации, поскольку в структуре знака он видел сплавленные воедино два (как минимум) квазиинтеллекта — говорящего (*quasi-utterer*) и интерпретатора (*quasi-interpreter*) (Peirce, 1933, p. 551).

В то же время, и это может показаться парадоксальным, в триаде Пирса есть интерпретанта, но отсутствует интерпретатор. Безусловно, в этом Пирс был последователен: в его определении знака нет указания на наделенного сознанием субъекта (Peirce, 1976, p. 54). Однако это, казалось бы, ведет к противоречию — как может возникнуть результат деятельности (интерпретанта), если отсутствует агент действия (интерпретатор)?

В 1980-е годы ответ был получен благодаря новым открытиям в области процессинга генетической информации. Итальянские микробиологи Серджио Проди и Марчелло Барбьери, руководствуясь различными соображениями, приходят к необходимости дополнения описаний этих процессов семиотикой интерпретации и понятием интерпретатора как системы адекватной передачи информации. На этой стадии, как утверждал Проди, интерпретатор и интерпретанта совпадают, они возникают в результате автокаталитических реакций белкового синтеза (Prodi, 1988, p. 207). С другой стороны, Барбьери показал невозможность непосредственного перехода от генотипа к фенотипу, для чего эту модель следует дополнить третьим компонентом — риботипом (Barbieri, 1981). Продолжение исследований приводит Барбьери к необходимости дополнения описания этих процессов семиотическими моделями, что становится основой теории, названной им код-биологией. В ней понятие риботипа получает семиотическое истолкование: это рибонуклеопротеиновая система, которая производит протеин согласно правилам генетического кода. Следовательно, риботип — это «кодо-производитель (*codemaker*) клетки, внутренний агент, преобразующий клетку в семантическую систему» (Barbieri, 2008, p. 27).

Понятие интерпретатора и интерпретации получает развитие и в иных теориях и постепенно заменяет принятое представление об обработке генетической информации как тривиальной репликации структуры ДНК. С. В. Чебанов предложил новую версию биосемиотики — биогерменевтику (Chebanov, 1999). Антон Маркош расширил концепцию генетического чтения: механическому декодированию противопоставляется герменевтическое чтение, которое является «не просто вопросом расшифровки смысла — поскольку такой метод просто выявляет то, что уже существует ранее, — а скорее это сам акт приобретения знания... и создания смысла» (Markoš, 2002, p. 35). Согласно концепции Питера Уиллса, как результат процессов самоорганизации, еще до самого примордиального генетического кода, возникает также и интерпретатор. Само происхождение генетического кодирования, по мысли автора, можно рассматривать как биосемиозис (Wills, 2014, p. 152).

По мнению Уиллса, в результате процессов самоорганизации, еще до появления самого изначального генетического кода, возникает и интерпретатор; и само происхождение генетического кодирования идентифицируется как биосемиозис. Процесс семиозиса порождает его

субъектов (агентов)⁴. Представленное Уиллсом и Чарльзом Картером описание происхождения генетического кода структурно очень близко к тому, что Лотман описывал как взаимодействие между текстами, и может быть охарактеризовано как самоорганизующиеся «процессы принятия решений». Авторы показывают связь процессов катализа белкового синтеза с формированием рефлексивных автореферентных отношений. Происходит отображение генетической информации в механизмы молекулярного взаимодействия. Язык и интерпретатор — это системы рекурсивных операций. Определяющими оказываются замкнутые на себя процессы: автокатализация — автореференция — саморегулирование — самописание. Значение не возникает применительно к отдельной операции соотнесения нуклеотидов с аминокислотами, а определяется в системе и в контексте других операций в процессе взаимодействия разнородных факторов (то есть в процессе коммуникации). При этом причины и порождаемые ими эффекты трансформируются друг в друга, возникает замкнутый круг рекурсивных преобразований (или, точнее, то, что авторы называют «странной петлей Хофштадтера» (Carter, Wills, 2021)). В этом принципе взаимной трансформации, а не в конкретных деталях Уиллс усматривает ключ к разгадке происхождения генетического кода: «Генетический код не может функционировать без продуктов своих операций. Это само по себе является мощным ключом к разгадке его происхождения как результата самоорганизующегося перехода внутри динамики предшествующей ему системы» (Wills, 2019, p. 20).

Мы видим, как это и предполагал Лотман, что в основе первичного семиозиса лежат схемы автокатализа. Процесс белкового синтеза предстает как семиозис без субъекта — это одновременно деятельность и результат автокаталитических рекурсивных процессов. Понятие значения можно определить как продукт взаимодействия биосистемы с окружающей средой. Это приводит к возможности стабильной интерпретации одной системы в другой. Такое отношение может быть зафиксировано как семиотическое отношение между означаемым и означающим. Рассмотрение существующих гипотез относительно происхождения генетического кода позволяет выявить возможные пути возникновения семиозиса, и мы предлагаем обозначить этот процесс как *семиопоэзис*.

4. Рождение семиосферы из биосферы

В отличие от других химических и биохимических явлений, генетическая информация не является неупорядоченным соединением элементов; она регулируется их расположением, линейным порядком и

---

⁴ Ср.: «Мы указали на происхождение соотнесенности между генотипом и фенотипом как на важнейшую проблему теоретической биологии. Как возникает эта упорядоченная связь, необходимая дарвиновскому отбору в результате изменения наследования признаков? Наш предварительный ответ: сначала в появлении самоконструирующейся системы генетического кодирования и самопредставления интерпретатора кода в генетической информации; то есть в биосемиозе» (Wills, 2014, p. 152).

контекстом. Исходя из этого пионер биоинформатики Вадим Ратнер в своих последних работах предложил рассматривать геном не только как биохимическое, но и как семиотическое явление:

Гены представляют собой не зачатки биологических структур, а напоминают линейные тексты (участки ДНК), записанные при помощи некоторых правил и несущие генетическую информацию о молекулярных структурах и функциях... При этом во всех случаях и гены, и некодирующие участки — сегменты молекул ДНК, т.е. построены из того же алфавита четырех нуклеотидов. Поэтому различия между такими текстами не в их физической природе, а исключительно — в последовательностях символов-номеров. В этом ключ информационно-лингвистического подхода. Значит, гены — не физические, а информационные единицы наследственности (Ратнер, 2000, с. 23).

Начиная с Античности произвольность знака интерпретировалась как результат определенных социальных конвенций. Однако знаковый характер отношений может быть никак не связан с сознательной деятельностью человека. Вопрос о возникновении семиотических и информационных процессов привел к вопросу о происхождении жизни: каким образом неодоушевленные молекулы становятся сообщением и возникает возможность интерпретации, соотносящей между собой символы и референты (Pattee, 2007, p. 120–121).

В самых общих чертах это процесс перехода от биохимического хаоса и невоспроизводимости к жесткому кодированию и устранению возможной неоднозначности. Появление условий для репликации аминокислот можно считать ключевым моментом. Связь между нуклеотидами и аминокислотами определяется тем, что они появляются в одном и том же пребиотическом «супе», где нуклеотиды выступают катализаторами синтеза аминокислот. «Третьим шагом, согласно нашей гипотезе, было постепенное появление телеономических систем, которые вокруг репликативных структур должны были построить организм, примитивную клетку» (Monod, 1971, p. 142). Должны начать действовать новые, телеономические принципы, предполагающие такие понятия, как смысл и цель.

Господствующая теория эволюции исходила из концепций самоорганизации и самосборки, основанных на стохастических, прежде всего термодинамических, процессах (ср.: Woese, 1969; Eigen, 1971; Hoffmann, 1975). Однако по мере накопления новых данных такой подход потребовал существенных изменений. Введение семиотических принципов организации генетической информации, механизмов управления через символы и семантического измерения должно быть связано с понятием знака. В теории Теренса Дикона выделяются три уровня организации информационных процессов: термодинамический, морфодинамический и телеодинамический. Вводя понятие телеодинамики, Дикон начинает с теории аутопоэзиса Матураны и Варелы, но предпочитает использовать отличную терминологию (аутогенез, аутоген, телеодинамика). Учитываются также выявленные ранее принципы самоорганизации, без которых невозможно достичь третьего уровня (Deacon, 2011,

р. 417). На третьем, телеодинамическом уровне должны быть введены дополнительные ограничения, в результате чего принципиально изменится характер интерпретации. Возникает такой феномен, как сигнификация (*significance*). На телеодинамическом уровне процесс интерпретации заключается в преобразовании физических механизмов в семиотические отношения и наоборот — в воплощении семиотических отношений в физических процессах.

Телеономическое / телеодинамическое измерение биосинтеза далее уже не может быть объяснено на основе характеристик биохимического вещества. В развитие этого подхода Марчелло Барбьери дополняет свою версию код-биологии концепцией кодопойэзиса:

Происхождение первых клеток было основано на способности первоначальных систем порождать правила генетического кода, а последующая эволюция клеток основывалась на двух взаимодополняющих процессах: первый — это порождение новых органических кодов, а второй — сохранение существующих. В совокупности эти два процесса являются двумя сторонами биологического явления, которое можно обозначить как «коде-поэзис» (Barbieri, 2012, p. 298).

Логическим дополнением этой идеи будет рассмотрение генетического кода как семиотической системы, задающей отношения между означаемым и означающим. Каузальная связь между причиной и следствием закрепляется как смысловое отношение между означающим (кодон — антикодон) и означаемым (аминокислота). При таком подходе речь идет не только о некотором отображении одного множества символов в другое и даже не только о правилах такого отображения, или же некотором комплементарном отношении «материя — символ», а о формировании семиотической системы, в которой определяющим оказывается порождение не элементов, а отношений и операций. Крайне важным представляется и преобразование механизмов репликации в механизмы рекурсии, позволяющие из конечного алфавита строить бесконечное множество новых сообщений. С учетом этого предложенные ранее для отражения этих аспектов возникновения и эволюции генетического кода термины *биосемиозис* (Патти) и *кодопойэзис* (Барбьери) могут быть дополнены термином *семиопоэзис*. Продолжением концепции эволюции генетического кода как процесса кодопойэзиса и устранения неоднозначности кодирования становится рассмотрение этой эволюции как семиозиса и семиопоэзиса, то есть как процесса возникновения семиотической системы, основанной 1) на установлении регулярно воспроизводимых связей между означаемыми и означающими; 2) рекурсивных операциях, позволяющих строить новые значимые иерархические структуры; 3) операциях, описывающих отношения внутри системы.

Эволюция генетического кода демонстрирует воплощение семиозиса или семиопоэзиса: причинная связь между сопутствующими результатами (индексальный семиозис) превратилась в стереохимическое соответствие (иконический семиозис) и наконец стабилизировалась как произвольная ассоциативная связь между кодонами (означающие) и

аминокислотами (означаемые), что создает аналог уже символического семиозиса. В то же время пространственные связи между нуклеотидами (позициями) начинают функционировать аналогично грамматическим категориям.

По мере усложнения субстанции биохимические закономерности дополняются лингвистическими и семиотическими принципами. Биохимическая субстанция более не определяет код; новые возникшие отношения (произвольность, контекстуальная зависимость, линейный порядок, семантические отношения, текстовые признаки) присущи не биологическим системам, а семиотическим. При этом помимо стандартной версии существуют 23 варианта (диалекта) генетического кода (Koonin, Novozhilov, 2017, p. 48). Генетический код не является чем-то вечно и неизменно существующим («Язык Бога, язык жизни»), а представляет собой продукт многоступенчатой эволюции, которая приводит к появлению различных синхронных и диахронических вариантов генетического кода. По мере усложнения механизмы его организации становятся ближе к принципам организации естественного языка (подробнее см.: Золян, 2021а; 2021б; Zolyan, 2021; 2022; Zolyan, Zdanov, 2018).

5. Возвращаясь к семиосфере

Как мы попытались продемонстрировать, происхождение и эволюцию генетического кода можно рассматривать как процесс семиопозиса — семиозиса в действии. Ассоциации материальных явлений (в данном случае нуклеотидов и аминокислот) привели к установлению семиотических связей, в результате чего возникают механизмы хранения и передачи информации, позволяющие создавать устойчивые формы жизни. Возрастающая сложность организации вызывает кристаллизацию информационного и семиотического начал. Семиопозис, рекурсивная автореферентная обработка семиотической системы, становится формой организации биомира, когда в нем определяющими оказываются такие параметры, как смысл и цель. Что касается возникновения генетического кода, то, насколько можно судить по гипотезам о его происхождении, семиопозис являет себя как установление регулярно воспроизводимых связей между означаемыми и означающими. Это ведет к возникновению операций, позволяющих генерировать значимые иерархически организованные комплексы и описывать отношения внутри системы.

Подобное понимание этих процессов позволяет развить лотмановскую концепцию семиосферы в двух направлениях и, во-первых, подтвердить его предположения о том, что семиозису может предшествовать только семиозис, а во-вторых, показать исходные механизмы самоорганизации и автономного функционирования семиосферы. Сам дуализм генетического кода, его одновременная биохимическая и лингво-семиотическая организация, а также процессы экспрессии генов можно сравнить с тем, что Лотман считал основным принципом функциони-

рования семиосферы, — это взаимодействие как минимум двух противоположно организованных гетерогенных механизмов. В молекулярной генетике хранение, передача и модификация информации осуществляются посредством недискретных биохимических реакций, которые при этом регулируются дискретными, линейно организованными, абстрактными структурами. Нуклеотиды и аминокислоты являются взаимодействующими химическими веществами, но в то же время они функционируют как знаки и тексты. В самом общем виде эти механизмы совпадают с теми, которые Лотман определил как некую минимальную модель семиотических монад (по Лотману, это может быть и некий текст, и индивидуальная личность, и человеческий мозг, или интеллект, и культура, и семиосфера в целом — все это *изоморфные монады разной степени сложности*)⁵. Постоянный процесс многоуровневого преобразования дискретных текстов в недискретные тексты и наоборот создает условия для бесконечной каскадной генерации возможных форм и смыслов. Как указано в публикуемом устном выступлении Лотмана,

задан некоторый принцип различия, задана тенденция к возрастанию этих различий, к увеличению взаимной непереводимости и к стиранию этих различий, к работе на предельную проводимость (переводимость? — С. 3.), и оба эти механизма, работая в разных направлениях, дают все разнообразие как разных видов искусств, так и разных типов самоориентации, от ориентации разных культур и личностей, ну, грубо говоря, скажем, на левополушарное и правополушарное сознание (Лотман, 2022, с. 15).

Эта идея имеет прямое отношение к соотношению *генотип — фенотип*. Благодаря взаимодействию гетерогенных механизмов генотипические структуры, основанные на одном и том же стандартном генетическом коде и почти идентичном геноме, порождают непредсказуемое разнообразие жизни в процессе экспрессии, от клеток до организмов⁶. Генетический код обеспечивает и в то же время самостоятельно описывает механизмы памяти, которые Лотман считал решающими для функционирования культуры, интеллекта и семиосферы.

⁵ «Монада любого уровня является, таким образом, элементарной единицей смыслообразования и одновременно ей присуща достаточно сложная имманентная структура. Минимальная ее организация включает бинарную систему, состоящую (минимально) из двух семиотических механизмов (языков), находящихся в отношении взаимной непереводимости и одновременно подобных друг другу, поскольку каждый своими средствами моделирует одну и ту же внесемиотическую реальность. Таким образом, извне поступающий текст сразу получает минимально две взаимно непереводимые семиотические проекции. Минимальная структура включает в себя и третий элемент: блок условных эквивалентностей, метафорогенное устройство, позволяющее осуществлять операцию перевода в ситуации непереводимости. В результате таких “переводов” текст подвергается необратимой трансформации» (Лотман, 2000, с. 501 — 502).

⁶ «Гены несут линейную информацию, тогда как белки функционируют в силу своих трехмерных структур. Таким образом, двойственность *генотип — фенотип* является дихотомией, которая разделяет не только две различные биологические функции (наследственность и метаболизм), но и две различные физические сущности (информация и энергия)» (Barbieri, 2008, p. 26).

Указывая на взаимодействие дискретных и недискретных генераторов сообщений, Лотман описывает также производимые ими операции по организации семиосферы. К ним относятся репликация, зеркальная симметрия, палиндромные структуры, изменение и чередование ядра и периферии, решающая роль границ и интерфейсов (мембран и адаптеров), особая маркировка начала и конца сообщения, взаимодействие пространственных и линейных структур, метаязыковые и метафорические перекодирования, приводящие к созданию текстов (сообщений) более высокого уровня.

Семиосфера как целостность и ее частные подсистемы обладают свойствами самоорганизации и саморазвития, их *семиотическое Я* выступает и как субъект семиозиса, и как объект, созданный семиозисом (*субъект и сам по себе объект*)⁷. Поэтому семиосфера предстает как связь между различными семиотическими монадами, каждая из них может выступать в качестве текста для другой (напомним, что Лотман рассматривал текст как пусковое устройство семиотической деятельности). Всем вышеперечисленным характеристикам семиосферы можно найти аналоги в молекулярной генетике. При этом рассмотрение процессов экспрессии генов позволяет увидеть эти процессы в их первичном и эксплицитном виде, что подтверждается наличием гетерогенных механизмов обработки информации. В результате эволюционной дифференциации возникают функционально специализированные сегменты ДНК и РНК. Так, функции хранения, копирования, передачи и интерпретации информации распределены между двумя цепями ДНК и четырьмя типами РНК, а также рибопротеиновым комплексом.

Идея Лотмана о репликации и зеркальной симметрии также получает свое наглядное воплощение — начиная с комплементарных связей между нуклеотидами, кодонами и антикодонами на исходном уровне белкового синтеза и между палиндромными структурами на высших уровнях геномной организации. Особо следует отметить наличие в генетическом коде так называемых нонсенов, которые не кодируют какую-либо аминокислоту, а функционируют как сигнал для начала (старт-кодон) или конца (три стоп-кодона) первичных сообщений. Они функционально аналогичны логическим и грамматическим элементам естественных языков, их появление можно объяснить как результат формирования внутрисистемных метафункций. В целом информационные генетические системы основаны на том, что Лотман применительно к семиосфере охарактеризовал как *взаимоотношения бинарно-асимметричных и вместе с тем единых структур* (Лотман, 1996, с. 4). Тем самым подтверждается и структурное подобие между биосферой и се-

---

⁷ «Фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое свое семиотическое “я”, реализуясь как отношение какого-либо языка, группы текстов, отдельного текста (при учете того, что языки и тексты располагаются иерархически на разных уровнях) к некоторому описывающему метаструктурному пространству» (Лотман, 1996, с. 185).

миосферой. Это может продемонстрировать, как семиосфера возникает наряду с биосферой — в момент своего возникновения биосфера уже приобретает определенные черты семиотической организации. Рождение жизни, предполагающее управление сложными информационными процессами, приводит к первым семиотическим отношениям, выраженным в генетическом кодировании. В то же время концепция семиопоэзиса может прояснить характеристики семиозиса в рамках семиосферы — как внутреннего динамического процесса ее самоорганизации и саморазвития («самовозрастающего Логоса»).

Исследование выполнено в ИНИОН РАН при поддержке гранта РФФИ №22-18-00383, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе».

Список литературы

Золян С.Т. Семиопоэзис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021а. №1. С. 57–77. doi: 10.25205/2307-1737-2021-1-57-77.

Золян С.Т. Эволюция генетического кода *sub specie semioticae* // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2021б. Вып. 11. С. 119–135. doi: <http://www.doi.org/10.31249/metodannual/2021.11.06>.

Лотман Ю.М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. [Сб.] 17: Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту, 1984. С. 5–23 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 641).

Лотман Ю.М. Культура как субъект и сама себе объект // Wiener Slawistischer Almanach. 1989. S.-Bd. 23. S. 187–197.

Лотман Ю.М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Избр. ст. : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 25–33.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

Лотман Ю.М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 10–23.

Ю.М. Лотман — Б.А. Успенский. Переписка 1964–1993 / сост., подгот. текста и коммент. О.Я. Кельберт и М.В. Трунина; под общ. ред. Б.А. Успенского. Таллин, 2016.

Ратнер В.А. Хроника великого открытия: Идеи и лица // Природа. 2000. №6. С. 22–30.

Barbieri M. The Ribotype Theory on the Origin of Life // J. Theor. Biol. 1981. №91. P. 545–601.

Barbieri M. The Code Model of Semiosis: The First Steps Toward a Scientific Bio-semiotics // The American Journal of Semiotics. 2008. Vol. 24, №1–3. P. 23–37.

Barbieri M. Codepoiesis — the deep logic of life // Biosemiotics. 2012. №5 (3). P. 297–299.

Carter Ch. W. Jr., Wills P.R. Reciprocally-Coupled Gating: Strange Loops in Bioenergetics, Genetics, and Catalysis // Biomolecules. 2021. №11 (2), 265. doi: <https://doi.org/10.3390/biom11020265>.

Chebanov S. V. Biohermeneutics and hermeneutics of biology // Semiotica. 1999. №127 (1–4). P. 215–226. doi: <https://doi.org/10.1515/semi.1999.127.1-4.215>.

Deacon T. Incomplete Nature: How Mind Emerged from Matter. N. Y., 2011.

- Eigen M.* Self-organization of matter and the evolution of biological macromolecules // *Naturwissenschaften*. 1971. №58. P. 465–523. doi: <https://doi.org/10.1007/BF00623322>.
- Hoffmeyer J.* The Unfolding Semiosphere // G. van de Vijver, S. Salthe, M. Delpos (eds.). *Evolutionary Systems: Biological and Epistemological Perspectives on Selection and Self-Organization*. Dordrecht, 1998. P. 281–293.
- Hoffmeyer J.* Semiotic scaffolding of living systems // M. Barbieri (ed.). *Introduction to Biosemiotics: The New Biological Synthesis*. Dordrecht, 2007. P. 149–166.
- Hoffmann G.W.* The stochastic theory of the origin of the genetic code // *Ann. Rev. Phys. Chem.* 1975. №26. P. 123–144.
- Koonin E. V., Novozhilov A. S.* Origin and Evolution of the Universal Genetic Code // *Annual Review of Genetics*. 2017. №51. P. 45–62.
- Kotov K.* Semiosphere: A Chemistry of Being // *Sign Systems Studies*. 2002. №30 (1). P. 41–55.
- Kotov K., Kull K.* Semiosphere is the Relational Biosphere // C. Emmeche, K. Kull (eds.). *Towards a Semiotic Biology: Life is the Action of Signs*. L., 2011. P. 179–194.
- Kull K.* Towards biosemiotics with Yuri Lotman // *Semiotica*. 1999. №127. P. 1–4.
- Kull K.* A semiotic theory of life: Lotman's principles of the universe of the mind // *Studies in Ecocriticism*. 2015a. Vol. 19, iss. 3. P. 255–266. doi: <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1069203>.
- Kull K.* Evolution, choice, and scaffolding: Semiosis changing its own building // *Biosemiotics*. 2015b. №8. P. 223–234. doi: <https://doi.org/10.1007/s12304-015-9243-2>.
- Kull K., Maran T.* Yuri Lotman and Life Sciences. A Semiotic Theory of Culture // M. Tamm, P. Torop (eds.). *The Companion to Yuri Lotman: A Semiotic Theory of Culture*. L.; N.Y., 2021. P. 461–475.
- Lewontin R. C.* The Organism as the Subject and Object of Evolution // *Scientia*. 1983. №77 (18). P. 65.
- Lotman Mih.* Umwelt and Semiosphere // *Sign Systems Studies*. 2002. №30 (1). P. 33–40.
- Luhmann N.* *Essays on self-reference*. N.Y., 1990.
- Markoš A.* *Readers of the Book of Life: Contextualizing Developmental Evolutionary Biology*. Oxford University Press, 2002.
- Markoš A.* In the quest for novelty: Kauffman's biosphere and Lotman's semiosphere // *Sign Systems Studies*. 2004. №32 (1/2). P. 309–327.
- Markoš A.* Biosphere as Semiosphere: Variations on Lotman // *Sign Systems Studies*. 2014. №42 (4). P. 487–98.
- Maturana H. R., Varela F. J.* *Autopoiesis and cognition*. Dordrecht, 1980.
- Monod J.* *Chance and Necessity: An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology*. Fontana, 1971.
- Nöth W.* Yuri Lotman on metaphors and culture as self-referential semiospheres // *Semiotica*. 2006. №161. P. 249–263. doi: <https://doi.org/10.1515/SEM.2006.065>.
- Nöth W.* The topography of Yuri Lotman's semiosphere // *International Journal of Cultural Studies*. 2015. №18 (1) P. 11–26.
- Pattee H.* The necessity of biosemiotics: Matter-symbol complementarity // *Introduction to biosemiotics* / ed. by M. Barbieri. Dordrecht, 2007. P. 115–132.
- Peirce Ch. S.* *Collected papers: in 8 vols.* / ed. by Ch. Hartshorne, P. Weiss. Cambridge, 1933. Vol. 4 : The simplest mathematics.
- Peirce Ch. S.* [Parts of Carnegie Application] (L 75) // *Peirce Ch. S. The New Elements of Mathematics*. Mouton Publisher, 1976. Vol. 4 : *Mathematical Philosophy*. P. 13–73.
- Prodi G.* Material bases of signification // *Semiotica*. 1988. Vol. 69, №3–4. P. 191–242. doi: <https://doi.org/10.1515/semi.1988.69.3-4.191>.

Wills P.R. Genetic Information, Physical Interpreters and Thermodynamics; The Material-Informatic Basis of Biosemiosis // Biosemiotics. 2014. №7. P. 141 – 165. doi: <https://doi.org/10.1007/s12304-013-9196-2>.

Wills P.R. Reflexivity, coding and quantum biology // Biosystems. 2019. Vol. 185. doi: <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2019.104027>.

Woese C.R. Models for the Evolution of Codon Assignments // J. Mol. Biol. 1969. №43. P. 235 – 240.

Zolyan S. On the context-sensitive grammar of the genetic code // Biosystems. 2021. №208. Art. №104497. doi: [10.1016/j.biosystems.2021.104497](https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2021.104497).

Zolyan S. From Matter to Form: the Evolution of the Genetic Code as Semio-Poiesis // Semiotica. 2022. №245. P. 17 – 61. doi: <https://doi.org/10.1515/sem-2020-0088>.

Zolyan S., Zdanov R. Genome as (hyper)text: From metaphor to theory // Semiotica. 2018. №6. P. 1 – 18. doi: <https://doi.org/10.1515/sem-2016-0214>.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Армения.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Для цитирования:

Золян С.Т. Семиопозис: о рождении семиосферы из биосферы // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 37 – 54. doi: [10.5922/2225-5346-2022-2-2](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-2-2).

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SEMIO-POIESIS: ON THE BIRTH OF THE SEMIOSPHERE FROM THE BIOSPHERE

S. T. Zolyan^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

² Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia
44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia

Submitted on December 05, 2021

doi: [10.5922/2225-5346-2022-2-2](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-2-2)

The article discusses a possible development of Yuri Lotman's concept of semiosphere by supplementing it with the idea of semio-poiesis. Analysis of the processes of origination, evolution and functioning of the genetic code makes it possible to describe the main mechanisms of these processes. The associations of material phenomena (in this case nucleotides and amino acids) led to the establishment of semiotic links, resulting in mechanisms of information storage and transmission, allowing the creation of stable life forms. The increasing complexity of organization leads to the crystallization of informational and semiotic origins. Semio-poiesis, a recursive autoreference of the semiotic system, becomes a form of organization of the bio-world, where such parameters as sense and purpose become determinative. Such an under-

standing of these processes makes it possible to develop Lotman's concept of the semiosphere and, firstly, to confirm his assumptions that semiosis can be preceded only by a previous semiotic form, and, secondly, to show the original mechanisms of semiosphere self-organization and autonomous functioning. The very dualism of the genetic code, its simultaneous biochemical and linguosemiotic organization, and the processes of gene expression can be compared with what Lotman considered to be the basic principle of semiosphere functioning – the interaction of oppositely organized heterogeneous mechanisms.

Keywords: Yury Lotman, semiosphere, semiosis, semio-poiesis, genetic code

References

- Barbieri, M., 1981. The Ribotype Theory on the Origin of Life. *Journal of Theoretical Biology*, 91, pp. 545–601.
- Barbieri, M., 2008. The Code Model of Semiosis: The First Steps Toward a Scientific Biosemiotics. *The American Journal of Semiotics*, 24 (1–3), pp. 23–37.
- Barbieri, M., 2012. Codepoiesis – the deep logic of life. *Biosemiotics*, 5 (3), pp. 297–299.
- Carter, Ch. W., Jr., Wills, P. R., 2021. Reciprocally-Coupled Gating: Strange Loops in Bioenergetics, Genetics, and Catalysis. *Biomolecules*, 11 (2), 265. doi: <https://doi.org/10.3390/biom11020265>.
- Chebanov, S. V., 1999. Biohermeneutics and hermeneutics of biology. *Semiotica*, 127 (1–4), pp. 215–226. doi: <https://doi.org/10.1515/semi.1999.127.1-4.215>.
- Deacon, T., 2011. *Incomplete Nature: How Mind Emerged from Matter*. New York: W. W. Norton & Company.
- Eigen, M., 1971. Self-organization of matter and the evolution of biological macromolecules. *Naturwissenschaften*, 58, pp. 465–523. doi: <https://doi.org/10.1007/BF00623322>.
- Hoffmann, G. W., 1975. The stochastic theory of the origin of the genetic code. *Annual Review of Physical Chemistry*, 26, pp. 123–144.
- Hoffmeyer, J., 1998. The Unfolding Semiosphere. In: G. van de Vijver, S. Salthe and M. Delpo, eds. *Evolutionary Systems: Biological and Epistemological Perspectives on Selection and Self-Organization*. Dordrecht: Kluwer, pp. 281–293.
- Hoffmeyer, J., 2007. Semiotic scaffolding of living systems. In: M. Barbieri, ed. *Introduction to Biosemiotics: The New Biological Synthesis*. Dordrecht: Springer, pp. 149–166.
- Kel'bert, O. Ya., Trunin, M. V. and Uspenskii, B. A., 2016. *Yu. M. Lotman – B. A. Uspenskii. Peregiska 1964–1993* [Yu. M. Lotman – B. A. Uspensky. Correspondence 1964–1993]. Tallinn (in Russ.).
- Koonin, E. V., Novozhilov, A. S., 2017. Origin and Evolution of the Universal Genetic Code. *Annual Review of Genetics*, 51, pp. 45–62.
- Kotov, K., 2002. Semiosphere: A Chemistry of Being. *Sign Systems Studies*, 30 (1), pp. 41–55.
- Kotov, K., Kull, K., 2011. Semiosphere is the Relational Biosphere. In: C. Emmeche and K. Kull, eds. *Towards a Semiotic Biology: Life is the Action of Signs*. London: Imperial College Press, pp. 179–194.
- Kull, K., 1999. Towards biosemiotics with Yuri Lotman. *Semiotica*, 127, pp. 1–4.
- Kull, K., 2015a. A semiotic theory of life: Lotman's principles of the universe of the mind. *Studies in Ecocriticism*, 19 (3), pp. 255–266. doi: <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1069203>.
- Kull, K., 2015b. Evolution, choice, and scaffolding: Semiosis changing its own building. *Biosemiotics*, 8, pp. 223–234. doi: <https://doi.org/10.1007/s12304-015-9243-2>.

Kull, K., Maran, T., 2021. Juri Lotman and Life Sciences. A Semiotic Theory of Culture. In: M. Tamm and P. Torop, eds. *The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture*. London; New York: Bloomsbury Academic, pp. 461–475.

Lewontin, R.C., 1983. The Organism as the Subject and Object of Evolution. *Scientia*, 77 (18), pp. 65.

Lotman, M., 2002. Umwelt and Semiosphere. *Sign Systems Studies*, 30 (1), pp. 33–40.

Lotman, Yu.M., 1984. On semiosphere. *Trudy po znakovym sistemam* [Sign Systems Studies], 17. Tartu, pp. 5–23 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 1989. Culture as a subject and an object to itself. *Wiener Slawistischer Almanach*, 23, pp. 187–197 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 1992. Brain – text – culture – artificial intelligence. In: *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: in 3 vols. Vol. 1: Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn: Alexandra, pp. 25–33 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 1996. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 2000. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 2022. Lecture at Tartu State University, March 13, 1981. *Slovo.ru: Baltic accent*, 13 (2), pp. 10–23 (in Russ.).

Luhmann, N., 1990. *Essays on self-reference*. New York: Columbia University Press.

Markoš, A., 2002. *Readers of the Book of Life: Contextualizing Developmental Evolutionary Biology*. Oxford University Press.

Markoš, A., 2004. In the quest for novelty: Kauffman's biosphere and Lotman's semiosphere. *Sign Systems Studies*, 32 (1/2), pp. 309–327.

Markoš, A., 2014. Biosphere as Semiosphere: Variations on Lotman. *Sign Systems Studies*, 42 (4), pp. 487–98.

Maturana, H.R., Varela, F.J., 1980. *Autopoiesis and cognition*. Dordrecht: Reidel Publishing.

Monod, J., 1971. *Chance and Necessity: An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology*. Fontana.

Nöth, W., 2006. Yuri Lotman on metaphors and culture as self-referential semiospheres. *Semiotica*, 161, pp. 249–263. doi: <https://doi.org/10.1515/SEM.2006.065>.

Nöth, W., 2015. The topography of Yuri Lotman's semiosphere. *International Journal of Cultural Studies*, 18 (1), pp. 11–26.

Pattee, H., 2007. The necessity of biosemiotics: Matter-symbol complementarity. In: M. Barbieri, ed. *Introduction to biosemiotics*. Dordrecht: Springer, pp. 115–132.

Peirce Ch.S., 1976. Parts of Carnegie Application (L 75). In: Ch.S. Peirce, ed. *The New Elements of Mathematics. Vol. 4: Mathematical Philosophy*. Mouton Publisher, pp. 13–73.

Peirce, Ch.S., 1933. Vol. 4: The simplest mathematics. In: Ch. Hartshorne and P. Weiss, eds. *Collected papers: in 8 vols*. Cambridge: Harvard University Press.

Prodi, G., 1988. Material bases of signification. *Semiotica*, 69 (3–4), pp. 191–242. doi: <https://doi.org/10.1515/semi.1988.69.3-4.191>.

Ratner, V.A., 2000. Chronicle of the Great Discovery: Ideas and Faces. *Priroda* [Nature], 6, pp. 22–30 (in Russ.).

Wills, P.R., 2014. Genetic Information, Physical Interpreters and Thermodynamics; The Material-Informatic Basis of Biosemiosis. *Biosemiotics*, 7, pp. 141–165. doi: <https://doi.org/10.1007/s12304-013-9196-2>.

Wills, P.R., 2019. Reflexivity, coding and quantum biology. *Biosystems*, 185. doi: <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2019.104027>.

Woese, C.R., 1969. Models for the Evolution of Codon Assignments. *Journal of Molecular Biology*, 43, pp. 235–240.

Zolyan, S., 2021. On the context-sensitive grammar of the genetic code. *Biosystems*, 208, pp. 104497. doi: 10.1016/j.biosystems.2021.104497.

Zolyan, S., Zdanov, R., 2018. Genome as (hyper)text: From metaphor to theory. *Semiotica*, 6, pp. 1–18. doi: <https://doi.org/10.1515/sem-2016-0214>.

Zolyan, S. T., 2021a. Semiopoesis: Formation of Meaning in Molecular Genetics and Biosemiotics. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 1, pp. 57–77 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2021b. The Origin of the Genetic Code Sub Specie Semioticae. *Metod: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [Method: Moscow Yearbook of Social Studies], 11, pp. 119–135 (in Russ.).

Zolyan, S., 2022. From Matter to Form: the Evolution of the Genetic Code as Semio-Poesis. *Semiotica*, 245, pp. 17–61. doi: <https://doi.org/10.1515/sem-2020-0088>.

The author

Prof. Suren T. Zolyan, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

To cite this article:

Zolyan, S. T. 2022, Semio-poesis: on the birth of the semiosphere from the biosphere, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 37–54. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ТЕКСТ КАК ОСМЫСЛЯЮЩИЙ ДИАЛОГ И ЗАШНУРОВЫВАЮЩАЯ МЕТАФОРА:

Опыт сопряжения подходов Ю. М. Лотмана и М. М. Бахтина

Г. А. Тульчинский^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Поступила в редакцию 21.11.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-3

Представлена рефлексия по поводу проекта Юрия Лотмана о переориентации семиотики с анализа структур на анализ текстов и их бинарную диалогическую природу. Эта идея позволяет соотносить подход Лотмана с бахтинской концепцией непрерывного смыслопорождающего диалога. Сопряжение этих подходов открывает новые возможности для расширения семиотического анализа процессов смыслопорождения, реализации метафоризации, динамики культуры, соотношения социального и личного опыта в этой динамике. Выявлены перспективы расширения аппарата семиотики, такие как нарративный подход, глубокая семиотика, анализ динамики социальной институционализации знаковых структур. Это, в свою очередь, открывает новые горизонты развития теории смысла и понимания, сближения и сопряжения семиотической и герменевтической традиций, аналитической философии и феноменологии, абстрактного моделирования и роли субъективности (самосознания самости). Такие расширения и перспективы реализуют потенциал семиотики как эффективной концептуальной платформы междисциплинарности и конвергенции научных дисциплин в понимании происходящих трансформаций и ответственного социально-культурного инжиниринга.

Ключевые слова: диалог, коммуникация, метафора, Михаил Бахтин, семиотика, смысл, текст, Юрий Лотман

Доклад Юрия Михайловича Лотмана 13 марта 1981 года на семинаре в Тартуском университете содержит россыпь идей, порождающих важные, актуальные и перспективные ассоциации, открывающие новые горизонты развития семиотики, теории смысла и понимания, междисциплинарности, сближения и сопряжения семиотической и герменевтической традиций, аналитической философии и феноменологии, абстрактного моделирования и роли субъективности (самосознания самости).

1. От знаков и языка к текстам и диалогу

Прежде всего речь идет о смещении фокуса внимания семиотического анализа *со знаков и языка на тексты и диалог*. Собственно, сам семинар был посвящен активно обсуждавшейся в то время теме взаи-

модеиствия левого и правого полушарий головного мозга, которое интерпретировалось как взаимодействие дискретного (дискурсивного) и континуального (образного, аналогового) информационных кодов. При этом мозолистое тело, соединяющее два полушария, понималось как «кабель», обеспечивающий перевод из одного кода в другой (Иванов, 1978). Со временем выяснилось, что такая модель носила довольно упрощенный характер: каждое из полушарий способно к различным кодировкам, степень их асимметрии зависит от акцентированной доминанты правой или левой руки и т. д. Но метафора была довольно яркой, стимулирующей, особенно в случае ее применения к семиозису культуры. Однако Лотмана интересует не столько возможность проведения аналогии, сколько природа, причина избыточности семиотических систем: если в теоретических моделях рассматривается один канал коммуникации, то в реально работающих системах действуют минимум два канала. А в более общем случае — «вопрос о том, почему в системе социальных коммуникаций мы наблюдаем разнообразие индивидуальностей» (Лотман, 2022, с. 10). Действительно, почему в культуре циркулирует такое изобилие текстов? Зачем эта избыточность сообщений? И наконец, почему и зачем мы все такие разные? Получается, что традиционная (классическая, «структуральная») семиотика приходит к «антиномиям, по сути дела, к абсурду» (Лотман, 2022, с. 11). С одной стороны, получается, что культура как коммуникативная система в своей природе дефективна, неспособна к адекватной передаче сообщений. И чем развитее, сложнее культура (например, в поэтических текстах), тем она оказывается дефективней. С другой стороны, дефективна сама традиционная теоретическая семиотика, исходящая из предположения, что коммуникация настроена на передачу сообщения без изменений. В этом случае фактически предполагается идентичность кодирующих / декодирующих устройств источника и адресата, представляющих одной и той же личностью, что обесмысливает саму коммуникацию.

Формулировка этой парадоксальности Лотманом принципиально важна для развития семиотики. Всякий парадокс свидетельствует об ограниченности концепции, о необходимости ее расширения. Так, для описания целых яблок достаточен язык целых положительных чисел, а в случае с дольками возникает «парадокс» — то ли они есть, то ли их нет, и становится необходимым аппарат с дробями. Так, собственно, развивается любая наука, расширяя и расширяя свой горизонт.

Лотман фактически и делает шаг к новому горизонту семиотики, выводя ее за рамки рассмотрения в границах понимания коммуникации как линейных процессов трансляции информации. И это принципиально важно для понимания сути знаковых систем и порождающей их коммуникации. Если информация суть мера разнообразия, данные — то, что измеряется в битах, байтах, гигабайтах, то коммуникация — это передача информации осмысленной (кем-то и как-то). Именно такой информацией и занимается семиотика как теория знаковых (имеющих значение и смысл) систем. Как было показано Ю. А. Шрейдером в его модели семантической информации (Шрейдер, 1965), для прироста осмысленной информации необходимо только частичное совпадение

тезаурусов (баз данных с прослеженными смысловыми связями между данными). В случае их полного несовпадения адресат просто не поймет сообщение. А в случае их полного совпадения прироста понимания тоже не будет. Новые осмысления возникают только при взаимном дополнении тезаурусов участников коммуникации. А это означает, что семиозис предполагает взаимодействие и взаимодополнение различных (как минимум двух) знаковых систем, каждая из которых в отдельности не претендует на полноту знания (понимания, осмысления). «Традиционная семиотика занималась вопросами передачи информации, и тогда схема “один канал — один язык — одна структура” является адекватной. В случае семиотики, ориентированной на смыслопорождение, требуются уж многомерные модели» (Золян, 2022, с. 113).

В этом плане сообщающий (источник, адресант) и принимающий сообщение (адресат, реципиент) вместе образуют «базовую ячейку», единый механизм порождения смысла. В коммуникации происходит постоянный сдвиг содержания сообщений — «не простая автоматическая трансформация текста по некоторым однозначным алгоритмам, а непредсказуемая трансформация в новое сообщение» (Лотман, 2022, с. 13). И эта базисная структура проявляется, реализуется на всех уровнях семиозиса — в тексте, личности, социуме, культуре (Лотман, 2022, с. 13), как «матрешка» (или, как сейчас бы сказали, фрактал) биполярности (Лотман, 2022, с. 14).

Из этого следует несколько важнейших обстоятельств. Во-первых, как полагает Лотман, возникает необходимость пересмотра соотношения текста и языка. Текст предстает не некоей упаковкой, извлекающей сообщение из возможностей языка, на котором формируется текст. Наоборот, текст предстает динамичной, гетерогенной системой, в формировании которой задействовано как минимум два языка. Например, чтение предполагает взаимодействие зрительной, слуховой и дискурсивной кодировок. И тогда «не языки создают тексты, а тексты создают языки» (Лотман, 2022, с. 13). Именно тексты суть исходный уровень генерации содержания коммуникации. И в этой связи Лотман отводит особую роль художественным текстам с их возможностями многократных интерпретаций, а «нехудожественные тексты — это частный случай художественных» (Лотман, 2022, с. 14).

Ключевая роль текста в смыслообразовании, а также необходимость пересмотра соотношения текста и языка несомненны. Однако, как представляется, дело обстоит несколько сложнее, что связано со встроенностью в смысловое содержание текста «базовой ячейки» коммуникации — матрицы взаимодействия как минимум двух языков (источника и реципиента). Другими словами, тексты все-таки предполагают языки, но в их динамическом взаимодействии.

Поэтому, во-вторых, и это наиболее существенно, текст как базовая гетерогенная семиотическая «ячейка» предстает как диалог — «почти всегда разговор на разных языках», но с презумпцией заинтересованного понимания (Лотман, 2022, с. 16). «...Каждый текст — это... застывший диалог, еще только зерно, которое должно прорасти. Как только оно попадает в коммуникативную ситуацию, оно дает диалогическую

структуру» (Лотман, 2022, с. 18). При этом Лотман ссылается на известную работу М. Бубера «Я и Ты» (Бубер, 1993), связав ее с «международным контекстом очень напряженной мысли, поисков “Ты”» в 1920-х годах (Лотман, 2022, с. 16), а также упоминает в этом контексте «пионерскую работу» Михаила Бахтина. В этот ряд «очень напряженной мысли» о роли диалога можно было бы еще добавить Эммануэля Левинаса (Левинас, 2006) и Мартина Хайдеггера (Хайдеггер, 2015), но концепция Бахтина заслуживает особого внимания — и не только в силу ее приоритетности, а благодаря перспективам, открывающимся за лотмановской идеей диалогичности как базовой семиотической ячейкой смыслопорождения.

2. Смыслопорождающий диалог как процесс: how to Bakhtin a Lotman

Одна из статей Дэвида Каплана по логической семантике в *The Journal of Philosophy* называлась «How to Russell a Frege-Church», буквально — «Как расселить Фреге — Чёрча», то есть как можно понять содержание концепций Г. Фреге и А. Чёрча с помощью концепции Б. Рассела. Так и в данном случае: попытка «бахтинить Лотмана» может дать любопытные результаты.

У Бахтина и «его круга» были очень непростые отношения с семиотиками, которые отвечали им взаимностью. Очевидно, сказывалось активное участие Бахтина со товарищи в критике формального метода ОПОЯЗа и структурализма. Правда, в этих отношениях не обошлось без парадоксов, созданных самой жизнью. Так, сказалась рецепция работ Бахтина, «обратная» хронологии их написания. В 1960-х, после защиты диссертации и публикации книги о Рабле, ее перевода на французский и активного цитирования французскими семиотиками и структуралистами, Бахтин предстал как мыслитель структуралистской парадигмы. Причем сложилась удивительная, даже парадоксальная ситуация, когда такой классик структурализма, как В.Б. Шкловский, выступил с критикой книги Бахтина о творчестве Рабле за абстрактный схематизм. Затем последовала публикация работ о поэтике Достоевского с темами о диалоге и герое. При этом также не обошлось без искажений в рецепции авторской концепции: идея диалога и диалогичности была понята преимущественно в коммуникативистском контексте, в отрыве от осмысления человеческого бытия как «со-бытия». И только с публикацией раннего развернутого конспекта под названием «К философии поступка» раскрылся масштаб Бахтина как мыслителя — метафизика нравственности, принципиального и глубокого персонолога. Одновременно в его работах об авторе и герое, диалогической поэтике Достоевского стал очевиден второй, более глубокий сущностный план феноменологии формирования самосознания, субъектности, зависимости этого процесса от социально-культурного контекста, а в работе о Рабле — от динамики самого этого контекста.

Ключевым для Бахтина является понятие «творящего (поступающего) сознания», «участного мышления». Оно имеет «хоровую», или «внутренне социальную», природу опоры на «дружество» в «со-бытии» и про-

является в поступках как вменяемых действиях. Не только творчество, но сам факт включенности человека в бытие делает всю его жизнь ответственным со-бытийным поступком. В этом коренятся такие известные бахтинские концепты, как «не-алиби в бытии», «хронотоп», «чужая речь» и т. п., без которых теперь трудно представить современную филологию и философию культуры.

Бахтинская идея ответственного участного творящего сознания стала критическим ответом на объективистский антипсихологизм философии того времени, она была направлена на преодоление разрыва между «смысловым содержанием» и действием: эмоционально-волевой тон субъекта становился неотъемлемой частью «культурного целого», что принципиально отличает Бахтина от других исследователей проблемы смысла. Бахтин обнаруживает в проявлении смысла принципиальную разницу самопереживания и переживания мною другого (Бахтин, 1996, т. 5, с. 344). В любом осмысленном высказывании скрыты ответы на вопросы, чужие реплики. Эта смена речевых субъектов есть пронизываемая для автора временная граница между индивидуальными кругозорами, как средство построения большего целого, форма самоотрицания во имя органического целого множества точек зрения (Бахтин, 1996, т. 5, с. 198). Игнорирующий смену монологизм не позволяет правильно понять смысл, который не сводится к одному абстрактно-объективному значению — части, выдающей себя за целое.

Человек пытается постичь бесконечное разнообразие мира. Но, будучи существом конечным во времени и пространстве, он вынужден делать это всегда с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то аспекте, с какой-то целью, то есть в каком-то смысле. Именно это является источником смыслообразования. Вне человека и его самосознания смысл не возникает. Для Бахтина диалог — не просто языковой феномен, а порождающая смысл сопричастность конечного — бесконечному, смертного — бессмертному. Активное выстраивание смысла предполагает вхождение соавтором в длящееся столетиями и тысячелетиями диалогическое взаимопонимание народов, наций и культур. Как любой диалог не умещается в кругозор одного сознания, так нет и «смысла в себе» — он существует только как звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом и может быть реальной (Бахтин, 1996, т. 6, с. 410). В бахтинской идее диалогической полифонии прослеживается связь с учением Николая Кузанского, согласно которому наличие уникальных видений мира не дает полноты знания замысла Бога. Бахтин был знаком с этими идеями благодаря Э. Кассиреру, работы которого он внимательно читал. Сам он называл неизбежное разнообразие точек зрения «избытком видения», реализуемым в диалоге. В дальнейшем он использует термин полифонии для обозначения «диалогического согласия» («романного резонанса», когда любой персонаж (включая автора) исследует, дополняет свои и чужие идеи).

Диалог у Бахтина четко ассоциируется с «последним целым». Каждое звено этой исторически растущей цепи снова и снова обновляется, как бы рождаясь заново, и когда-то забытые смыслы способны ожить в новом контексте. Осмысляющий диалог предстает устремленным в бу-

дущее блокчейном, обновляющимся с каждой новой итерацией в «большом времени», где «у каждого смысла будет свой праздник возрождения» (Бахтин, 1996, т. 6, с. 434–435), а целое полноты осмысления остается заданным, но не данным. Бахтинское понимание диалога в этом плане близко не только и не столько к трактовкам диалога Бубера или Левинаса, сколько к апофатичности восточного христианства и неоплатонизма, в которых Божественная сущность непосредственно не дана, но выявляется в ее заданности. Для Бахтина осмысление и смыслообразование — процесс в «большом времени», направленный к полноте осмысления, которую сам Бахтин связывал с «абсолютным будущим» («Буди! буди!»). Эта христологическая установка принципиально отличается комплекс идей Бахтина как от его модернистской современности, так и от постмодернистских «деконструкций».

Такой непрерывный в «большом времени» диалог предполагает Третьего — высшего наддресата, к пониманию которого апеллируют участники (Бог, абсолютная истина, совесть, народ, суд истории, научная истина и т. п.), что близко идее «сверхсмысла» (В. Франкл), придающего смысл индивидуальному конечному бытию. Это позволяет внести дополнительный контент в понимание реплики Лотмана о «презумпции заинтересованного понимания» как условия реализации диалога на разных языках.

Дело, однако, не столько в христологической трактовке смыслопорождающего диалога, сколько в погруженности диалога как процесса в «большое время» культуры. Такое понимание смысла — что он не дан (как в концепции Г. Фреге), а задан, близко концепциям Ф. де Соссюра (смысл разворачивается в процессе речи), Н. Лумана (его постоянное перевоссоздание в медийных коммуникациях), что делает возможной технологическую операционализацию такой модели, например как «блокчейна». Так или иначе, но бахтинская концепция непрерывного осмысляющего диалога позволяет лучше понять и развить идеи Лотмана. С позиций Бахтина текст предстает не застывшим диалогом, его зерном, которое ждет попадания в коммуникативную ситуацию, а является порождением диалога, даже не продуктом и плодом, а проявлением, знаком участности.

Однако, в свою очередь, не менее важен встречный процесс в «осмысляющем диалоге» двух великих гуманистов — возможность «лотманить Бахтина». Так, лотмановская идея бинарной матрицы текста позволяет раскрыть семантический механизм смыслопорождающего диалога.

3. «Зашнуровывающая» метаформа и «блокчейн» осмысляющего диалога: how to Lotman a Bakhtin (как семиотить и опоязть Бахтина)

Смысл возникает не на пустом месте. Смыслообразование и его формы, такие как понимание, познание, суть результаты семиозиса как перехода от знания неполного, неточного к все более точному и пол-

ному. Другими словами, смысл возникает тогда, когда семиотическая система выходит за собственные рамки, извлекая из старого опыта новое знание, которого в этом опыте еще не было или было, но неявно.

В принципе, такой процесс может развертываться в трех вариантах. Во-первых, как некая детализация и конкретизация исходной смысловой структуры, как внутриконтцептуальное достраивание пазла в исходной рамке. Во-вторых, это может быть некая надконтцептуальная реконструкция извне, с позиции более общей смысловой структуры. Наконец, в-третьих, как взаимодействие («горизонтальный диалог») двух смысловых структур — исходной и внешней. При этом очевидно, что третий вариант является общим случаем, тогда как первые два — его вырожденными версиями. Именно осмысляющий диалог выступает базовой процедурой, механизмом смыслообразования. Ключевую роль играет столкновение смысловых структур, их диалогическое «взаимооплотнение».

И Лотман, и Бахтин были глубоко правы оба: диалогичность — фундаментальная характеристика человеческого мышления. В этом они не одиноки: идея диалогического, вопрос-ответного характера осмысления и познания в целом в различных вариациях неоднократно высказывалась Платоном в его диалогах (!) о Сократе, Р. Декартом в его учении о методе, Ф. Бэконом в «Новом Органоне», да и в Новейшее время историком Р. Коллингвудом, историком и социальным психологом Б.Ф. Поршневым в его концепции дипластии сознания. Более того, можно сказать, что «диалогичность» эволюционно закреплена в нейрофизиологии головного мозга, состоящего из двух полушарий и получающего сигналы от парно разнесенных органов зрения, слуха и обоняния, двух пар верхних и нижних конечностей. Но важно понять сам механизм диалогически заданного смыслообразования. И тут не обойтись без структурного подхода, выявляющего механизм «сделанности» смыслообразования.

Структура любого текста образуется из комбинации высказываний, то есть утверждений и отрицаний. А любое высказывание (суждение), в свою очередь, имеет структуру «S есть / не есть P» и тем самым приписывает (или отрицает) полное или частичное тождество разных понятий. Речь идет о структуре и операции отождествления нетождественного, уподобления неуподобляемого, иначе говоря — о метафоре, роль и значение которой в познании признана давно не только в когнитологии, но и в теории культуры, медиа и т. д., вплоть до политологии и урбанистики (Гусев, 1984; Лакоф, Джонсон, 2008; Miall, 1993; Ortony, 1982).

Метафора свойственна не только поэзии, мифологии... В основе любого термина, даже в естествознании и точных науках, лежит исходная метафора: сила, поле, ток, напряжение, спин, черная дыра, струны и т. д. Отличие этих метафор от художественных только в том, что они поддаются операционализации и измерению, а иногда и наблюдению. Никто не видел электрический ток как таковой (например, как «направленное движение электронов»), но можно измерять его силу, напряжение и т. п. Некоторые метафоры носят фундаментальный характер, определяя картину мира в целом (мифы о сотворении, мир как механические часы, как порождающий хаос и т. д.).

Как замечает Лотман, в какие-то моменты культура отождествляет себя с кинематографом, или поэзией, или алхимией, или крестовыми походами (Лотман, 2022, с. 16), когда некая социально-культурная практика, вид искусства или жанр становятся генераторами метафор, доминирующих в осмыслении действительности. Анализ причин и факторов этой динамики — благодатное поле исследования динамики семиозиса культуры (Гульчинский, 1985). И Лотман предлагает плодотворный вектор этой аналитики: выдвигание такой доминанты важно для обеспечения внутрикультурных диалогов, в которых участники, реализуя «презумпцию заинтересованного понимания», перенимают языковые коды друг друга, подобно тому как мать отказывается от нормального языка, переходя на лепет и жесты малыша, чтобы достичь с ним взаимопонимания (Лотман, 2022, с. 17). Такие заимствования и задают необходимое «избыточное» смыслообразование, одновременно выступающее полем поиска доминанты (языковой и смысловой) в диалоге. И такая доминанта может выполнять роль упомянутого Третьего. Тогда Ренессанс осмысляет действительность через призму Античности, советские философы — через призму марксизма-ленинизма, а современные политики — через опыт Великой Отечественной войны.

Но в основе этого процесса, соответствующих семиотических механизмов и конструкций — уподобление неизвестного известному. Обычно развитие знания понимается как путь от накопления разрозненных данных, характеристик, признаков, свойств к их систематизации, выстраиванию все более общих целостностей. Но не менее важен и встречный путь: от некоей уникальной целостности — к выделению ее все более детализируемых свойств. Именно так и начинается расширение жизненного опыта человека. Сталкиваясь впервые с неким явлением, например водой, теплом или огнем, он только потом, по мере расширения знания, включая научное, узнает химическую формулу воды, что тепло — это скорость движения молекул, а огонь — интенсивное окисление.

Семиотический механизм этого процесса — переход от употребления имен собственных и указательных местоимений к все более усложняемым предикациям, описаниям. Аналогичным образом ребенок впервые использует слова «стол», «собака» и т. д. скорее как имена собственные и лишь по мере развития и усложнения своего опыта приходит к осознанию общего характера этих понятий. Фактически речь идет о динамике соотношения двух основных форм фиксации и выражения знания: непосредственного указания предмета и его описания.

Собственно, об этом процессе писал еще Аристотель, выделявший две характеристики вещей: нерасчлененную индивидуальную неповторимость вещи и ее свойства, общие ряду объектов. В этой связи он говорил о «первых» («первичных») и «вторых» («вторичных») сущностях (Аристотель, 1976). Поскольку «вторые» сущности связаны с характеристиками, объединяющими предмет с другими в некое множество, постольку за этими сущностями в истории философии закрепилось их обозначение как «общих». Вопрос об общей сущности есть вопрос о

принадлежности понятия вещи определенному роду. «Первая» же сущность настолько связана со своим объектом, что никакой другой объект не может ею обладать. Поэтому за этими сущностями закрепилось именование их «индивидуальными».

К Аристотелю же восходит и трактовка выражения содержания знания с помощью определений через род и видовые отличия. И хотя он подчеркивал первичную роль индивидуальных (первых) сущностей, так как предельный вид не может использоваться в качестве рода по отношению к чему-то другому, развитие знания представляло у него преимущественно как оперирование общими сущностями. Это соотношение индивидуальных и общих сущностей ярко выразилось в знаменитом споре об универсалиях в средневековой схоластике. Для реалистов (неоплатоников, томистов), утверждавших изначальную реальность Божественной сущности, обладающей универсальными предикациями, недоступными чувственному опыту, постижение мира представляло преимущественно как результат умственных рационализаций. Для номиналистов наибольшей реальностью обладают индивидуальные сущности, индивидуальная природа вещей, их *haecceitas* (этовость, этость).

Вопросы о соотношении и взаимосвязи этих способов указания, возможности их редукции друг к другу в конце прошлого столетия вышли на первый план в обосновании систем логического анализа, в первую очередь модальных и интенциональных логик. Так, согласно одной точке зрения (Д. Льюис, Я. Хинтикка, Э. Сааринен, Я. Тихи и др.), указание объекта осуществляется посредством сравнения наборов свойств, характеризующих его в альтернативных системах описания («возможных мирах»), каждый раз новой его идентификацией «сквозь миры». Поэтому такой подход условно можно назвать функционально-описательным. Согласно другой концепции, анализ начинается не с систем описания, а с конкретных индивидов, и вопрос поэтому заключается не во всякий раз новой идентификации, а скорее в нахождении некоторого «твердого десигнатора» (С. Крипке), «имени субстанции» (К. Донелан), «индексного имени» (Х. Патнэм), обозначающего нечто, существующее во всех альтернативных описаниях и обладающего устойчивым набором свойств. Крипке, например, полагает, что критерии указания объекта задаются не по некоторым свойствам, а за рамками системы описания (Kripke, 1972, p. 272–273).

Однако «изобретение все более тонких способов обойти логико-семантические трудности не заменяет философского осмысления, имеющего большую историю» (Попович, 1979, с. 240). Поэтому необходимо рассмотрение не только и не столько различий, сколько соотношения и взаимосвязи между описательной и нормативно-указательной идентификацией в контексте развития и совершенствования осмысленного знания, его возникновения, уточнения и роста.

Это соотношение улавливается, например, в двух вариантах ответа на вопрос «Кто написал эту работу?»: «Профессор такой-то кафедры такого-то университета» и «Вот этот господин». В связи с подобными различиями Б. Рассел отличал «знание по описанию» от «знания по знакомству». Последнее он считал фундаментом познания, единствен-

но гарантирующим адекватность идентификации, поскольку оно предшествует любым характеристикам и описаниям. «Мы говорим, что мы знакомы с чем-либо, если это нам непосредственно известно, — без посредства умозаключений и без какого-то ни было знания суждений» (Рассел, 1914, с. 35). Показательно, что этой фундаментальной для него идее теории познания Рассел не изменил на протяжении всей своей длительной и временами радикальной философской эволюции.

Знание по знакомству Рассел связывает с некоторым «полным комплексом переживаний», образующим единое целое из зрительных, слуховых, осязательных и других восприятий и впечатлений. Такое знание апеллирует ко всему этому комплексу в целом без различения его составляющих. Именно знание по знакомству фигурирует при использовании имен собственных, а также указательных местоимений, необходимость в которых, согласно Расселу, «связана с нашим способом приобретения знания и исчезла бы, если бы знание было полным» (Рассел, 1957, с. 343). Иначе говоря, необходимость в знании по знакомству возникает в тех случаях, когда наши знания не дифференцированы в систему описаний. В этом плане Рассел принципиально противостоит Лейбницу, утверждавшему, что полное индивидуальное понятие (соответствующее индивидуальной сущности) всегда является конъюнкцией всех общих свойств объекта.

Именно с установкой на знание по знакомству в качестве исходной точки роста знания фактически связана и концепция твердой десигнации: употребление имен собственных не требует знания всей совокупности описаний объекта и обеспечивает зачастую более точную идентификацию, более точно указывает на объект, чем целая система описаний и определений через род и видовое отличие. Однако ни Рассел, ни современные логические семантики не идут дальше различения и противопоставления двух путей идентификации. Между тем, несомненно, особый интерес представляет рассмотрение реального процесса идентификации, когда обе крайности оказываются не принципиально различными, противостоящими друг другу способами указания, а сторонами, аспектами возникновения и развития знания. А это как раз ситуация диалогического характера смыслообразования.

Описательная и нормативно-ценностная идентификация — две стороны действия общего механизма осмысления действительности, носящего принципиально диалогический характер взаимодействия его семиотических подсистем. Суть дела оказывается не в противопоставлении способов их указания, а во взаимодействии и взаимосвязи этих способов и соответствующих средств (Тульчинский, 1986). Одна из подсистем осмысления обеспечивает накопление и развертывание описаний и других характеристик явлений, другая — устойчивость и преемственность динамики осмысления посредством отождествления вновь вводимых описаний с имеющимися твердыми десигнаторами.

Эта динамика осмысления воспроизводится в развитии научного знания и в соотношении чувственного и рационального, эмпирического и теоретического. Так, раскрытие значения и смысла эмпирических

фактов и наблюдений, их объяснение дает гипотезы и теории, то есть дополнительное знание, за счет синтеза которого с фактами и достигается осмысление данных опыта, возникает новое знание. Однако именно эмпирические данные позволяют контролировать развитие знания посредством установления соответствия гипотез и теорий фактам. Единство же теоретического и эмпирического посредуется логической связностью и непротиворечивостью единой системы знания.

Между описательной и нормативной идентификацией нет и не может быть пропасти, поскольку это не две различные формы семиозиса осмысления действительности, а взаимодополняющие друг друга стороны единого когнитивного процесса смыслообразования, постоянное взаимодействие (диалог) которых обеспечивает поступательное развитие знания. Их взаимоотношение проявляется как установление аналитически истинного тождества неизвестного с уже известным, как отождествление нетождественного, то есть как метафора.

Начинаясь со знания неполного, развитие знания и осмысления продолжается во все более дифференцированном указании все более точных описаний и определений первоначально нерасчленимо целостной характеристики. Однако аналитическая истинность таких описаний и определений обеспечивается и подкрепляется всегда указаниями тождества вновь вводимой описательной идентификации с идентификацией нормативно-указательной, введенной ранее. Например, если обратиться к приведенным ранее примерам, тепловые явления первоначально объяснялись через ощущение тепла. Затем выяснилось, что причина их заключается в движении молекул. Это знание следовало определить как необходимо истинное в самом строгом смысле слова, поскольку не мыслима такая система описания, в которой тепловые явления не проявлялись бы через движение молекул. По этой причине термин «молекулярное движение» составляет в паре с первоначальным твердым десигнатором «тепло» необходимо истинное утверждение тождества.

Проведенное семиотическое уточнение бахтинского смыслообразующего бесконечного диалога может быть уподоблено формированию «блокчейна» любой смысловой картины мира: в рамках личного индивидуального опыта, конкретной науки, человеческого знания в целом.

Предложенный подход позволяет уточнить соотношение в динамике осмысляющего диалога индивидуального и социального опыта в терминах «глубокой семиотики», расширяющей семиотический анализ за счет акцентирования роли самосознания (субъектности) личности, рассматриваемой как источник, средство и результат осмысленного знания, и различия в структуре смыслового содержания опыта социальных значений и личностного смысла (Тульчинский, 2018; 2019). Осмысляющая метафора реализуется как бы между двумя полюсами смысловой структуры: указанием предметного значения и переживанием как компонентом личностного смысла. Осмысление не сводимо к адекватному указанию предметного социального значения. Абсолютизация такого указания, сведение к нему характерны для структурализ-

ма и аналитической философии. С другой стороны, осмысление не сводимо и к глубинным переживаниям субъекта. Смыслообразование — всегда диалогическое столкновение семиотических структур, ориентация и «наведение» мысли с сохранением непротиворечивой связи с уже закрепленным знанием. Такие аналитически истинные метафоры как бы «зашнуровывают» сферу неизвестного с помощью уже известного, все более расширяя тем самым сферу осмысленного знания.

Поскольку описания и определения выявляются по мере вовлечения объектов в сферу социальной практической деятельности, постольку выраженное в них знание социально, оно транслирует социальные значения. И хотя развитие социального знания и опыта предполагает наличие знания индивидуальной личности, отдельный индивид не обладает «полным» знанием о каждом объекте. Носителем исторически определенной полноты знания являются субъекты, профессионально занимающиеся определенным видом деятельности в силу общественного разделения труда, например ученые, специалисты, эксперты. Человеку же обычно достаточно знания «частичных» значений, а нехватка знания вполне компенсируется твердой десигнацией личного опыта или отсылкой к нормативному авторитету специалиста.

Связь нормативной идентификации с авторитетом выводит анализ динамики осмысления и роста знания в контекст социальной коммуникации. В этом плане могут быть по-новому рассмотрены проблема «герменевтического круга», роль классических произведений в развитии художественной культуры, которые в историческом «большом» времени живут более полной и интенсивной жизнью, чем в культуре, их породившей. Очевидно, достигается это за счет богатства связей и ассоциаций данных произведений как с прошлыми, так и с современными культурами. Такие произведения ведут себя фактически как твердые десигнаторы, выполняя роль связующих нитей между культурами, обеспечивая преемственность в их развитии. В основе динамики осмысления не могут лежать простые отступления от образца, ошибки, искажения нормы и закрепление их в практике (аналогично игре в «испорченный телефон»). Общество не могло бы существовать, если бы в каждом акте деятельности оно не воссоздавало определенный «блокчейн» смысловой картины мира, динамика которой реализуется как выражение сдвигов традиционного и нетрадиционного в культурах и практиках.

4. Необходимость контакта

Показательно, что для Лотмана смыслообразующий диалог (даже с учетом его непрерывной заданности) не является некоей абстрактной моделью, схемой, а предполагает *необходимые конкретные контакты* носителей взаимодействующих семиотических систем. Простое наличие двух сторон еще не есть диалог — нужен их конкретный контакт (Лотман, 2022, с. 15). Идея, предполагающая, что если что-то сказано или написано, то теперь это все знают, — очень сильное допущение. Его романтичность хорошо известна авторам «незамеченных» текстов и

идей, художественных или научных: им остается только надеяться на бахтинское воскрешение в «большом времени». Для человека как генератора, транслятора и восприимчика смысла очень важно быть даже не столько замеченным и окликнутым (П. Гиллих), сколько хотя бы услышанным. Недаром у П. А. Флоренского и Т. Манна отмечаются близкие образы ада как полной неустыжиданности. И хотя в судебной практике фигурируют иски к авторам высказываний (в научных, художественных, медийных текстах), адресованных «неустановленному кругу лиц» (свидетельство того, что как незнание закона от ответственности не освобождает, так и «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» — вплоть до правовой ответственности), но вряд ли в этом случае можно говорить о полноценном участии в смыслообразующем диалоге.

Еще одно важное лотмановское наблюдение, связанное с реализацией контакта в диалоге, — его дискретность, прерывистость (*dixi* — я сказал, теперь говори ты), объясняющаяся необходимостью концентрации на источнике и рефлексии (Лотман, 2022, с. 17), реализующих важную для Лотмана «презумпцию заинтересованного понимания».

5. Дальнейшие расширения

Несколько соображений относительно расширения высказанной в лотмановском докладе программы сдвига семиотической парадигмы.

Прежде всего это касается особой роли в смыслообразовании такого вида текстов, как *нарративы* — рассказывание связанных историй. Освоение нарративной сыграло ключевую роль в антропогенезе, совершив около 6000 лет назад «когнитивную революцию, давшую *Homo sapiens* радикальное конкурентное преимущество по сравнению с другими видами *Homo* (Харари, 2019). Если сигнальная коммуникация позволяет консолидировать не более 100–120 индивидов, то переход к коммуникации нарративной создал основу общей смысловой картины мира, способной консолидировать сотни, тысячи, а теперь и миллионы людей. Мифы, религии, идеологии, экономика, деньги, наука, образование, медиа — все это результаты нарративных коммуникативных практик.

Как показали нейрофизиологические и когнитивные исследования, именно освоение нарративной коммуникации играет ключевую роль в формировании сознания и самосознания — в первую очередь речь идет об осваиваемой к 3-му году жизни ребенка нарративной от первого лица, когда у человека начинает формироваться его рефлексивная память, самосознание самости, *autobiographically self* (Damasio, 2010), связанный текст истории его жизненного опыта, в котором он играет активную роль. Социализация, освоение социально-культурных практик, сопровождаемое нарративной сначала родителей, потом других близких, учителей, коллег, вырывают человека из причинно-следственных связей, делая его *causa sui*, активным и вменяемым актором социальной жизни. Такой «роман» собственной жизни человек с помощью других «пишет» (и «переписывает») на протяжении всего своего сознательного существования (Хенрих, 2018).

Сам Лотман, как и Бахтин, практически не использовал термин «нарративы», хотя уделял большое внимание повествованию, сюжетике, жанрам, мимесису событий. Не случайно П. Рикёр, обратившийся в 1980-е годы к философскому осмыслению нарративности, писал, что следовал «урокам Бахтина», ясно сформулировавшего неотождествимость автора и рассказчика, природу нарративного дискурса как сопряжения события, о котором рассказано, с событием самого рассказывания. Как истина присуща только бытию познанному и изреченному, так и событийность интенциональна — она есть особое, нарративно выраженное отношение сознания к бытию, как со-бытие, с учетом взаимодействия интенций акторов, меняющего смысл бытия. Собственно, именно наррация и «нарезает» континуум бытия на события. Поэтому было бы особенно интересно и полезно переосмысление богатого наследия Лотмана (да и Бахтина) в терминах современной нарратологии, которая из структуралистского проекта «грамматики рассказывания» переросла в социокультурный инструмент формирования, хранения и передачи событийного человеческого опыта, в междисциплинарную область исследований практик формирования и ретрансляции этого опыта.

Другое перспективное поле исследований касается зоны смыслового перехода в диалоге и метафоре. В механизме диалогового взаимодействия выделяются два основных его аспекта: «негативный» (разрушающий) и «позитивный» (созидающий). Первый связан с переносом осмысляемого в иной контекст осмысления, рассмотрением его в иной, несобственной нормативно-ценностной системе, с распатыванием привычных представлений и деструкцией старой смысловой структуры. Второй — с построением нового смыслового ряда, формированием новой системы знания. «Негативный» аспект осмысления обусловлен тем, что возникновение нового знания затруднено действующими стереотипами. Поэтому формирование новых идей предполагает выведение опыта из автоматизма его привычного восприятия и понимания, способность увидеть известное заново, сделав привычное необычным, странным. Платон связывал это со способностью к удивлению, а романтики — со способностью сохранить в своей душе ребенка, все открывающего заново. Эту сторону смыслообразования В.Б. Шкловский удачно назвал «остранением», а Д. Барлоу вслед за ним — дистанцированием, Б. Брехт — очуждением, Ж. Деррида — деконструкцией. Применительно к социальной динамике В. Тёрнер обозначил эту стадию как лиминальную фазу (Тёрнер, 1983). Остранение и лиминальность ярко проявляются в период изменения концептуального аппарата, смены парадигм, методологических установок, когда наступает кризис очевидности, а выдвижение «сумасшедших» идей становится критерием научного прогресса (Кун, 2009).

Однако остранение не может быть самоцелью. В качестве таковой оно выступает, пожалуй, только в нонсенсе и абсурде, где оно становится не средством, а целью и содержанием. Загадка, метафора, аллегория, пародия, критический анализ не ограничиваются игрой смысла, а дополняются позитивным переосмыслением в новой композиции, в

определенной системе практики. С этой точки зрения всякое осмысление есть переосмысление, выстраивание новых смысловых конструкций из остраненных смыслов. Даже в нонсенсе остранение предполагает конструктивную деятельность сознания по выстраиванию из остраненных смыслов новых конструкций. Шкловский называл эту стадию монтажом, а Тёрнер — новой агрегацией.

Новые идеи, новое осмысление — не просто разрушение привычного смыслового ряда, это и его пересоздание, включение в осмысляющий диалог. Для художника это новое композиционное решение, для ученого — новое сравнение и построение новой теоретической модели, для инженера — новое конструктивное или технологическое решение, для рабочего или спортсмена — новая последовательность операций и движений. За всем этим стоит одно — новая конструктивная фиксация смыслового содержания социального опыта, его новое программирование. Процесс этот подобен ковке металла, когда его разогрев до состояния полной пластичности, благодаря которой ему можно придать практически любую форму, дополняется остужением, фиксацией нужной формы. Таков, в принципе, путь формирования научной терминологии. У этимологических истоков любого научного термина всегда стоит метафора, одно из значений которой однозначно фиксируется с помощью определений.

Динамика осмысления предстает, таким образом, как систематический нормативно-ценностный смысловой сдвиг. Зачастую благодаря этому сдвигу нечто, представляющееся несущественным и побочным, приобретает фундаментальное значение. Например, в материальном производстве железо и стекло первоначально рассматривались как шлак в медеплавильном и гончарном деле. Рожь и конопля довольно долго рассматривались как сорняки. Важным шагом стало не просто технологическое освоение этих объектов, а именно установление их нового значения и смысла.

Общая динамика опыта и осмысления заключается в постоянной диффузии и специализации форм деятельности и смысловых структур, с ним связанных. Поиски новых идей порождают обилие доктрин, теоретических концепций, привлекают внимание к альтернативным поискам дилетантов и «еретиков», высмеиваемых ранее. Любая самоорганизующаяся система в своем развитии реализует равновесие организации и дезорганизации, синтеза новой информации за счет разложения старой. Это то, что Лотман называл соотношением *Культуры и Хаоса*, за которым открывается широкая перспектива конкретных семиотических аналитик.

Здесь опять проглядывает сопряжение с Бахтиным, его анализом карнавала и смеховой культуры как встроенного в культуру механизма взгляда на культуру из аута, с позиции вненаходимости.

Еще одно расширение связано с *персонологической природой смыслообразования*.

Лотман неспроста в своем докладе называет «психологической семиотикой» (Лотман, 2022, с. 10) перенос внимания со структур на тексты. Социальный опыт реализуется только при условии освоения его лич-

ностью. Именно индивидуальное сознание личности является тем полем, в котором происходят изначальный смысловой сдвиг, остранение и попытки выстроить новое видение реальности. Это выражается в самом процессе организации жизнедеятельности личности, выдвигании на передний план одних ситуаций, отодвигании на дальний план других, преодолении третьих — короче говоря, в проведении личностью своей жизненной линии, обуславливающей неповторимость осмысления ею действительности. Личность — подвижная, способная к самоорганизации и саморазвитию открытая семиотическая система, различные элементы которой стимулируют, взаимопровоцируют, обогащают, нейтрализуют или подавляют друг друга.

Как в профессиональной, так и в бытовой сфере отсутствие предзаданной программы на все случаи жизни вызывает напряженные усилия по формированию нового опыта и осмысления. Именно ситуация непонимания, «удар о границы понимания» провоцирует рефлексию, а в результате рефлексии и новое осмысление, понимание, то есть новые идеи. Через сознание творца проходят улавливаемые только им связи реальности, новая гармония мира, которые он, фиксируя, делает достоянием общества. При этом рациональная мыслительная деятельность — крайне необходимый, но недостаточный элемент динамической целостности и полноты творческой деятельности. Чувства человека, его эмоциональное отношение к действительности не только сопровождают осмысление, но и являются мощным формообразующим фактором, поскольку выражают ценностное отношение человека к реальности.

Новые идеи, новое осмысленное знание не может возникнуть с самого начала как общее. Во всех сферах человеческой деятельности новые творческие приобретения начинаются с личных инициатив, как проявление личностной свободы и ответственности. Лишь затем, приобретая общее социальное значение, они могут становиться нормами. В этом процессе институционализации новых смысловых построений — вплоть до социальных структур, новых сфер деятельности — ключевую роль, опять же, играет регулярность и интенсивность коммуникации. У истока научной лаборатории, политической партии, предприятия стоит предложенная кем-то идея, понимание, в процессе коммуникации обретающие институциональные формы. В связи с этим можно говорить о расширении семиотического подхода в формате «глубокой семиотики» (deep semiotics), включающей в поле анализа не только «горизонтальное» взаимодействие знаковых систем, но и «вертикаль» («глубину») их генерирования и институционализации (Гульчинский, 2019; 2020).

Все эти отмеченные выше перспективы расширения семиотического анализа не только показывают его потенциал, но отрывают горизонты нового синтеза — например, уже отмеченного в этой работе сопряжения бахтинской программы и идей русского формализма. При всех различиях и взаимной критике позиций их многое сближало: опоязовский акцент на том, «как сделано» произведение, и бахтинский принцип «войти творцом в видимое, слышимое, произносимое»; идея «гам-

бургского счета» и идея «ответственности»; идеи «отталкивания» и категории диалога; в ОПОЯЗе материалу в оппозицию ставились «прием», «конструкция», «стиль», у Бахтина — «эстетический объект». В этом плане и Бахтин, и опоязовцы противостоят постструктуралистским релятивистским теоретическим моделям без ответственной аксиологии. О дополнительности бахтинского диалогизма и остранения Шкловского уже сказано немало. Показательно, что сопряжение двух научных парадигм становится тем более обоснованным в свете выявившихся на XVIII международной бахтинской конференции обстоятельств личностного сближения М. М. Бахтина и В. Б. Шкловского в 1970-х годах, их взаимоуважительных личных отношений.

Поэтому проект развития семиотики, озвученный в докладе Лотмана 1981 года, очень точно наметил такое сближение, а предложенный в данной работе немного ернический опыт «бахтинить Лотмана» и «лотманить Бахтина» дает пример результативности такого сопряжения. Фактически речь идет о перспективе и возможностях интеграции не только структурного и феноменологического подходов (Emerson, 2022), аналитической и герменевтической традиций, но и междисциплинарности, в которой сопрягаются философия, психология, социология, логика и логическая семантика, филология и языкознание. А также речь и об уже реализуемой в когнитивистике и исследованиях искусственного интеллекта конвергенции гуманитарных, точных наук и естествознания, новом синтезе науки, искусства и философии, а возможно, и духовных практик, об изморфизме которых в семиотическом анализе говорил Лотман в своем, как он его в шутку называл, «хулиганском» заявлении (Лотман, 2022, с. 19–20, 21).

Ergo

Намеченный Ю. М. Лотманом в 1981 году проект развития семиотического анализа как перехода от модельных языковых структур к анализу текстов и проявления в них диалоговой природы смыслопорождения существенно расширяет горизонты семиотического подхода, открывая его новые измерения. Выявленные в работе перспективы расширения аппарата семиотики, такие как нарративный подход, глубокая семиотика, анализ динамики социальной институционализации знаковых структур, реализуют потенциал семиотики как эффективной концептуальной платформы междисциплинарности и конвергенции научных дисциплин в понимании происходящих трансформаций и ответственного социально-культурного инжиниринга.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

- Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1976.
Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М., 1996.
Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
Гусев С. С. Наука и метафора. Л., 1984.

- Золян С. Т. Юрий Лотман о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2022. №1. С. 106–119.
- Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 2009.
- Лакоф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.
- Левинас Э. Путь к другому. СПб., 2006.
- Лотман Ю. М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 10–23.
- Попович М. В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. Киев, 1979.
- Рассел (Рессель) Б. Проблемы философии. СПб., 1914.
- Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 1957.
- Тульчинский Г. Л. «Новые» теории истины и «наивная» семантика (Об альтернативных теориях истины в современной логической семантике) // Вопросы философии. 1986. №3. С. 727–732.
- Тульчинский Г. Л. К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 15–26.
- Тульчинский Г. Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. №11. С. 115–125.
- Тульчинский Г. Л. Факторы динамики художественной культуры // Советское искусствознание. Вып. 19/83 (2). М., 1985. С. 220–248.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
- Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической теории информации // Проблемы кибернетики. 1965. Вып. 13. С. 233–240.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2015.
- Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2019.
- Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. М., 2018.
- Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. Pantheon, 2010.
- Emerson C. Lotman and Bakhtin // The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture / ed. by M. Tamm, P. Torop. Bloomsbury Academic, 2022. P. 78–90.
- Kripke S. Naming and necessity // Semantics of natural language. Reidel Publ., 1972.
- Miall D. S. (ed.) Metaphor: problems and perspectives. Brighton, 1982.
- Ortony A. (ed.) Metaphor and thought. 2nd ed. Cambridge, 1993.

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г. Л. Текст как осмысляющий диалог и зашнуровывающая метафора: опыт сопряжения подходов Ю. М. Лотмана и М. М. Бахтина // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 55–74. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-3.

TEXT AS A MEANING-GENERATING DIALOGUE
AND A LACING METAPHOR: THE EXPERIENCE
OF CONVERGING YURI LOTMAN'S
AND MICHAIL BAKHTIN'S APPROACHES

G. L. Tulchinskii

St. Petersburg State University;
"Higher School of Economics" National Research University,
Saint Petersburg, Russia

Submitted on November 21, 2021
doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-3

The article presents a reflection on Yuri Lotman's idea of reorienting semiotics from the analysis of structures to the analysis of texts and their binary dialogical nature. This idea allows correlating Lotman's approach with Bakhtin's concept of a continuous, meaning-generating dialogue. The juxtaposition of these approaches opens up new possibilities for expanding the semiotic analysis of the processes of meaning formation, metaphorization, the dynamics of culture, and the correlation of social and personal experience in these dynamics. The prospects of expanding the scope of the apparatus of semiotics, such as the narrative approach, deep semiotics, and analysis of the dynamics of social institutionalization of sign structures, are revealed. This, in turn, opens up new horizons for the development of the theory of meaning and understanding, the convergence and juxtaposition of semiotic and hermeneutic traditions, analytical philosophy and phenomenology, abstract modeling and the role of subjectivity (self-consciousness of self). Such extensions and perspectives realize the potential of semiotics as an effective conceptual platform of interdisciplinarity and convergence of scientific disciplines in understanding the ongoing transformations and responsible socio-cultural engineering.

Keywords: communication, dialogue, meaning, metaphor, Mikhail Bakhtin, semiotics, text, Yuri Lotman

References

- Aristotle, 1976. *Sochineniya v chetyrekh tomakh*. T. 1 [Works in four volumes. Vol. 1]. Moscow (in Russ.).
- Bakhtin, M. M., 1996. *Sobranie sochinenii v semi tomakh* [Collected works in seven volumes]. Moscow (in Russ.).
- Buber, M., 1993. *Ya i Ty* [I and Thou]. Moscow (in Russ.).
- Damasio, A., 2010. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. Pantheon, 384 p.
- Emerson, C., 2022. Lotman and Bakhtin. In: M. Tamm and P. Torop, eds. *The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture*. London; New York; Dublin: Bloomsbury Publishing Plc, pp. 78–90.
- Gusev, S. S., 1984. *Nauka i metafora* [Science and Metaphor]. Leningrad (in Russ.).
- Harari, Yu. N., 2019. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A Brief History of Humankind]. Moscow (in Russ.).
- Heidegger, M., 2015. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow (in Russ.).
- Henrich, D., 2018. *Myshlenie i samobytie. Chteniya o sub"ektivnosti* [Thinking and being. Readings about subjectivity]. Moscow (in Russ.).
- Ivanov, Vyach. Vs., 1978. *Chet i nechet: asimmetriya mozga i znakovykh sistem* [Even and Odd: Asymmetry of the Brain and Sign Systems]. Moscow (in Russ.).

- Kripke, S., 1972. Naming and necessity. In: *Semantics of natural language*. Dordrecht.
- Kun, T., 2009. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow (in Russ.).
- Lakoff, J., Johnson, M., 2008. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow (in Russ.).
- Levinas, E., 2006. *Put' k drugomu* [Way to another]. St. Petersburg (in Russ.).
- Lotman, Yu. M., 2022. Lecture at Tartu State University, March 13, 1981. *Slovo.ru: Baltic accent*, 13 (2), pp. 10–23 (in Russ.).
- Miall, D.S., ed., 1982. *Metaphor: problems and perspectives*. Brighton: Harvester press, 172 p.
- Ortony, A., ed., 1993. *Metaphor and thought*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 696 p.
- Popovich, M. V., 1979. *Ocherk razvoitiya logicheskikh idei v kul'turno-istoricheskom kontekste* [Sketch of the development of logical ideas in a cultural and historical context]. Kyiv (in Russ.).
- Russell, B., 1914. *Problemy filosofii* [Philosophy problems]. St. Petersburg (in Russ.).
- Russell, B., 1957. *Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granitsy* [Human cognition: its scope and boundaries]. Moscow (in Russ.).
- Schreider, Yu. A., 1965. On one model of the semantic theory of information. *Problemy kibernetiki* [Problems of Cybernetics], 13, pp. 233–240 (in Russ.).
- Tulchinskii, G. L., 1985. Factors of artistic culture dynamics. *Sovetskoe iskusstvoznanie* [Soviet art history], 19/83, Vol. 2. Moscow, pp. 220–248 (in Russ.).
- Tulchinskii, G. L., 1986. “New” theories of Truth and “naïve” semantics (On alternative theories of truth in modern logical semantics). *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 3, pp. 727–732 (in Russ.).
- Tulchinskii, G. L., 2018. The problem of meaning in Social Semiotics: deep semiotics as a conceptual extension of Social Semiotics. *Slovo. ru: baltic accent*, 9 (4), pp. 15–26 (in Russ.).
- Tulchinskii, G. L., 2019. Extensions of the Semiotic Analysis Capabilities: the Sources and Content of the “Deep Semiotics” Concept. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 11, pp. 115–125 (in Russ.).
- Turner, V., 1983. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka (in Russ.).
- Zolyan, S. T., 2022. Yuri Lotman: On problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 106–119 (in Russ.).

The author

Prof. Grigorii L. Tulchinskii, Saint Petersburg State University; Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskii, G. L. 2022, Text as a meaning-generating dialogue and a lacing metaphor: the experience of converging Yuri Lotman’s and Mikhail Bakhtin’s approaches, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 55–74. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-3.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА И ФИЛОЛОГИИ

УДК 161.25; 161.26

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В КОСВЕННЫХ КОНТЕКСТАХ: ИМЕНОВАНИЕ *DE RE* И ФИКЦИИ

*И. Б. Микиртумов*¹

¹ Русское общество истории и философии науки,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1
Поступила в редакцию 10.12.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-4

Исследуется проблема значения имен собственных и иных сингулярных термов в косвенных контекстах путем соединения проблематики пустых имен, жесткой десигнации и неспецифического прочтения. Объект установки может быть дан агенту как таковой (de re), в описании (de dicto), а также несколькими промежуточными способами. От анализа феномена жесткой десигнации автор переходит к теории объекта, рассматривая два варианта альтернативности – строгий, или лейбницевский, и слабый. Первый объясняет фактическое несуществование невозможностью, второй – случайностью. Здесь возникают два способа задания несуществующих (вымышленных) объектов – родство и двойничество, реализуемые в разных по своим чертам фреймах. Неспецифический характер присущ родственникам и двойникам по-разному. Особый случай образуют гибридные миры, в которых реальное и фиктивное встречаются. В результате анализа представлены пять вариантов ослабленного de re прочтения собственных имен и иных сингулярных термов в контексте установок. Описаны их особенности, затронут когнитивный эффект наррации, которая оперирует соответствующими установками.

Ключевые слова: семантика, имя собственное, пропозициональные установки, de re, фикция, жесткий десигнатор

1. Фикции и их неспецифический характер

Значение сингулярных термов, то есть имен собственных, референциально употребляемых дескрипций и демонстративов в косвенных контекстах остается для философской логики и формальной семантики актуальной темой, обсуждение которой идет уже более ста лет. В этой статье я хочу рассмотреть проблему значения пустого имени, или фикции, в нарративном высказывании, во-первых, в связи теорией жестких десигнаторов и, во-вторых, в сопоставлении с эффектом неспецифи-

---

© Микиртумов И. Б., 2022

ческого именованя *de re* в сообщениях о пропозициональных установках. Первый сюжет иллюстрируют предложения (1), (2), а следующий из них – (3)¹:

- (1) Фродо – мужественный хоббит из Шира.
- (2) Фродо – вымышленный персонаж романа Толкиена.
- (3) Существует мужественный хоббит из Шира, вымышленный персонаж романа Толкиена.

Предложение (1) истинно в реальности романа, (2) – в так называемой метафигиональной реальности, а (3) требует для своей интерпретации уточнения области квантификации и семантики предиката «вымышленный». Пустота имени «Фродо» в актуальном мире может быть значением неартикулированной переменной контекста, если (1) есть часть рассказа о Фродо, что позволяет сформировать универсум реальности романа. Но в (2) утверждение о несуществовании Фродо делает денотат этого имени либо возможным и в прагматическом аспекте вымышленным (Kripke, 2011) объектом, либо концептом. В последнем случае имеет место именоване *de dicto*, что не соответствует прагматике высказывания, в котором Фродо подразумевается в качестве агента. В первом же случае объект дан неполно, так как неясно ни то, как обеспечить его возможность, комбинируя свойства, ни то, как расширить его «образ» за пределы всегда фрагментарного авторского описания. Это и создает эффект *неспецифичности*, который возникает при именовании *de re* тогда, когда объект дан в когнитивном контакте не непосредственно, но при помощи воображения такого метасемантического когнитивного контакта, соединяемого с перечислением свойств объекта. Представление объекта (по Фреге) или знакомство с ним (по Расселу) возникают здесь в особом модусе, который позволяет прочитывать именоване неспецифическое *de re*. Его иллюстрируют следующие примеры «покупательских намерений» (Schwager, 2011):

- (4) Адриан хочет купить пальто такого же цвета, как пальто Мальте.
- (5) Мэри хочет купить небоскреб, в котором 164 этажа.

Сценарии интерпретации таковы. В (4) мы не знаем, воспроизводит ли говорящий намерение Адриана в тех словах, в которых Адриан сам его выразил или мог бы выразить, или же установка приписывается, поскольку говорящему известно сходство цвета пальто Мальте с цветом пальто, которые рассматривает Адриан. В любом случае пока нет никакого конкретного пальто, которое носил бы Адриан в мирах своих булетических альтернатив или на которое мог бы указать говорящий, но при этом в мирах альтернатив имеется какое-то пальто, которое, видимо, вот-вот будет куплено. В случае (5) Мэри указывает на небоскреб «Бурдж-Халифа» и заявляет, что хочет купить небоскреб, в котором

---

¹ Здесь и далее я, по возможности, использую распространенные в литературе примеры или их адаптации.

было бы на один этаж больше. Говорящий не знает, осведомлена ли Мэри о том, что в «Бурдж-Халифа» 163 этажа, а потому нет оснований приписывать Мэри установку, выраженную в (5). Кроме того, неясно, знает ли Мэри, что искомого небоскреба пока не существует. Но Мэри, как и Адриан, в своих булетических альтернативах так или иначе представляет себе обладание небоскребом.

Сингулярные термы реализуют дейктическую функцию языка, и создание общей теории их значения затрудняется большим разнообразием способов такой реализации. К проблеме фикций я обращаюсь в контексте формальной семантики, буду использовать аппарат возможных миров и обсуждать теорию жестких десигнаторов (Kripke, 1980). Современная дискуссия о значении пустых имен ведется на стыке референциальной и психологической семантики (Maier, 2017), где традиционное движение от смысла к денотату уходит на второй план и замещается движением от речевого действия к коммуникативной эффективности. В более мягкой форме это характерно для теории репрезентации дискурса Кампа и связанной с ней психологической семантики привязок (Kamp, Genabith, Reyle, 2003), ее когнитивистская версия представлена Реканати в теории ментальных файлов (Recanati, 2012; 2017), а Гёртс предлагает фиксировать обязательства говорящего, использующего сингулярный терм (Geurts, 2017), что, как мне кажется, отсылает и к наборам действий адресата сообщения, которые могут служить тестом на фиктивность. Семантический аспект вопроса состоит в том, как должен быть устроен универсум возможных миров, пригодный для интерпретации реальных и фиктивных имен, и какой механизм интерпретации следует для этого задействовать. При этом требуется определить, какая часть семантической информации остается за контекстом в статусе внешних данных и означает контекстуальные параметры.

Ниже я буду отталкиваться от решения проблемы значения фиктивных имен, предложенного Майером. Идея Крипке об особом статусе вымышленных объектов, который отличает их от объектов возможных, реализуется Майером с помощью элементов теорий репрезентации дискурса Кампа и динамически изменяющегося контекста (Heim, 1983). Появление в дискурсе сингулярных термов приводит здесь к постулированию существования их референтов, которое прагматически объясняется как действие авторского предписания или предложения адресату вообразить предполагаемый объект (Maier, 2017, p. 4). Вслед за этим возникают ментальные состояния, в которых сингулярные термы интерпретируются каузально, то есть предполагается цепочка объектов, именуемых именем в разных мирах. Привязка является необходимым прагматическим компонентом функционирования сингулярного терма, но она не гарантирует референции, коль скоро последняя связана с миром интерпретатора. Фикции получают референты в структурах, маркированных как структуры с воображаемыми объектами, где могут находиться и объекты реальные. При этом каждая такая структура несет с собой информацию о статусе введенных дискурсом вымышлен-

ных объектов (Maier, 2017, p. 35–36). По отношению к структуре, репрезентирующей воображаемое, сингулярный терм ведет себя как именующий свой объект *de re*, но за ее пределами именование превращается в *de dicto*. И здесь, как отмечают Рами и Циммерманн, мы не можем уловить отличия между ментальными актами, сопровождающими схватывание действительной и вымышленной истории. В обоих случаях возникают эпистемические установки и включается воображение, дающее предметы некоторым образом *de re* (Rami, Zimmermann, 2017, p. 74). Кроме того, вне рассмотрения Майера остаются эпистемологические и метафизические предпосылки, адекватные наивной языковой картине мира, дающие основания для дифференциации действительного и фиктивного и прямо связанные с условиями истинности выражений.

Ниже я представлю версию теории жестких десигнаторов, которая в совокупности с двумя альтернативными способами понимания существования объекта в мире позволит как описать свойства универсума миров, на которых определяется значение сингулярных термов, так и задать несколько видов именованя *de re*. Моя гипотеза заключается в том, что логико-семантическую особенность фикций составляет их неспецифический характер, природа которого является смешанной — эпистемологической и логической. Основание для этой гипотезы мне дают результаты исследований семантики сингулярных термов в сообщениях о пропозициональных установках, где как раз возникают неспецифические чтения термов *de re* (см: Schwager, 2011; Sudo, 2014; Tiskin, 2016). Их коммуникативная функция состоит в устранении дистанции между объектами в мирах пропозициональных установок и их прототипами в действительном мире за счет ослабления *de re* и смены регистра именованя на *de dicto*. Этот процесс имеет коммуникативную природу, и я согласен с М. Швагер в том, что для его анализа нужна теория не семантическая, а прагматическая (Schwager, 2011, p. 411). Если наборы обязательств и действий окажутся коррелятами сингулярных термов, то такая теория сможет охватить как именование в контексте пропозициональных установок, так и оперирование вымышленными объектами.

2. Именование несуществующих объектов и теория жестких десигнаторов

Объекты в мирах прошлого и будущего, в мире контрфактического настоящего, в мирах, описывающих мнения, верования, желания и пр., могут быть даны в двух модусах: *de dicto*, то есть посредством описания свойств объекта, и *de re* в разных его видах, то есть посредством прямого, косвенного или воображаемого когнитивного контакта. В литературе воображаемый контакт получил название имагинативного *de re*, которое будем обозначать как *de re^{imag}*. Расселовское знакомство с объектом, ведущее к формированию представления, в котором образ объекта дан вместе с обстоятельствами знакомства, создает здесь ментальный

файл (Recanati, 2012), в котором действительно воспринятый объект может быть замещен наброском объекта, полученным в ходе комбинации описания с восприятиями отдельных частей и качеств. Имея знакомство с красными розами и желтыми предметами, легко представить себе желтые розы, имея опыт общения с лошадьми и людьми, можно вообразить знакомство с кентавром. Практики, развитые в конкретных сферах деятельности, позволяют применять воображение вполне предсказуемо, порождая как объекты *de re^{imag}*, так и восприятия качеств. Последние занимают промежуточное положение между объектами и положениями дел и фокусируются на качестве или состоянии, но не на предметах, их порождающих. Это хорошо видно на примерах слуховых, запаховых, тактильных, кинестетических восприятий (Méndez-Martinez, 2019). Здесь *de re^{imag}* возникает из *de re* данного «внутреннего» состояния воспринимающего и данного *de dicto* предмета, который его аффицирует, ибо различные предметы, вызывающие одинаковое состояние, не могут быть при прочих равных условиях различены.

Знакомство, характеризуемое как привязка (якорь) сингулярного термина (Kamp, Genabith, Reyle, 2003), задает каузальную референцию в духе теории Крипке (Kripke, 1979). Любое использование такого термина несет с собой информацию о своего рода семантической пресуппозиции говорящего, которая состоит в том, что привязка однажды была осуществлена, что терм конвенционально обладает значением именно благодаря привязке и что от мира к миру сохранялась возможность когнитивного контакта с референтом имени. Эти обстоятельства подразумеваются, так что информация о привязке становится частью контекста, точнее, условий, диктуемых ситуацией употребления. Если привязка явно дана или использована в эпистемической установке, то отношение именованного становится фактом сигнификативного характера (Микиртумов, 2018). При использовании имени фиктивного объекта или передаче установки мы можем сделать такой факт содержанием пресуппозиции, восстанавливаемой в виде «префикса» высказывания (Lewis, 1978), что, например, для (1) даст (6):

(6) В мире романа Толкиена Фродо — это мужественный хоббит из Шира.

Такой префикс играет роль интенционального оператора, определяющего ситуацию произнесения. Другим способом задания привязки является параметризация, когда имени «Фродо» сопоставляется контекстуальная переменная, которая означает привязками *de re* или *de re^{imag}*, отсылающими, соответственно, к двум разным мирам. В обоих случаях значение имени определяется в ходе одной и той же процедуры, то есть при обращении к предметной области конкретного мира.

Еще два значимых контекста вводятся выражениями

(7) Фродо не существует.

(8) Имя «Фродо» не имеет референта.

Интерпретацию (7) можно дать либо используя предикат существования, либо трактуя имя как жесткий десигнатор и означивая из контекста неартикулированную переменную возможного мира. Для (8) нужны предикат именованности и онтология, содержащая знаки как сорт объектов. Такой предикат использует Майер (Maier, 2017, p. 19), а я с той же целью использую абстракцию отношения именованности, порождающую термы для объектов дейктических полей ситуаций (Микиртурмов, 2020). Предложение (8) выражает семантический факт и целиком принадлежит к метаязыку. Хотя (7) и (8) говорят, как кажется, об одном и том же, то есть выражают одну и ту же пропозицию, при формализации этих предложений используются разные средства. Отношение обозначения оказывается по меньшей мере трехместным и включает в себя знак, ситуацию и объект. При этом способ, каким в этом случае обозначается объект, не предполагает провала референции, и можно считать, что объекты называют себя автономно, то есть всегда имея внутреннюю привязку как данность субъекту тем или иным образом. Несуществующий в мире, то есть «внешне», объект опознается сначала как таковой «внутренне», а затем уже объявляется несуществующим. Мы оперируем объектом как тем, что может существовать или не существовать, быть реальным или вымышленным, возможным или невозможным, оставаясь при этом объектом.

Различение *de re* и *de dicto* отходит здесь на второй план, а на первый выступает то, каким способом объект может оставаться «тем же самым», претерпевая возникновение, трансформации и уничтожение. Наиболее известное решение предложено здесь Крипке и составляет содержание его теории жестких десигнаторов (далее — RD) (Kripke, 1980). Она вызвала обширную и продолжающуюся до сих пор дискуссию (см.: LaPorte, 2016), которой я касаться не буду, но изложу свое понимание того, чем являются RD.

RD, будучи смыслом термина, функционирующего как имя собственное, призван обозначать «один и тот же объект» во всех возможных мирах. Взятая в кавычки фраза является ключевой и не подразумевает отношения тождества знаков, денотаты которых совпадают. «Один и тот же» означает не тождество, но идентификацию, которая связывает объекты из двух возможных миров. В силу того что эти объекты принадлежат к разным мирам, свойства их различны и поставить знак тождества между именами этих объектов нельзя. Идентификация же связывает два разных объекта, но позволяет сказать, что это «один и тот же» объект, который меняет свои свойства при переходе от мира к миру. В этой трансформации я в действительности или в возможности удерживаю с объектом когнитивный контакт, который дает мне идентичность того, что трансформируется. Такая идентификация есть феномен, который при анализе значения имеет статус внешних данных. В предположении удержания когнитивного контакта идентификация возникает прежде, чем я фиксирую свойства объекта, что важно, если меня интересуют именно трансформации объекта. Если же когнитивный контакт не постоянен, то лакуны я заполняю, опираясь на свойства объектов, как они

даны мне в наивной языковой картине мира, то есть исхожу из общих представлений об устойчивости или неустойчивости свойств тех или иных видов и родов объектов, идентифицирую скорее похожее, чем непохожее, так что непредсказуемые изменения часто становятся причиной утраты идентификации.

Модель отношения идентификации имеет как эмпирические, так и метафизические основания, восходящие к традиции аристотелевского различения сущности и приходящего в «Категориях» и механистической теории объектов Лейбница. В последней возникновение, трансформация и уничтожение материального объекта увязаны со всем движением материи (Лейбниц, 1984, с. 383). Объект появляется в результате соединения других, прежде разделенных объектов, затем существует как целое, меняя свои свойства, и наконец уничтожается, распадаясь на элементы, начинающие с этого момента вести жизнь отдельных объектов. Идентификация, таким образом, может связывать не только разные состояния объекта, но и совокупность его частей с ним как целым, так что, например, желудь, древний дуб и доска паркета в определенном смысле оказываются «тем же самым» как логико-онтологически, когда, по Аристотелю, желудь есть дуб в возможности, а дуб — паркет в возможности, так и материально-механически, когда, по Лейбницу, желудь разворачивается в дуб, а дуб, распадаясь, дает существование доскам паркета. Если имя собственное благодаря акту именования получает референт в некотором мире, то в последовательностях миров, которые образуют прошлое и будущее этого мира, всегда можно найти либо сам этот объект в его трансформированном виде, либо совокупности частей, из которых он возникает или на которые распадается.

Определим RD более формально. Пусть W — частично упорядоченное по времени дискретное множество миров, D_w — домен мира w , A — имя собственное или иной сингулярный терм, который наделен функциями имени собственного. Зададим интерпретацию I констант, частичную для констант индивидуальных и полную для предикатных. При построении модели по такой интерпретации, то есть при придании значения всем выражениям языка, мы, возможно, столкнемся с пустыми именами и, следовательно, какие-то выражения не получат значения, что сделает модель и мир неполными. Пусть в мире w сингулярный терм A обозначает объект d^* . Назовем w миром привязки A , существование которого необходимо для определения жесткого десигнатора. Множество пар вида $\langle w_n, d \rangle$ и $\langle w_{n+1}, \emptyset \rangle$, где на месте левого члена находится мир, а на месте правого — референт A в этом мире или пустое множество, задает трансмировую линию, или ряд идентичности A в модели M . Ему сопоставляется перечисление всех свойств, которыми обладают денотаты A в каждом из миров. Там, где A пусто, это перечисление также пусто. Полное описание объекта d мира w в модели M обозначим как $descr(d, w)^M$, в общем случае оно будет бесконечным. Множество всех описаний объектов из ряда идентификации A , включая пустые там, где A лишено денотата, образуют жесткий десигнатор:

$$A^{RD M} = \{descr(d^*, u^*)^M, \dots descr(d_n, w_n)^M, descr(d_{n+1}, w_{n+1})^M, \dots\},$$

где $d' = \llbracket A \rrbracket^{M, w'}$, и в пустом для A мире w_n имеет место $descr(d^*, w_n)^M = \emptyset$, где отсылка к референту A дается через референт привязки. Очевидно, что для термина A будет существовать столько версий A^{RD} , сколько существует моделей, дающих A привязку, но нас интересует одна из «естественных» моделей, то есть таких, которые отражают значения слов естественного языка и представления субъекта о правдоподобных и «нормальных» трансформациях объектов от мира к миру². Индексы модели далее опускаем.

Итак, A^{RD} как смысл термина A есть перечень описаний денотатов A в каждом из миров и отличен от индивидуального концепта, который является функцией, сопоставляющей имени денотат в каждом мире. A^{RD} обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах, только объектом этим является набор описаний, то есть сложно устроенный концепт, а не индивид. Этот концепт в каждом возможном мире задает функцию, которая позволяет построить ряд идентичности для A . Тем самым A^{RD} содержит всю информацию о динамике значения A при переходе от мира к миру³. Как концепт A^{RD} является функцией типа $\langle s, \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle$. Это значит, что не всякий индивидуальный концепт типа $\langle s, e \rangle$ задает последовательность объектов, адекватную той, которую мы связываем с рядом идентичности для A , поэтому из множества таких концептов выбираем единственный ему удовлетворяющий, используя для этого свойство типа $\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle$. При этом «история» объекта по-разному видна из каждого мира, так что указанное свойство должно быть задано концептом типа $\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle$. В свою очередь, из множества таких концептов выбирается один, так что задается еще одно свойство, имеющее теперь тип $\langle s, \langle \langle \langle s, e \rangle, t \rangle, t \rangle \rangle$, и, наконец, это свойство также задается для каждого мира концептом типа $\langle s, \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle$. Это тип имени собственного у Монтегю, который, правда приписывается сингулярным терминам во всех случаях (Montague, 1973), тогда как здесь это требуется лишь там, где имя оказывается пустым. Композициональная интерпретация достигается в этом случае благодаря типовой амбивалентности,

² В общем случае созданная моделью история объекта может противоречить логическим или физическим законам мира. Здесь мы не просто отделяем действительный мир от контрфактического и утверждаем, что они недостижимы друг для друга, но разделяем две последовательности миров, не имеющие ни одного общего мира. Пусть, например, универсумы некоторых двух миров таковы, что первый по времени содержит только тела из железа, а второй — только из золота. В этом случае, если какая-либо кросс-мировая идентификация вообще будет иметь место, то железный объект трансформируется в золотой. Физически такие миры, кажется, недостижимы друг для друга, логически же достижимы, поскольку требование непротиворечивости относится к мирам, а идентификация логически возможна между объектами с любыми свойствами.

³ Так полагал и Лейбниц: «понятие индивидуальной субстанции раз навсегда заключает в себе всё, что может когда-либо произойти с ней, и... рассматривая это понятие, можно увидеть в нем всё, что можно будет справедливо высказать о ней, подобно тому, как в природе круга мы можем усмотреть все свойства, которые можно вывести из нее» (Лейбниц, 1982, с. 135).

позволяющей переопределить тип терма, если он пуст, с e на $\langle s, \langle s, \langle \langle s, e \rangle \rangle \rangle, t \rangle$. Фактически в естественной интерпретации A^{RD} есть множество описаний денотатов A в мирах, и $A^{RD}(w) = descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w)$.

Определение значения предложения с пустым именем «Фродо» в мире w может выглядеть так:

$$(9) \llbracket \text{Фродо}^{RD} \text{ скучает} \rrbracket^w = T \Leftrightarrow \langle \llbracket \text{скучать} \rrbracket, w \rangle \in \llbracket \text{Фродо}^{RD} \rrbracket \Leftrightarrow \langle \lambda x. x \text{ скучает}, w \rangle \in descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w).$$

Поскольку $descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w) = \emptyset$, свойство «скучать» не принадлежит к числу свойств Фродо в мире w , и (9) ложно.

Условия истинности (7) при тех же условиях таковы:

$$(10) \llbracket \text{Фродо}^{RD} \text{ не существует} \rrbracket^w = T \Leftrightarrow \text{неверно, что } \llbracket \text{Фродо}^{RD} \text{ существует} \rrbracket^w = T \Leftrightarrow \text{неверно, что } descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w) \neq \emptyset \Leftrightarrow descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w) = \emptyset.$$

Здесь тип предиката существования определяет и тип аргумента «Фродо».

3. Семантическая информация о несуществующем

RD, построенный по трансмировым линиям и интерпретируемый «естественно», как последовательность когнитивно отождествляемых объектов, отвечает прежде всего той последовательности миров, которая завершается актуальным миром и может быть названа актуализированной. Объекты актуального мира имеют первую привязку в нем или в одном из предшествующих миров, объекты, существовавшие ранее, имеют для нас косвенную привязку, тогда как объекты, не имеющие таких привязок, оказываются фикциями. Если бы жесткий десигнатор можно было определить без привязки, фикции могли бы интерпретироваться как всюду неэкземплифицированные жесткие десигнаторы. Но такие сущности даны *de dicto* и, следовательно, могут быть заменены дескрипциями. Вместе с тем фиктивные имена употребляются иногда с очевидной прагматикой *de re*. Говорящий дает здесь понять, что объект определенным образом доступен для знакомства. Это возвращает ему «нормальность», поскольку появляется привязка и, как следствие, возможность иметь дело с RD. Таким образом, существуют следующие варианты обращения с сингулярным термом: (1) привязка в актуальной последовательности миров и последующий выбор между интерпретацией *de re* в действительном мире и RD, (2) привязка в иной последовательности миров и последующий выбор между интерпретацией *de re^{imag}* и RD, возможно, модифицированным в связи с изменением характера когнитивного контакта.

Рассмотрим несколько примеров. Пусть выражение

$$(11) \text{ Мальчик на портрете — это будущий император Наполеон}$$

интерпретируется в актуальном мире. Привязка обоих термов — «мальчик на портрете» и «Наполеон» — косвенная, но «мальчик на портрете» употреблен *de re*, что вынуждает трактовать имя «Наполеон» как

жесткий десигнатор. НаполеонRD содержит информацию обо всех состояниях объектов, идентифицируемых с ним в прошлом и будущем, а временной оператор указывает два интервала. В первом Наполеон — это мальчик, с которого нарисован портрет, во втором — император. Высказывание (11) истинно тогда, когда свойство «быть мальчиком, с которого рисуют портрет», входит в описание референта имени Наполеон в том мире, в котором наличествует мальчик.

(12) Из Маши, возможно, получится отличная Снегурочка.

Здесь даны две временные точки, в которых присутствуют две идентифицируемые Маши, но первая еще не пробовала себя в амплуа Снегурочки, а вторая достигла в нем успеха. МашаRD дана здесь в спектре возможностей. Освоит Маша роль Снегурочки, останется снежинкой или вовсе не будет участвовать в празднике — это те свойства Маши в будущем, которые сегодня относятся к разным версиям МашаRD. Их, впрочем, можно объединить и включить в МашаRD, если в коммуникации требуется указать вероятные и нетривиальные свойства Маши в будущем:

(13) Маша — это наша будущая Снегурочка или снежинка, если, конечно, она к елке не простудится.

Миры будущего относятся к альтернативным ветвям актуализированной последовательности, которые появляются при интерпретации (12), ветвится и МашаRD.

В предложенной мной трактовке жесткого десигнатора наличие или отсутствие в мире некоторого объекта увязано со свойствами всех прочих. В мире, в котором нет Бэнкси, все отношения к нему всех существующих объектов ложны или не определены, но имя «Бэнкси» употребляется *de re*, так что предполагается его привязка к иной последовательности миров. Все объекты миров, в которых Бэнкси нет, отличны от всех объектов миров, где Бэнкси есть⁴. Следуя Лейбницу, можно сказать, что там, где Бэнкси нет, его не может быть, а там, где он есть, его не может не быть. В последовательности миров не могут стоять рядом такие два мира x и y , для которых появившийся в y объект не имеет предка в x , а присутствующий в x объект не имеет потомка в y , хотя бы в виде неопределенных и разрозненных «фрагментов». При движении во времени могут происходить интеграции, трансформации и дезинтеграции объектов, в ходе которых, соответственно, вместо нескольких появляется один, свойства второго объекта изменяются, третий распадается на несколько, так что к числу свойств объекта принадлежит и «память» об этих видах его движения, зафиксированная в RD.

Фиктивное отличается от действительного, во-первых, тем, что имеет привязку в мирах последовательности, не являющейся актуализиро-

---

⁴ Вопрос о различении «внутренних» и «внешних» свойств объектов снимается многообразием миров. Например, Луна остается «внутренне» не связанной с Дедом Морозом в тех мирах, где он не проезжает и по ее поверхности, меняя тем самым «внутренние» свойства Луны, и такого рода обстоятельства можно подобрать для любого объекта.

ванной, во-вторых, тем, что его описание не может быть непротиворечиво совмещено со свойствами действительного мира, и, наконец, в-третьих, тем, что не проходит прагматический тест на действительность, то есть ускользает от подлинного знакомства. Назовем последовательности, которые являются случившимися в прошлом ответвлениями актуализированной, *контрфактическими*, тогда как последовательности, не имеющие с актуализированной ни одного общего мира, — *параллельными*. И те, и другие являются альтернативными по отношению к актуализированной.

Когда я вижу Машу, которая, если судить по ее словам и действиям, пишет письмо Бэнкси, я описываю положение дел либо в мире Маши, либо в моем мире, используя для этого систему именования либо Машины, либо мою. Высказывание может порождать двусмысленность, если я буду говорить о фиктивном для адресата моего сообщения как о реальном:

(14) Маша пишет письмо Деду Морозу,

и, вдобавок, использовать мою систему именования вместо Машиной:

(15) Маша пишет письмо Санта-Клаусу.

Что подталкивает меня к употреблению фиктивных имен и к смене именования? Попытаюсь ответить на этот вопрос по частям.

Говорящий (S), его адресат (A) и носитель установки (H) могут иметь разные представления о том, существуют ли Дед Мороз или Бэнкси. Будем считать, что гипотезы говорящего объективно верны, но что S, A и H не знают об установках друг друга относительно Деда Мороза и Бэнкси. В каждом из случаев мы получаем характеристику прагматики высказывания для A, который оказывается в роли интерпретатора, оперирующего наименьшим объемом информации, то есть вынужденного рассматривать наибольшее количество сценариев. В таблице ниже «+» и «-» означают существование и несуществование Бэнкси для A, а также, с точки зрения A, — для S и H.

(16) Маша пишет письмо Бэнкси.

Сценарии интерпретации выражения (16)

Сценарий	A	A: S	A: Маша	Интерпретация
1	+	+	+	S может заблуждаться относительно установок
2			-	Маши, если Маша имитирует действие (2)
3		-	+	S иронизирует по поводу Маши, но ирония не
4			-	видна A. S может заблуждаться относительно установок Маши, если Маша имитирует действие (4)
5	-	+	+	S может заблуждаться относительно установок
6			-	Маши, если Маша имитирует действие (6). A может предполагать иронию в словах S
7		-	+	S иронизирует по поводу Маши. S может заблуждаться относительно установок Маши, если
8			-	Маша имитирует действие (8). A может предполагать иронию в словах S

Сценарии (1)–(4) для А неразличимы, но А ориентирован собственной установкой на принятие скорее сценариев (1) и (3). Сценарии (5)–(8) для А также неразличимы, и А будет склонен допускать иронию в словах S. Наибольшее расхождение с «наивной» интерпретацией происходит при сценариях (4) и (8). В (4) Маша имитирует написание письма, а говорящий иронизирует по ее поводу, так что А, убежденный в существовании Бэнкси, должен будет идти наперекор своей установке, а затем принимать на веру ложную привязку имени «Бэнкси». В (8) А не верит в существование Бэнкси, в то время как высказывание S и его содержание создают впечатление, будто S и Маша считают Бэнкси существующим.

Какую семантическую информацию может извлечь А в перечисленных сценариях? Возьмем сначала отношение между А и Машей. В сценариях (1)–(4) предположение о том, что Маша действительно пишет письмо Бэнкси, оставляет А в актуализированной последовательности миров, где для А имя «Бэнкси» имеет привязку. Если А допустит, что Маша имитирует написание письма, то окажется, что для Маши «Бэнкси» привязано к параллельной последовательности миров и сама Маша, узнай она об установках А, будет относить его привязку «Бэнкси» к такой последовательности. Эти последовательности несовместимы, но, как мы видим, имя «Бэнкси» привязано к одной из них. В сценариях (5)–(8) А относит привязку «Бэнкси» к последовательностям миров Маши и говорящего, хотя они могут отрицать существование Бэнкси. Если А предположит сценарий (8), то как может выглядеть привязка «Бэнкси» для всех участников коммуникации? Маша здесь пишет письмо несуществующему контрагенту, то есть осуществляет имитацию с целью ввести кого-то в заблуждение. Она может хотеть создать впечатление, во-первых, что верит в существование Бэнкси, во-вторых, что Бэнкси существует. Если А считает Бэнкси реальным, то манипуляция Маши терпит неудачу независимо от того, стало ли ее намерение известно А, если же А считает Бэнкси несуществующим, то попытка обмана вскроется лишь при анонсировании установок Маши. В этом случае А получает семантическую информацию особого рода. Поскольку намерением Маши было создать у кого-то впечатление, что Бэнкси существует, привязка имени «Бэнкси» производится в последовательности миров, которые соответствуют установкам агента, считающего Бэнкси реальным. Но что это за агент? Возможно, такого агента нет вовсе и намерение Маши состоит как раз в том, чтобы такого агента посредством манипуляции получить. Предположим, что некий Том, услышав о том, что Маша пишет письмо Бэнкси, решил, что Бэнкси существует, хотя раньше он думал, что это медийный фантом. Привязка имени «Бэнкси» для Тома существует в последовательности миров, которую он соотносит с Машей и делает теперь своей. Это косвенная привязка. Но мы знаем, что миры Маши вовсе не таковы и что сама Маша привязывает имя «Бэнкси» к мирам агента, предполагающего его существование, то есть к мирам Тома, так что на вопрос, кто верит в существование Бэнкси, Маша могла бы ответить, что верит тот, кого она смогла

или сможет обмануть, кто поверил или поверит в то, что употребление Машей имени «Бэнкси» основано на привязке в актуализированной последовательности. В момент произнесения говорящим фразы «Маша пишет письмо Бэнкси» такого человека может не быть, так что привязка относится к последовательности миров, соотносимой с возможным агентом в возможном мире будущего. Когда намерения Маши очевидны, становится понятным такой обмен репликами:

- Маша пишет письмо Бэнкси.
- Ну, нет, на этот раз ей не удастся никого обмануть.

Мы не взвешиваем вероятности выбора адресатом сценария интерпретации (16), и адресат должен, во-первых, применить общее семантическое правило для интерпретации имени «Бэнкси» и, во-вторых, избрать прагматическую стратегию для конкретной ситуации произнесения, позволяющую придать «Бэнкси» чтение *de re^{imag}*.

4. Гибридные миры и «склейки» последовательностей миров

Что делать адресату, если он захочет исходить из сценариев (3) и (7)? Они интересны тем, что говорящий совмещает в одной фразе Машу и Бэнкси, то есть реальное и фиктивное. Как возможен мир, в котором оба имени имеют референт, хотя одно из них фиктивно? Этот вопрос отсылает к группе возможностей, в которых реальное и фиктивное соединяются в одном мире.

Так, в «Воине и мире» Толстого Элен Безухова удостоивается одобрения со стороны Наполеона, а в «Дон Кихоте» Сервантеса герой читает роман о самом себе, написанный Авельянедой, и оценивает как ложь излагаемые там сведения. В первом случае реальное и фиктивное относятся, соответственно, к актуализированной последовательности миров и к последовательности, адекватной диегезису романа. Во втором случае в вымышленной реальности романа Сервантеса возникает реальный роман Авельянеды и его вымышленная реальность. Отличие «Наполеона» от «Элен» в том, что первое имя имеет привязку в двух мирах, тогда как последнее только в одном, что формально определяет литературный прием. Имя «Дон Кихот» также привязано в двух последовательностях миров, а именно к мирам романа Сервантеса и к мирам романа Авельянеды. Если в них Дон Кихоту снится сон, то его персонажи пребывают в мирах, которые для Дон Кихота являются второй, а для нас – третьей альтернативной реальностью. Во всех этих случаях когнитивный эффект возникает вследствие того, что читатель знает о принадлежности персонажей к разным последовательностям миров. Это не просто подчеркивает вымышленный характер ситуаций, но дает импульс воображению читателя для домысливания прошлого и будущего появившегося «гибридного» мира, то есть, в терминологии Майера, для паразитических установок (Maier, 2017, p. 11–14). Для имен, имеющих двойную привязку, важно, что вторая привязка предполагает первую. Это соответствует познавательному интересу к тому, какие

свойства обнаружит реальный объект в вымышленных обстоятельствах. Такой интерес распространяется и на вымышленные объекты, относящиеся к разным реальностям. Их совмещение в одной — гибридной, по-видимому, отвечает интеллектуальной потребности сравнивать и соотносить⁵, в частности то, что относится к разным последовательностям миров.

Гибридный мир не может непротиворечиво вместить Наполеона и Элен, поэтому там оказываются их льюисовские двойники, а не идентифицируемые объекты. В какой степени двойник Наполеона сохраняет свои свойства, попадая в мир, в котором существует Элен, и в какой степени сохранит свои свойства Элен, если, отталкиваясь от встречи в Эрфурте, мы «паразитически» разовьем историю отношений Наполеона и Элен? Когнитивный эффект достигается в наибольшей степени, когда сохраняется как можно больше оригинальных свойств объектов, так что можно было бы сказать, что это «тот самый Наполеон» и «та самая Элен», а их модификации ограничиваются не более чем необходимым приспособлением к гибридному миру. Их встреча в нем является необходимым условием, гипотезой, из которой одни свойства этого мира должны следовать, тогда как другие свойства не должны ей противоречить. Это значит, например, что Наполеон едет в Эрфурт, а Элен находится при дворе Александра и является безусловной красавицей. Мы не можем быть уверены в том, что обе персоны сохранят в гибридном мире свои свойства достаточно полно для того, чтобы не перестать быть «теми же самими», поскольку между оригинальными мирами и миром гибридным нет отношения идентификации, но осуществляется именно сравнение. Речь идет об объектах, которые в гибридном мире в максимально возможной степени похожи на Наполеона и Элен, так что их объектность дана так или иначе *de re*, тогда как конечный набор черт Наполеона, позволяющий установить отношение двойничества с актуализированным Наполеоном, задает его *de dicto*, и соединение двух этих регистров образует неспецифическое *de re*.

Между Наполеоном в актуализированной последовательности и его двойником в альтернативной, как уже было сказано, нет отношения идентификации. Последнее существует там и тогда, когда предполагается когнитивное свидетельство трансформации объекта, то есть возможен контакт носителя установки именованного с объектом, в ходе которого возникает преемственность привязок. При переходе от одной последовательности миров к другой эта операция требует дополнительных условий. Наполеон в мире, в котором он встречается с Элен, имеет другую историю, поскольку все объекты в этом мире имеют другую историю. Начав повествование с того момента, когда Элен прибывает в Эрфурт, мы производим «склепку» между актуализированной

---

⁵ Я оставляю в стороне специфику этого интеллектуального запроса, связанную, по-видимому, с освоением интеллектуальных операций. Это могло бы объяснить, почему вторичная фиктивность, например, вселенной Марвел, в которой сведены персонажи многих историй, пользуется успехом у детской и подростковой аудитории.

последовательностью миров, в которой не было Элен, и альтернативной, в которой она появляется. При этом прошлое не может оставаться тем же самым, ибо, согласно описанной выше метафизической установке, Элен не может взяться ниоткуда. Ее появление в некотором мире предполагает «фрагменты» в предшествующих мирах, так что модификации подвергается вся последовательность. Иными словами, в рамках лейбницевского подхода встреча Наполеона с Элен в Эрфурте порождает модифицированное прошлое и, следовательно, новую последовательность миров целиком, включающую как модификацию актуального мира, так и модификацию говорящего.

Можно спросить, существует ли мир, принадлежащий в прошлом обоим последовательностям — вновь полученной альтернативной и актуализированной? Если это так, то можно пройти путь, свидетельствующий о трансформации Наполеона, сначала ретроградно от актуального Наполеона к этому общему миру как по ветви дерева к сочленению, а затем, уже по другой ветви, к Наполеону, повстречавшему Элен. В этом случае мы получим *de re* идентификацию двух Наполеонов из двух последовательностей миров в древовидном фрейме. Объекты здесь не являются двойниками, которые обнаруживаются благодаря сходству по перечню свойств, но они не связаны и отношением идентификации, поэтому я буду называть их отношение друг к другу родством. В случае родства имена получают общую привязку в общем прошлом, что обеспечивает интерпретацию имени «Наполеон» в обеих последовательностях, а также в последовательностях миров мнения Элен (ее докастических альтернатив), при которой станет приемлемой «прозрачная», то есть происходящая относительно актуального мира, интерпретация (Schwager, 2011, p. 397–398), например выражений

(17) Элен понравилась Наполеону.

(18) Элен поняла, что понравилась автору секретных статей Тильзитского договора.

Для последнего выражения возможно так называемое третье прочтение, а именно такое, когда Элен не знает о тайных статьях, «автор секретных статей» получает денотат в актуальной последовательности и происходит замена именованного, используемого Элен, на именованное говорящего.

Здесь разветвление последовательности миров порождает две версии НаполеонRD, в которых свойства Наполеона до разветвления модифицируются, чтобы они оказались релевантными мирам, модифицированным так, чтобы в ходе ветвления возникли две последовательности — одна с Элен, вторая без нее. Какими должны быть эти модификации и возможны ли они вообще, мы, конечно, сказать не можем. Гипотеза о схождении в прошлом актуальной и альтернативной последовательностей, когда в последней присутствует новый объект, приводит нас к модификации прошлого обеих последовательностей, с которым мы можем быть не готовы согласиться. Это дает основание для отрицательного ответа на вопрос о ветвлении, и тогда, коль скоро последовательности ни-

где не сходятся, связь между объектами осуществляется лишь путем их описания и объекты параллельной последовательности допускают именование только *de dicto*. Здесь нет идентификации, но присутствует двойничество.

5. Идентификация, родство и двойничество

Древовидный фрейм и использование двойников в стиле Льюиса (Lewis, 1968), кажется, хорошо подходят для склеивания двух последовательностей миров. Но мы должны быть уверены в том, что эти последовательности действительно могут ответвляться от актуальной в общем для них мире, порождая пары объектов, которые соотносятся как родственные, а также объекты, которые не имеют таких пар. Различие между идентификацией, двойничеством и родством становится здесь очень ясным. Идентификация относится к изменениям объекта в последовательности миров, родство связывает объекты из ветвящихся последовательностей, представляющие собой версии ветвления RD, двойничество связывает объекты миров разных последовательностей. Первое основывается на когнитивном контакте и на каждом шагу сохраняет возможность именованного идентифицируемого объекта *de re*, родство обеспечивает «косвенное» *de re* через ретроградное движение по древовидной структуре, наконец, двойничество допускает именование *de re^{imag}* на основе сравнения и именованного *de dicto*.

В случае склейки объекты актуализированной последовательности, попадающие в контрфактическую ветвь, претерпевают модификацию, так что их именование *de re* может быть только неспецифическим. В самом деле, мы не можем сказать, какими свойствами обладает Наполеон в реальности романа Толстого. Художественный прием требует, чтобы Наполеон был «тем же самым», но в мирах, где появляется Элен, это невозможно, так что «тот же самый» обеспечивается сохранением некоторого набора свойств, которые релевантны разделяемым представлениям о Наполеоне, в то время как прочие его свойства могут свободно домысливаться, тем самым отклоняясь от реальных свойств. Например, цвет его носового платка во время встречи с Элен к разделяемым свойствам не относится, поэтому в ходе модификации и домысливания он всегда может стать тем или иным. К числу таких свойств относятся и ментальные состояния Наполеона, которые не могут быть свидетельствованы извне. Если платок в действительности был белым, то он может теперь оказаться голубым, зеленым, красным и т. д., если мысли и образы были такими-то, то теперь они окажутся иными, так как появление Элен в мирах склейки изменяет ментальные состояния Наполеона, что придает ему отличие от актуализированного. Вариативность некоторых свойств Наполеона не только допускается, но необходима, как необходимо и сохранение разделяемых, то есть идентифицирующих его *de dicto* свойств.

Здесь я хочу провести параллель с неспецифическим *de re*. В примере (5) небоскреб, который хочет купить Мэри, должен быть на один

этаж выше, чем «Бурдж-Халифа», но прочие черты небоскреба неясны и самой Мэри. В мирах своих булетических альтернатив Мэри видит себя обладательницей желаемого небоскреба, во-первых, располагая сертификатами о том, что в нем 164 этажа, а в «Бурдж-Халифа» всего 163, во-вторых, находясь в некотором состоянии, которое соответствовало бы факту непосредственного владения объектом, данным *de re*⁶. Образ несуществующего небоскреба неизбежно оказывается смутным. Подобным образом в параллельной последовательности и в склейке последовательностей для нас смутны все фиктивные объекты и двойники, в частности Элен и Наполеон, причем в той мере, в какой новая последовательность вызвала их модификацию. Для параллельных последовательностей, то есть в случае двойничества, имя «Наполеон» имеет, таким образом, две привязки — неспецифическую и обычную, так что объект первой обладает видовыми чертами, но теряется как индивид, а объект второй — это актуализированный Наполеон.

Выбор между родством и двойничеством может быть мотивирован как эмпирически, так и метафизически. Родство предполагает свободу и случайность, исключает детерминизм, двойничество же с детерминизмом не конфликтует. Древовидный фрейм и родство мы с готовностью используем при описании альтернатив, которые не являются склейками и не содержат гибридных миров, соединяющих реальное с фиктивным. Выбор Марселем одного из трех маршрутов прогулки по окрестностям Комбре мы соотносим с древовидной структурой, в которой Марсель во всех трех последовательностях миров представляет собой различные трансформации Марселя из мира ветвления. Если выбор маршрута производится, например, ежедневно, если он каждый раз случаен и реализация любого из вариантов всегда позволяет вернуться домой, то, хотя реализуется каждый раз лишь один маршрут, трудно не предположить, что любой другой привел бы к тому же результату, так что Марсель на каждом из них родствен Марселю на актуальном.

(19) Если бы я пошел по направлению к Мезеглизу, то не попал бы под дождь.

Тогда у меня за шиворотом было бы сухо.

Здесь Марсель сравнивает себя с собою же в контрфактическом мире, «дистанция» до которого невелика и попадание в который могло бы стать следствием иного выбора маршрута несколько часов назад. Два Марселя родственны, и сопоставляемые им жесткие десигнаторы содержат тождественную информацию об их свойствах до мира расщеп-

---

⁶ Второе обстоятельство не обязательно. Мэри может заказать строительство небоскреба в 164 этажа, оплатить его, покинуть Дубай, никогда туда не возвращаться и не видеть даже фотографий своего небоскреба. Факт владения будет тем не менее засвидетельствован ею в ходе знакомства с документами или записями в базах данных, то есть все-таки посредством объектов, именуемых *de re*.

ления включительно. Выбор между контрфактическими и параллельными последовательностями миров зависит от наших метафизических установок. Семантика фразы

(20) Если бы на Земле не было воды, я бы не попал под дождь

отсылает к контрфактической последовательности, которая сходится с актуализированной в столь отдаленном прошлом, что когнитивная ценность суждения (20) едва ли может быть высокой. К тому же при отсутствии воды не мог бы существовать и говорящий, так что гипотеза противоречит онтологическим обязательствам, вытекающим из следствия.

Для детерминистского взгляда все контрфактические предположения описывают невозможное, альтернативы являются мнимыми, если касаются прошлого, и должны интерпретироваться посредством прагматики знания, если касаются будущего. Такова, например, позиция Аристотеля в оценке будущих случайных событий. События редкие и экстраординарные мы склонны рассматривать как детерминированные, поэтому условное наклонение уместно в обращении с наглядным и конечным, но не подходит, как принято считать, для исторического рассуждения. Высказывание

(21) Если бы Наполеон женился на Элен Безуховой, он не пошел бы походом в Россию.

задает последовательность, которая если и разветвляется с актуализированной в мире, в котором случайные факторы определяют и будущее наличие или отсутствие Элен, и все перипетии ее возможных отношений с Наполеоном, то находится от актуального мира на большой «дистанции» и влечет за собой столь значительные трансформации общего прошлого, что физическая возможность такой последовательности с ветвлением представляется сомнительной. Тогда мы склоняемся к принятию детерминистской модели, согласно которой Элен в актуализированной последовательности отсутствует, потому что невозможна. Это придает когнитивную ценность гибридной реальности, в которой действительное и возможное сводятся с тем, что детерминистский взгляд зачисляет в разряд невозможного.

6. *De re* в гибридных мирах

Выше мы рассмотрели ряд примеров, на основе которых можно выделить следующие виды именованья *de re* в контрфактических и параллельных, в том числе гибридных, последовательностях миров:

de re^{imag} — именование объекта параллельной последовательности, не являющегося двойником какому-либо действительному объекту.

de re^{rel} — именование объекта контрфактической последовательности, родственного действительному.

de re^{rel-HM} — именование гибридизированного объекта контрфактической последовательности, родственного модифицированному действительному.

de re^{non-spec} — именование двойника действительного объекта в параллельной последовательности.

de re^{non-spec-HC} — именование гибридизированного объекта параллельной последовательности, находящегося с действительным объектом в отношении обновленного двойничества.

Здесь двойники реальных объектов заданы дескриптивно и по своим свойствам в наименьшей возможной степени отличаются от своих прототипов, как это обычно имеет место в контрфактических мирах, а фиктивные объекты обладают свойствами, релевантными коммуникативной задаче говорящего, в частности воспроизводя особенности диететического мира. Иными словами, двойники и фиктивные объекты заданы в первую очередь *de dicto*, а затем уже специальным образом *de re*. Элен, попадая в Эрфурт на саммит, создает гибридный мир и определяет модификации последовательности в прошлое и расширение спектра будущего. Последовательность, отражающая историческое повествование о Наполеоне, является контрфактической, и Наполеон имеет там привязку *de re^{rel}*. Миры романа Толстого, если мы стоим на детерминистских позициях, образуют параллельную последовательность, где Наполеон дан как двойник *de re^{non-spec}*, а Элен дана *de re^{imag}*. Появление в этих мирах Фродо модифицирует последовательность, и свойства в ней Наполеона частично меняются, что обновляет отношение двойничества. Наполеон будет дан *de re^{non-spec-HC}*, Элен *de re^{imag}*, а Фродо, коль скоро его исходная привязка осуществляется в мирах романа Толкиена, будет двойником по отношению к своему прототипу и задан *de re^{non-spec}*. Если же детерминистская позиция будет ослаблена, то Элен в Эрфурте будет принадлежать к гибридному миру контрфактической последовательности, ответвившейся от актуализированной. В этом случае ее привязка будет иметь характер *de re^{imag}*, а сама последовательность будет модифицирована сначала в прошлое, а затем в будущее по всем ветвям. В силу этого привязка Наполеона в ней изменится на *de re^{rel-HM}*, причем изменятся, возможно, свойства как его самого, так и любых иных объектов актуализированной последовательности. Иными словами, параллельные миры, в которых в Эрфурте появляется Элен, модифицируются этим обстоятельством, и с ними модифицируется отношение двойничества, а появление Элен в контрфактическом мире модифицирует и мир актуальный.

Семантическое правило для гибридных миров таково: интерпретация сингулярных термов, привязанных к разным последовательностям, происходит с утратой специфичности объекта, данного изначально более специфически. Это значит, например, что в детерминистской установке появление Элен в Эрфурте делает Наполеона двойником в модуле *de re^{non-spec}*, а последующее появление Фродо — данным уже *de re^{non-spec-HC}*. Каждый новый фиктивный объект будет увеличивать неопределенность свойств Наполеона и ослаблять отношение двойничества.

7. Заключение

Гибридный мир создается для того, чтобы свести родственника или двойника реального объекта с объектом фиктивным, то есть имеющим привязку в самой гибридной, а также в некоторой параллельной последовательности. Возможность гибридной последовательности и ее миров есть гипотеза, когнитивным основанием которой является интенция воображаемого знакомства с объектами. Эта возможность остается фоновой проблемой для любого обращения к гибридным мирам и придает вымыслу, близкому к реальности, значение альтернативы, в которой раскрываются свойства и реальных, и вымышленных объектов. Значительно дистанцированные от реальности параллельные миры играют роль теста на инвариантность, как правило, антропологических типов, фундаментальных ценностей и наиболее общих законов.

Когда мы не можем сказать относительно последовательности миров, возможны ли они и возможны ли трансформации их объектов, образующие удовлетворяющие нашим коммуникативным задачам жесткие десигнаторы НаполеонRD, Элен БезуховаRD и т.д., перед нами оказываются только наброски миров и наброски объектов, возможно, без прошлого и будущего и, возможно, противоречивых. Если при этом указанная неопределенность является основанием когнитивного эффекта высказывания и текста, то логико-семантический статус параллельных и гибридных последовательностей миров и объектов в них следует изменить. Вместо задачи отражения иной, но возможной реальности перед ними стоит задача репрезентации намерений говорящего, мир и объект уже не описываются, а интендируются, чему служит прежде всего гибридизация, то есть совмещение реального или родственного реальному с фиктивным. Фактура *de re* таких миров задана ментальными репрезентациями знакомств с не вполне определенными, то есть неспецифическими, объектами, и этого достаточно для того, чтобы адресат сообщения по мере необходимости доопределял характеристики знакомства с ними и их свойства, а также достраивал необходимые положения дел. Поскольку все указанные наборы характеристик конечны, для интерпретации достаточно семантики с конечной и прикладной онтологией, адаптированной под конкретный контекст, а интендирование новых объектов и последовательностей миров представляет собой действие по ее конечному расширению. В частности, интендирование гибридного мира есть результат интерпретации высказывания, в котором лишенный специфичности реальный и фиктивный объекты связаны отношением. Для того чтобы установить, что это так, достаточно сопоставить жесткие десигнаторы имен этих объектов, которые будут относить их экземпляфикации к разным последовательностям. Их склейка задается гибридным миром, и ее отношение к актуализированной последовательности вытекает из установок интерпретатора: следует он детерминистской или более слабой версии существования и несуществования объектов в мире.

Представленные выше варианты чтения *de re* в альтернативных последовательностях миров опираются на мою версию жесткого десигнатора. Это позволяет сделать структуру миров более релевантной интуитивным представлениям о вымышленных объектах, в частности о том, как они могут мыслиться не локально и фрагментарно, а с возможностью построения паразитических установок, то есть при попытке домысливать миры до некоторой полноты. Именно это вполне естественное усилие делает проблематичным не только всякий вымысел, но и всякое смещение именованного в контексте пропозициональных установок. В последнем случае производится простой шаг, порождающий усиление степени неспецифичности объекта, то есть его смещение в сторону объекта вымышленного. Пределом является двойник из параллельной последовательности. Важно, однако, что именование *de re* в том или ином виде сохраняется и в этом случае.

Исследование выполнено в рамках проекта Русского общества истории и философии науки, поддержанного грантом РНФ №21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

Список литературы

Лейбниц Г. В. Рассуждение о метафизике / пер. с фр. В. П. Преображенского // Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 125–163.

Лейбниц Г. В. Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией / пер. с фр. В. П. Преображенского // Соч. : в 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 371–393.

Микиртумов И. Б. Семиотические факты // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16, №4. С. 311–334.

Микиртумов И. Б. Логика отношения именованного и идентификация // Логико-философские штудии. 2020. Т. 18, №2. С. 112–133.

Geurts B. Fictional Commitments // Theoretical Linguistics. 2017. Vol. 43, №1–2. P. 53–60.

Heim I. File change semantics and the familiarity theory of definiteness // Meaning, Use and the Interpretation of Language / ed. by R. Bäuerle, Ch. Schwarze, A. von Stechow. Berlin, 1983. P. 164–190.

Kamp H. Using proper names as intermediary between labelled entity representations // Erkenntnis. 2015. Vol. 80. P. 263–312.

Kamp H., Genabith J. V., Reyle U. Discourse representation theory // Handbook of philosophical logic / ed. by D. Gabbay, F. Guenther. Heidelberg, 2003. Vol. 10. P. 125–394.

Kripke S. A Puzzle about Belief // Meaning and Use. Synthese Language Library / ed. by A. Margalit. Dordrecht, 1979 (Texts and Studies in Linguistics and Philosophy ; Vol. 3). P. 239–283.

Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, MA, 1980.

Kripke S. Vacuous names and fictional entities // Philosophical troubles / ed. by S. Kripke. Oxford, 2011. P. 52–74.

LaPorte J. Rigid Designators // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/rigid-designators/> (дата обращения: 10.09.2021).

Lewis D. Counterpart Theory and Quantified Modal Logic // Journal of Philosophy. 1968. Vol. 65, №5. P. 113–126.

Lewis D. Truth in fiction // American Philosophical Quarterly. 1978. Vol. 15. P. 37–46.

- Maier E. Fictional names in psychologicistic semantics // *Theoretical Linguistics*. 2017. Vol. 43, №1–2. P. 1–45.
- Méndez-Martínez J.L. What Counts as “a” Sound and How “to Count” a Sound // *Synthesis philosophica*. 2019. Vol. 67, №1. P. 173–190.
- Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // *Approaches to Natural Language* / ed. by J. Hintikka, J. Moravcsik, P. Suppes. Dordrecht, 1973. P. 221–242.
- Rami D., Zimmermann T.E. Imagination, Psychologicistic Semantics, and the Paradox of Fictional Names // *Theoretical Linguistics*. 2017. Vol. 43, №1–2. P. 71–80.
- Recanati F. *Mental files*. Oxford, 2012.
- Recanati F. Fictitious Anchors // *Theoretical Linguistics*. 2017. Vol. 43, №1–2. P. 81–93.
- Schwager M. Speaking of qualities // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT)* / ed. by E. Cormany, S. Ito, D. Lutz. 2011. Vol. 19. P. 395–412.
- Sudo Y. On *De Re* Predicates // *Proceedings of WCCFL*. 2014. Vol. 31. P. 447–456.
- Tiskin D. Aspects of naming and names of aspects // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 17. 2016. Вып. 4. P. 75–84.

Об авторе

Иван Борисович Микиртурмов, доктор философских наук, Русское общество истории и философии науки, Россия.

E-mail: imikirtumov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9382-249X

Для цитирования:

Микиртурмов И. Б. Интерпретация имен собственных в косвенных контекстах: именование *de re* и фикции // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2022. Т. 13, №2. С. 75–98. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

MEANING OF THE PROPER NAMES IN CONTEXTS OF ATTITUDES: *DE RE* NAMING AND FICTIONS

I. B. Mikirtumov

Russian Society for the History and Philosophy of Science,

Russia, 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12/1

Submitted on December 10, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-4

The author explores the meaning of proper names and other types of singular terms in the context of propositional attitudes, combining the problems of empty names, rigid designators and non-specific reading. An object in the attitudes can be given to the agent as such (de re), in the description (de dicto), as well as in several intermediate ways. From the analysis of the phenomenon of rigid designation, I move on to the theory of the object, where I consider two alternatives – strict, or Leibnizian, and weak. The first explains the actual non-existence by impossibility, the second – by occasionality. Here there are two ways of defining non-existent (fiction-

al) objects – kinship and the counterpart relation, which are realized in frames that are different in their features. Nonspecific character is inherent in the kinship and counterpart relation in different ways. A special case is formed by hybrid worlds in which the real and the fictitious meet. The result of my analysis is five variants of a weakened *de re* reading of proper names and other singular terms in the context of attitudes. I describe their features, touching on the cognitive effect of narration, which operates with the appropriate attitudes.

Keywords: semantics, proper noun, propositional attitudes, *de re*, fiction, rigid designator

References

- Geurts, B., 2017. Fictional Commitments. *Theoretical Linguistics*, 43 (1–2), pp. 53–60.
- Heim, I., 1983. File change semantics and the familiarity theory of definiteness. In: R. Bäuerle, Ch. Schwarze and A. von Stechow, eds. *Meaning, Use and the Interpretation of Language*. Berlin, pp. 164–190.
- Kamp, H., 2015. Using proper names as intermediary between labelled entity representations. *Erkenntnis*, 80, pp. 263–312.
- Kamp, H., Genabith, J. V., Reyle, U., 2003. Discourse representation theory. In: D. Gabbay and F. Guenther, eds. *Handbook of philosophical logic*, 10. Heidelberg, pp. 125–394.
- Kripke, S., 1979. Puzzle about Belief. In: A. Margalit, ed. *Meaning and Use. Synthese Language Library (Texts and Studies in Linguistics and Philosophy)*, 3. Dordrecht, pp. 239–283.
- Kripke, S., 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA.
- Kripke, S., 2011. Vacuous names and fictional entities. In: S. Kripke, ed. *Philosophical troubles*. Oxford, pp. 52–74.
- LaPorte, J. Rigid Designators. In: E. Zalta, ed. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/rigid-designators> [Accessed 10 September 2021].
- Leibniz, G.W., 1982. Reasoning about metaphysics. In: G.W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes], 1. Translated by V.P. Preobrazhenskii. Moscow, pp. 125–163 (in Russ.).
- Leibniz, G.W., 1984. Correspondence with Queen Sophia-Charlotte of Prussia and Kurfürstin Sophia. In: G.W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes], 3. Translated by V.P. Preobrazhenskii. Moscow, pp. 371–393 (in Russ.).
- Lewis, D., 1968. Counterpart Theory and Quantified Modal Logic. *Journal of Philosophy*, 65 (5), pp. 113–126.
- Lewis, D., 1978. Truth in fiction. *American Philosophical Quarterly*, 15, pp. 37–46.
- Maier, E., 2017. Fictional names in psychologistic semantics. *Theoretical Linguistics*, 43 (1–2), pp. 1–45.
- Méndez-Martínez, J.L., 2019. What Counts as “a” 174 Sound and How “to Count” a Sound. *Synthesis philosophica*, 67 (1), pp. 173–190.
- Mikirtumov, I.B., 2018. Semiotic facts. *Logiko-filosofskie shtudii* [Logical and philosophical studies], 16 (4), pp. 311–334 (in Russ.).
- Mikirtumov, I.B., 2020. The logic of the naming relation and identification. *Logiko-filosofskie shtudii* [Logical and philosophical studies], 18 (2), pp. 112–133 (in Russ.).
- Montague, R., 1973. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. In: J. Hintikka, J. Moravcsik and P. Suppes, eds. *Approaches to Natural Language*. Dordrecht, pp. 221–242.
- Rami, D., Zimmermann, T.E., 2017. Imagination, Psychologistic Semantics, and the Paradox of Fictional Names. *Theoretical Linguistics*, 43 (1–2), pp. 71–80.

- Recanati, F., 2012. *Mental files*. Oxford.
- Recanati, F., 2017. Fictitious Anchors. *Theoretical Linguistics*, 43 (1–2), pp. 81–93.
- Schwager, M., 2011. Speaking of qualities. In: E. Cormany, S. Ito and D. Lutz, eds. *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT)*, 19. New York, pp. 395–412.
- Sudo, Y., 2014. On De Re Predicates. *Proceedings of WCCFL*, 31, pp. 447–456.
- Tiskin, D., 2016. Aspects of naming and names of aspects. *Vestnik SPbSU. Series 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 4, pp. 75–84.

The author

Prof. Ivan B. Mikirtumov, Russian Society for the History and Philosophy of Science, Russia.

E-mail: imikirtumov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9382-249X

To cite this article:

Mikirtumov, I.B. 2022, Meaning of proper names in contexts of attitudes: *de re* naming and fictions, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 75–98. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ЗАЧЕМ НАМ В ЯЗЫКЕ ЧАСТИЧКА «НЕ». ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР И ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ

Р. Э. Бараш¹, А. Ю. Антоновский²

¹ Русское общество истории и философии науки
Россия, 105062, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, каб. 2

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Поступила в редакцию 04.08.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-5

Поставлена проблема универсального, общеязыкового смысла коммуникативных сообщений. Эта рамочная проблема подразумевает ответ на более конкретные вопросы. Существует ли реальность (коррелятивная смыслу суждений), которая гарантировала бы общепризнанность значений языковых выражений; стоит ли за морализаторством или суждениями вкуса какая-то действительность, обеспечивающая согласие в отношении ценностных суждений, если они становятся содержанием коммуникации? Что обеспечивает типовую идентичность ментальных состояний (мыслей, восприятий, представлений, ощущений) у разных индивидов, когда эти состояния тематизируются в коммуникации? Стоит ли за ними типовой коррелят в реальности, обеспечивающий идентичность ментальных состояний? Предложена рабочая гипотеза, согласно которой в качестве главного – внутриязыкового – эволюционного механизма, стабилизирующего ключевые коммуникативные смыслы, выступают пропозициональные установки как своего рода «носители» или каркасы типовых коммуникативных сред, косвенные контексты, в которых локализуется пропозициональный контент. Произведенные в языке косвенные контексты или операторы «я знаю, что...», «я надеюсь, что...», «я помню, что...», «я хочу, чтобы...», «я воображаю, что...» «защищают» предложения от отрицания и делают возможным воспроизводство общеязыковых смыслов.

Ключевые слова: семантика, эволюция семантики, отрицание, системно-коммуникативная теория, язык

1. Введение: амбивалентность смыслов как общая проблема философии языка, сознания и теории коммуникации

В фокусе внимания авторов настоящей статьи – проблема возможности удостовериться в действительном (универсальном, общеязыковом) смысле коммуникативных сообщений. Эта рамочная проблема подразумевает последовательное решение ряда более конкретных вопросов. В частности, в рамках данной статьи дебатировается вопрос существования *реальности* (коррелятивной смыслу суждений), гарантирующей общепризнанность значений языковых выражений, то есть

определение наличия за морализаторством или суждениями вкуса какой-то *действительности*, обеспечивающей согласие в отношении ценностных суждений в ситуации, когда они становятся содержанием коммуникации. Также важно определить, каким образом возникает *типовая* идентичность ментальных состояний (мыслей, восприятий, представлений, ощущений) у разных индивидов, когда эти состояния тематизируются в коммуникации. Стоит ли за ними соответствующий типовой коррелят в реальности, обеспечивающий идентичность переживаний (например, боли)?

На каждом из означенных уровней (*языковом, нормативном, эпистемическом, психическом*) эта всегда гипотетическая общность или идентичность смысла тематизируются сравнительно автономно. Эпистемологи, социологи, психологи, лингвисты ищут средства удостоверения общности коммуникативного смысла. Так, психологи и философы сознания пытаются обнаружить некую типовую физическую реальность причин и эффектов (повреждение органов и результирующих реакций, возбуждений нейронов), с которыми могут идентифицироваться или сопоставляться типовые ментальные состояния¹. Философы науки ищут в себе идентичную реальность, которая *стоит за* (и этим объединяет) различными теориями, например волновой и матричной версией квантовой теории (Suppe, 1974, p. 222) или социальной теории действия и социальной теории коммуникации². Социологи пытаются выяснить, что обеспечивает общность коммуникативного понимания, если говорящий имеет в виду будущее своего спича, к которому он ведет, а слушающему известно лишь некоторое прошлое (Schutz, 1974). Философы языка размышляют об универсальности или intersubjectивности языковых правил, которые применяются при оценке конкретных речевых актов на предмет их осмысленности в условиях, где каждое конкретное высказывание, очевидно, согласуется с бесчисленным количеством правил или возможных смыслов (Kripke, 1982).

Эту общую для лингвистики, психологии, социологии, эпистемологии проблему можно, на наш взгляд, сформулировать в синтетическом смысле, как трансдисциплинарную проблему смысла, а значит, надеяться обнаружить и синтетическое решение. Ниже мы попробуем рассмотреть эти уровни в эволюционном аспекте. Мы покажем, что проблема общности смысла (слов, высказываний, мыслей, чувств, нормативных установок, правил) может быть редуцирована к некой обоб-

---

¹ Как «идентифицировать» болевое ощущение в условиях его «множественной реализуемости» (у больного, у человека, испытывающего фантомную или психосоматическую боль, мазохиста, марсианина, животного и робота) (Putnem, 1967, p. 37–48).

² Выявленная фон Нейманом эквивалентность волновой механики Шрёдингера и матричной механики Гейзенберга свидетельствует о том, что каждая из теорий выражает идентичный смысл в том же самом аспекте, в каком различные предложения, сформулированные различным образом языка («человек стоит на вершине пищевой пирамиды» и «Человек ест других животных, но не поедается ими»), описывают одно и то же положение дел, выражают идентичную «позицию».

щенной *реальности*, а именно к коммуникативному значению всех этих актов, которые так или иначе *реифицируются* (оптически, акустически, а сегодня — в электронном виде) в виде *сообщений* и в этом смысле получают некоторый *общий* материально данный, а значит, допускающий однозначную фиксацию знаменатель.

В *эволюционной* формулировке это означает, что почти очевидная невозможность однозначного установления референта, правила, смысла (то есть информации, извлекаемой из сообщений), которые скрываются за произнесенным или прочитанным высказыванием, их почти конститутивная амбивалентность является не только условием фундаментальной «темпоральной нестабильности смысла» (Э. Гуссерль), а значит, разногласий и конфликтов, но одновременно парадоксальным образом и условием кристаллизации и стабилизации коммуникативных систем (согласующихся друг с другом, тематически связанных последовательностей сообщений). Эти системы нуждаются в нестабильности своих элементов, в их *вариативности*, в допущении *отрицания* любого, даже самого достоверного и надежного смысла или правила. Именно эта вариативность обеспечивает автономное от внешней среды существование коммуникативных систем, свободную комбинаторику и воспроизводимость их элементов и, как следствие, гибкую адаптацию к трансформациям внешнего мира. Нестабильность коммуникативных смыслов способствует обособлению коммуникативных систем и, как следствие, их стабильному воспроизводству.

Поэтому проблема удостоверения общности может быть переформулирована. За всегда гипотетическими смыслами и правилами не следует искать общепризнанных значений, типовой реальности, которая служила бы общим знаменателем и условием консенсуса. Сама текущая коммуникация делает возможной кристаллизацию таких смыслов даже в условиях минимального консенсуса, гарантированного уже общим признанием фактичности сообщения, представленного в той или иной *материальной* (оптической, акустической, электронной) форме. Говоря другими словами, возможность *отрицать* любое высказывание, не соглашаться с моральной оценкой, отклонять научные теории, отказывать в подлинности чужим ощущениям и чувствам, с одной стороны, не противоречит наличию минимального консенсуса в отношении самого сообщения, а с другой — делает возможной адаптацию коммуникаций к внешней среде (независимо от ее понимания).

2. Отрицание и языковая вариативность

Итак, мы исходим из того, что *эволюция языка и семантики*, в том числе эволюция *социальных структур*, среди прочего основана на механизме языкового отрицания, наличия в языке частички «нет» как условия для кристаллизации избыточных смыслов, следовательно, для формирования *пула вариативности*, из которого черпаются вариации для последующего эволюционного отбора наиболее успешных, адаптивных к среде и способных к воспроизводству элементов тех или иных систем

(языковых, психических, коммуникативных)³. Все, что утверждается, может быть подвергнуто отрицанию. Благодаря этому осуществляется дубликация: язык создает две параллельные версии внешнего мира, негативную и позитивную, и этим обеспечивает независимость вербальной коммуникации от описываемой языком фактичности. Однако, создавая независимую от внешнего мира коммуникативную систему, где слова не тождественны вещам, а сообщения могут комбинироваться и перекомбинироваться относительно независимо от описываемых в них положений дел, языковая вариативность несет опасности для социального порядка. Ведь посылаемые сообщения, претендуя на приоритет и выступая запросом на контакт, требуют соответствующей реакции: подчинения, внимания, ответа, согласия и т.д. Однако отрицание предложения, и в этом смысле предложенной коммуникации, может истолковываться как отклонение запроса на общение, как непризнание собеседника за равноправного партнера или вышестоящего в социальной иерархии индивида. Ранние формы религии, прежде всего в форме табу, были нацелены на борьбу с отрицанием, что предполагало отказ от общего знания и общего обсуждения реальности внешнего мира как табуированной тематики (Barth, 1975, p. 35; Луман, 2005, с. 73), обеспечивая таким образом консолидацию родовых сообществ. Ситуация языкового позитивно-негативного параллелизма и сегодня требует специальных механизмов компенсаторной стабилизации.

3. Языковые парадоксы: функциональна ли фикциональность языка и нужно ли от нее очищаться?

Проблемы *мир-языкового параллелизма и его рассогласованности* хорошо известны в аналитической философии, в рамках которой ставилась задача согласования мира и реальности через изгнание неосмысленных, парадоксальных и *не имеющих референтов* высказываний. Эта борьба с языковой избыточностью велась по четырем направлениям, в рамках каждого из которых должны были быть устранены языковые парадоксы (Russell, 1905).

(1) Парадокс идентичности состоял в том, что некоторые эквивалентные высказывания («Марк Твен есть Марк Твен» и «Марк Твен есть Самюэль Клеменс») логически эквивалентны, но при этом могут различаться как контингентное и апостериорное, с одной стороны, и априорное и аналитическое — с другой).

(2) Парадокс субститутивности состоял в том, что при подстановке эквивалентных (по своему референту) имен одни предложения оказываются истинными, а другие — нет. Так, предложение «Марк Твен известен как автор «Приключений Тома Сойера»» истинно, тогда как высказывание «Самюэль Клеменс известен как автор «Приключений Тома

---

³ Здесь и далее мы опираемся на схему обособленных эволюционных механизмов Кэмпбелла — Лумана: вариации, селекции, стабилизации (Luhmann, 1998; Kampbell, 1960).

Сойера”» оказывается ложным. Но если истинностные значения зависят от референтов как «производителей истинности», то истинностное значение должно быть одинаковым в обоих случаях.

(3) Парадокс несуществования («Шерлок Холмс — известный сыщик», «Нынешний король Франции лыс») проистекает из двусмысленного статуса референта фиктивных имен собственных. Обозначает ли имя «Шерлок Холмс» кого-то, кого на самом деле не существовало? Если предложение «Нынешний король Франции лыс» ложно, то король должен существовать, и тогда оно истинно. Если же оно истинно, то и в этом случае он должен существовать. Но его не существует и, следовательно, данное сообщение не истинно и не ложно. Это очевидно нарушает закон исключенного третьего, с чем Рассел не мог примириться.

(4) Парадокс отрицательного существования («Шерлок Холмс не существует») состоял в том, что имя «Шерлок Холмс» указывает на объект, который хоть и не существует, но остается референтом данного имени и в этом смысле «существует». Однако в этом случае само предложение неверно.

При этом создаваемый повседневным языком параллельный мир (отрицаемых состояний, оксюморонов («круглый квадрат»), ложных утверждений, фиктивных имен и т.д.), получивший название «джунглей Мейнонга» (Routly, 1980), не лишен и логической консистентности (Reicher, 2019). Ведь если из лжи следует ложь (а следование логически формализовано как материальная импликация), то само высказывание — истинно. Из того, что «луна сделана из сыра», следует, что «дважды два пять». Именно в этом смысле можно понимать странное утверждение Фреге о том, что значениями предложений (*Bedeutung*) являются такие необычные объекты, как истина и ложь. В этом смысле все ложные предложения относят себя к *одному* объекту, а значит, оказываются эквивалентными по своему значению.

Конечно, парадокс «негативных экзистенциалов» («Король Франции не существует», а значит, «Существует такой *X*, который не существует») логически может быть разрешен путем применения отрицания ко *всему* предложению, а не к «свойству существования». Тогда предложение формализуется в виде «*Неверно, что существует *X* такой, что он король и он существует*», что устраняет парадокс. Но проблема в том, что при отрицании предложения в нашем повседневном мире мы отрицаем именно существование свойства объекта, а не все комплексное высказывание, а значит, тематизируем (ставим в центр коммуникативного обсуждения и интереса) несуществующие фигуры и объекты, а не комплексные, связанные в длинные формализации положения дел. В нашем мышлении и языке (в семантической реальности) мы реифицируем, гипостазуем несуществующие сущности. Кроме того, это логическое решение не объясняет нам, почему означенные парадоксы, трудности и двусмысленности не исчезают из языка сами по себе путем языковой эволюции, в тенденции, ведущей к уменьшению сложности и облегчению понимания. Другими словами, почему в нашем, как минимум, повседневном мире эти высказывания не вызывают трудностей в понимании и онтологической локации «проблемных объектов». Все

они воспроизводятся (возникают, отбираются и закрепляются в эволюционном смысле) снова и снова. Почему в самом языке не рождается механизмов самоочищения от несуществующих «семантических артефактов»? Напротив, они хорошо совместимы с практическим словоупотреблением и не вызывают герменевтических затруднений.

Язык для чего-то снова и снова генерирует подобные фикции, а значит, за этим явлением должны стоять какие-то функциональные свойства языка. Мы объясняем эту функцию тем, что такого рода неукорененные во внешней реальности семантические артефакты («круглый квадрат», «нынешний король Франции», но также и «государство», «народ», «общество», «нация» и т.д.) связаны с автономией языка как медиума коммуникации. Это генеративное свойство позволяет дистанцироваться от внешнего мира, создать параллельную семантическую реальность, в рамках которой можно относительно свободно комбинировать элементы («бирки Витгенштейна»), а затем сравнивать полученные модели с реальной миром или с его возможными проектами. Ведь и отрицательным числам не соответствуют никакие множества реальных объектов (как их референты), не говоря уже о мнимых числах. Но математики не стремятся избавиться от этого неприятного обстоятельства. И социальные теоретики спорят о том, что означают понятия «государство», «общество», «этносы», но не могут договориться, как зафиксировать их пространственно-временные физические границы, о том, где и когда они начинаются и заканчиваются, рождаются и умирают. Однако это не мешает ориентироваться на эти символы как смыслы «патриотического воспитания». Впрочем, и физики (например, в молекулярно-кинетической теории) используют переменные, для которых не требуется искать внешние корреляты (Campbell, 1957, p. 122)⁴.

Напротив, лингвисты, следуя теории дескрипций Бертрانا Рассела и общенаучному принципу эмпирической подтверждаемости, снова и снова связывают семантическую реальность с реальной реальностью, редуцируют первую к функции описания второй. Но тем самым язык словно утрачивает другую ключевую функцию — создавать языковые избыточности и выходить за пределы описываемого. Так, Рассел отказался и от фрегевского понимания личных имен как обладающих собственными смыслами, относительно независимыми от значений (референтов) в силу того, что постулирование первого в отрыве от второго является избыточным; и от мейнонговской идеи обозначения именами несуществующих объектов. Это, среди прочего, низводит язык к описательной или информационной функции за счет отказа от функции конструктивной или проективной, которые язык очевидно выполняет.

---

⁴ Нет ни необходимости, ни возможности зафиксировать «корреспонденцию» между термином «скорость молекулы», включенным в МКТ, и экспериментально подтвержденными фактическими скоростями реальных молекул. Используется понятие *средней квадратичной скорости*, которое находит экспериментальное подтверждение и в этом фикционально усредненном смысле корреспондирует с реальностью.

С нашей точки зрения, именно языковая способность отрицания наличных и удостоверенных положений дел делает возможной проективную функцию языка, которая требует введения в том числе и фиктивных значений.

4. Проективная функциональность языковых отрицаний

Ложные, фикциональные, амбивалентные суждения, как и суждения, отрицающие фактические обстоятельства, оказываются возможными потому, что у самой частички «не» не обнаруживается коррелята в окружающей природе. В реальном или «позитивном» мире нет никаких отрицательностей или не-существований. Утверждение о несуществовании объектов или ложности истинных суждений делается из перспективы и внутри самого языка. Но можно сказать по-другому. Этими коррелятами языковых отрицаний выступают «возможные миры» или контексты суждений, которые — уже в перспективе того или иного наблюдателя, например социолога или философа, — кристаллизуются как следствия различения необходимо-истинных и случайно-истинных суждений. Так, частичку «не» можно добавить к любому случайно-истинному позитивному утверждению («На улице идет дождь»), и тогда это суждение все-таки может получить значение истинного в некотором особом мире (например, в фиктивном, но возможном мире, где погода сложилась по-другому, или в мире субъективных желаний, надежды на сухую и солнечную погоду). Частичка «не» умножает высказывания, высвобождает язык от необходимости жестко коррелировать с реальностью. То, что языковой мир более вариативен, чем мир фактический, в числе прочего объясняет и то удивление, которое мы испытываем, когда анализируем материальную импликацию. Импликация «Если я умер, значит, я пишу статью» истинна, ведь она эквивалентна истинному суждению «Я не умер или пишу статью».

Такое привносимое языком «умножение сущностей» (избыточной информации, ложных или неподтвержденных, неупорядоченных, амбивалентных утверждений, гипостазирования несуществующих объектов, отвлечений от темы обсуждения) лингвисты и философы считали чем-то не функционально необходимым для языка, а скорее запутывающим, избыточным и несоответствующим общим прагматическим коммуникативным установкам. Означенные требования избегать высказываний, избыточных в контексте темы или диалога, формализовались в «принципе кооперации» или коммуникативных импликатур (максимы информативности, истинности, релевантности, ясности) (Grice, 1989). Импликатуры Грайса, в свою очередь, требовали сближения языка и реальности, обязывали его быть более экономичным, общаться по существу дела и не изобретать дополнительных модальностей.

Эти импликатуры, как и правила, имплицитно ограничивающие языковую вариативность, вырабатывались эволюционно и имели своей функцией стабилизацию текучих, темпорально нестабильных, мгновенных по самой своей сути речевых актов. Эти правила призваны кон-

тролировать и канализировать коммуникацию и не исключали репрессивных санкций: избыточные в контексте диалога высказывания и неочевидные выводы зачастую интерпретируются как психическая девиация, а избыточные отрицания (социального порядка, обязательных коллективных решений, ценностных нормативных установок) до сих пор рассматриваются как следствие дефицита социализации, как социальная девиация или форма социального протеста.

Эти требования, эксплицитно формализованные в импликатурах Грайса, отфильтровывающих «неудачные» языковые комбинации, собственно, и образуют эволюционный механизм *отбора*, надстраивающийся над первичным механизмом эволюционного *варьирования*. Такие импликатуры имплицитно кристаллизовались в процессе эволюции самих эволюционных механизмов: с одной стороны, основанного на частичке «не» обособления — механизма языкового варьирования; с другой стороны, механизма селекции, ставшего результатом изобретения письменности и сделавшего возможным эксплицитное формулирование грамматических, дискурсивно-коммуникативных, моральных, ценностных, правовых, политических, хозяйственных правил и норм, получающих самостоятельные формы бытия (учебники, кодексы и т. д.), независимые от воплощающих их (или отклоняющихся от них) фактических действий и коммуникаций⁵. Появление письменности в середине IV тысячелетия в Месопотамии маркирует разрыв между эволюционными механизмами варьирования и отбора: между фактическими действиями и коммуникациями, с одной стороны, и правилами отбора действий и коммуникаций — с другой.

Избыточность языковых вариаций, основанная на возможности отрицания путем применения частички «не», есть условие эволюции и, как следствие, автономизации и самозамыкания языка, его способности дистанцироваться от реальности через создание самовоспроизводящейся семантической реальности, валидность утверждений которой зависит лишь от ранее произнесенного и того, что будет произнесено позже⁶. Но она же выступает условием кристаллизации социальной нор-

---

⁵ В этом смысле утверждаемое Гидденсом понятие «структуриации» (Giddens, 1984), где правила и реализующие их операции интерпретируются как *единый* или синтетический процесс, не учитывает метаразличия эволюционных уровней: вариативной избыточности (действий, речевых актов) и редуцирующих эту избыточность процессов селекции посредством *правил отбора* действий или речевых актов.

⁶ Это эволюционное свойство *самовалидации новообразованных признаков* в отношении языка означает, что некоторые слова, понятия, суждения отбираются не в силу лучшей приспособленности к внешнему миру (инореференциальности как точных описаний внешнего мира), а в силу ранее продемонстрированного успеха. Дело не только в том, что они лучше описывают фактические положения дел. Они вызывают реакцию (удивления, интереса), благозвучны, остроумны, неожиданны или, наоборот, привычны и удостоверяют общее согласие безотносительно тех описываемых референтов, которые стоят за выражениями языка.

мативности — *fac quod habes et ess.* Это значит, что «должное» как следование правилу теперь утверждается независимо и вопреки (социальной) реальности. В этом смысле и правила как выражение мира должного оказываются следствием отрицаний реальности и важнейшим эволюционным условием, в том числе *внутреннего* отбора. Правила во всем их многообразии — правовые законы, имплицитные культурные нормы (включая грамматику), нормативные ожидания в самом широком смысле — означали появление *наблюдения второго порядка*. При этом процесс взаимообособления первого уровня, то есть фактических операций (действий, коммуникаций, ментальных состояний), с одной стороны, и правил (оценки, отбора и акцептации соответствующих операций и состояний) — с другой, не остановился на уровне языка, но производил эффекты и для психических систем (представленных в последовательностях ментальных актов). Так, с появлением института исповеди возникли и правила для «правильных переживаний» и мыслей, о которых тоже следовало давать отчет специальной инстанции — священнику, словно осуществляющему внешний отбор, если не срывает отбор внутренний. Лишь на этом уровне наблюдения второго порядка появляется возможность не только *сравнить* фактическую речь и языковые правила как отдельно бытийствующие реалии, но и ставить вопрос о *правильности переживаний* (мыслей, фантазий, надежд и т. д.).

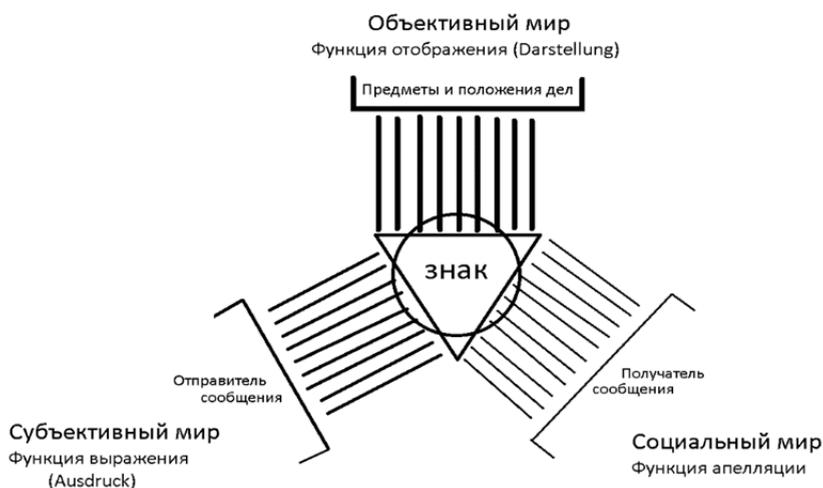
Итак, взаимное обособление эволюционных механизмов вариации и механизмов селекции стало условием ускорения языковой эволюции. Возникают сообщества (первоначально это были писцы, учителя, священники и т. д.), специализирующиеся на наблюдении второго порядка, на *отборе и отклонении* вариантов или «языковых мутаций», поставляемых языком вместе с его способностью производить с избытком все новые и новые предложения и новые, невиданные и неслыханные ранее комбинации слов и мыслей. Вследствие такой вариативности возникает множество референций, контекстных миров, к которым относятся высказывания и в контексте которых они могут быть осмыслены. Эти миры выступают, с одной стороны, продуктом, произведенным высказываниями, а с другой — становятся условием их эволюционного отбора. Рассмотрим одну из популярных классификаций такого рода внешних миров.

5. Миро-референции Юргена Хабермаса

Теория коммуникации, разработанная Юргеном Хабермасом (Habermas, 2003), основывалась на «органон-модели» языка Карла Бюлера (см. схему ниже) (K. Bühler, 1934, p. 28) и теории речевых актов Джона Остина. Ключевая идея состояла в том, что всякое высказывание (не обязательно в форме предложения) может быть проинтерпретировано как реферирующее к трем мирам: объективному, субъективному и социальному. По отношению к каждому из них высказывание выполняет соответствующие функции: *описания* внешнего мира, *выражения* содер-

жания сознания и *апелляции* к Другому. Например, выражение «идет дождь» осмыслено в трех контекстах: как описывающее погоду, как выражение эмоции (например, сожаления) и как призыв оставаться дома.

Модель органа Карла Бюлера

Все свои референции высказывание производит одновременно, хотя каждая из них может получать приоритет — неважно, с точки зрения самого высказывающего или в перспективе других участников коммуникации. Если рассматривать суждение с точки зрения его функции «порождения» означенных референций (описываемого объекта, эмоции и апелляции), то соответствующие миры могут пониматься и в эволюционном смысле — как *средовые условия отбора более удачных суждений*. Некоторые отнесения к мирам, содержащиеся в высказываниях, в большей степени (а некоторые в меньшей) «отвечают» условиям, адаптивны или неадаптивны соответствующим структурам этих миров. Порожденные языком новые «семантические артефакты» в силу большей адаптивности могут со временем утверждаться и пролиферировать, принимая форму понятий, устойчивых предметностей, норм, габитусов, типов коммуникаций, не исключая и разного рода «фиктивных» сущностей («круглый квадрат», «нынешний король Франции», «вечный двигатель» и т.д.), то есть не только отбираться как удачные в некотором данном контексте и моменте времени, но и стабилизироваться, то есть входить в саму структуру этих внешних миров. Так, *на третьей эволюционной стадии* (эволюционной стабилизации или ретенции) их отбор и регулярное воспроизводство в коммуникации могут приводить и к постепенному перемещению из актуальной речи в собственно *язык*, структурно дифференцированный на означенные миры или контексты, в котором данные устойчивые выражения занимают свое локальное место. В этом случае данные сущности (как типы предметов, типы экспрессий, типы долженствований и т.д.) уже и сами начинают служить критериями отбора (принятия или отклонения новых предложений, речевых актов).

В этом смысле область «объективного мира» не обязана исключать «типы бытия», включающие «несуществующие сущности» в смысле Мейнонга. В противном случае горизонты (миры, измерения) коммуникации (в смысле Хабермаса) утратили бы *симметричность*. Ведь в *субъективном* мире нет никаких асимметрий, заставляющих отказываться от *негативных* экспрессий в отношении внешней реальности в пользу *позитивных*. Никто не скажет нам, что негативные эмоции существуют по какому-то недоразумению, например как результат невыполнения требования «эмоциональных импликатур»; никто не требует от нас очистить субъективную жизнь от негативных эмоциональных реакций на некоторые аспекты внешнего мира. Так же и в социальном мире нет никаких асимметрий в пользу позитивных императивов и исключения негативных (запретов или санкций) в отношении к социальному миру. Поэтому требования к объективному миру запрещать отрицание фактических положений дел и избавляться от «негативных экзистенциалов» выглядят экстравагантными и отклоняющимися от общего стандарта внешнемировых измерений, ведь уже само понятие мира, горизонта или контекста предполагает позитивные и негативные значения внутри его измерений.

В этом случае пришлось бы отказаться от перформативного понимания речевых актов как социальных действий⁷, производящих действительные результаты в виде отнесений к соответствующим внешним мирам. Эти целевые результаты сам Хабермас называет «притязаниями на значения» (*Geltungsansprüche*). Те или иные речевые акты отбираются как успешно прошедшие сито «внешнего отбора», как реализовавшие свои притязания на место в том или ином внешнем мире в том случае, если они действительно произвели задуманные эффекты на основе критериев, различающихся по каждому из миров. Речь идет о *критериях истинности* в объективном мире, о критериях *правильности* (*Richtigkeit*) в социальном мире и о критериях *убедительности* (*Wahrhaftigkeit*) в субъективном мире. Ведь результаты отрицаний вполне способны реализовывать эти «притязания на значимость», то есть производить собственные продукты и эффекты, в данном случае — *истинность, правильность и убедительность*.

Конечно, это не означает, что та или иная тематизируемая референция есть новая предметность, новое долженствование, новая выразительность, которая в случае ее «естественного отбора» *тотчас* становится неким «мемом» (то есть частью «языка как медиума»), сразу же попадая в соответствующий «внешний мир», а значит, может теперь и сама использоваться как утвердившееся языковое *правило* естественного отбора высказываний, претендующих на эволюционный успех. Рассмотрим подробнее процесс эволюционного отбора правил отбора языковых выражений.

---

⁷ В этом понятии *перформативности* речевого акта снимается различие между процессуальным и субъект-предикатным способами мыслить и высказываться (Смирнов, 2019, с. 5 – 17, 48 – 60).

6. Языковые правила: аргумент Крипкенштейна

Чтобы поставить вопрос о «правилах вообще» в самом широком смысле как эволюционном механизме «естественного отбора» тех или иных вариаций (коммуникативных сообщений, действий, ментальных актов и т.д.), рассмотрим проблему *языковых правил* в том виде, в каком она была поставлена Саулом Крипке. С точки зрения Крипке (Kripke, 1982), ссылающегося на Людвиг Витгенштейна, мы не можем быть уверены в правильности нашей реконструкции того или иного смысла или правил, которые мы подразумеваем в процессе интерпретации чужого высказывания. Так, предложению «57 + 68» в нормальном случае приписывается эквивалентное значение (или смысл) «125» на основе правила «ПЛЮС». Но ведь диапазон действия правила не может определяться ничем, кроме действия других правил, и поэтому не исключена возможность, что было использовано другое правило (например, правило КВУСА). Согласно КВУСУ, все числа, сумма которых не превышает 57, «квусируются» по правилам сложения, а начиная с числа 57 результат «квусирования» неизменно равняется числу 5. Поэтому в нашем случае результат будет равен числу 5, ведь мы применили другое правило, а вовсе не то, которое использовал наш контрагент.

Как же мы можем получить достоверные фактические данные о том, что используется соответствующее правило, а значит, из предложения должен быть извлечен соответствующий смысл? Конечно, можно сослаться на прошлые предложения, где ранее уже использовалось правило ПЛЮСА. Но ведь до определенного предела (до числа 57), ПЛЮС и КВУС неотличимы друг от друга. Поэтому не исключено, что в прошлых случаях как раз и использовался КВУС. Можно апеллировать к самой процедуре сложения как *соединению* двух множеств фактических предметов (например, 57 и 68 яблок), как и к процессу обучения сложению на фактических примерах (например, обучение счету через прибавление все новых и новых единиц). Однако и в этом случае используется всего лишь еще одно правило, скажем, правило счета (counting). Но где гарантия, что в процессе обучения действительно применялось правило счета (counting), а не какое-то другое (quounting), согласно которому до определенного предела яблоки следует складывать в одну кучку, а затем часть из них убирать, пока не останется лишь пять. Ведь правила, призванные определить валидность других правил, и сами могут получать «девиантную» интерпретацию.

Конечно, прозрачность смысла или правила, казалось бы, обеспечивается ментальным контентом (ментальным образом процедуры сложения) как неким гарантом правильности нашей интерпретации высказывания. Однако и здесь возникли возражения. Ведь для понимания смысла в нормальном случае не требуется привлечение ментальных коррелятов. Всего лишь за минуту мы способны произнести десятки слов и предложений, при том что вербализация абсолютного большинства из них не сопровождается актуализацией их ментальных кор-

релятов в нашем сознании (однако это не является каким-то препятствием для понимания и продолжения осмысленной коммуникации). Кроме того, всякое предложение или слово совместимо с бесчисленным количеством коннотирующих и противоречащих друг другу ментальных презентаций (Miller, 2000). Говоря «крыса», я могу представлять как животных, так и людей. При этом (по крайней мере применительно к сложению) не совсем ясно, какой именно образ представляет в сознании операцию сложения, так как, осуществляя математические действия, мы, как правило, механически складываем числа, не визуализируя в своем мышлении этот процесс.

Наиболее перспективной из всех возражений нам представляется версия Майкла Морриса (Morris, 2006, p. 74–93), согласно которой смыслы и правила можно понимать как диспозиции или диспозиционные предикаты. Диспозиционные предикаты представляют свойства (в данном случае правила), актуализирующиеся только при наступлении определенных обстоятельств. Так, суммирование есть диспозиция, свойственная вычисляющим людям в нормальных ситуациях. И если в операциях или интерпретациях актуализируется другая диспозиция (например, квасирование), то это не лишает правило *само по себе*, как нормативное установление, его валидности или стандартного интерпретационного значения. Диспозициональность правила предполагает модус *возможности*, а не необходимости. Поэтому экстравагантная диспозиция девианта, использующего правило КВУСА, никак не компрометирует *нормативность* и *необходимость* правила ПЛЮСА, которое «должно» применяться при интерпретации выражений сложения в стандартной ситуации. Впрочем, и на это решение нашлась масса контраргументов.

7. Различение нормативных и когнитивных диспозиций (ожиданий) как решение парадокса Крипкенштейна

Очевидно, однако, что это решение не исключает амбивалентности в интерпретации «заложенного» Другим смысла, хотя и постулирует однозначность «объективных», нормативно определенных или стандартных смыслов высказываний как бы *самих по себе* — безотносительно применений экстравагантных правил специфическими людьми.

И все-таки это решение представляется плодотворным, если не в плане установления однозначности смысла, то в плане фиксации означенной *амбивалентности*. Мы, в свою очередь, исходим из *диспозиционального* понимания смысла и правил, но будем связывать диспозициональность таких индивидуальных правил с нормативными и когнитивными ожиданиями, открывающими простор для эволюции выражений (эволюционный механизм варьирования) и эволюции правил (эволюционный механизм селекции).

Такое *расхождение* между атрибутируемым смыслом (правилом, связанным с утверждением, например с «классической» операцией суммирования, в рамках которой осмысляется выражение « $67 + 78 = 125$ ») и

неким иным возможным смыслом, подразумеваемым автором выражения (квусированием в виде « $67 + 78 = 5$ »), на наш взгляд, является фундаментальным. Оно вытекает из фундаментальной амбивалентности между нормативными и когнитивными ориентациями или ожиданиями (диспозициями), словно разделяющими специфические коммуникативные системы, сосуществующие в современном обществе. Поэтому всякая коммуникация оказывается перед выбором той или иной интерпретации. Можно проинтерпретировать сообщение как некое ошибочное или не согласующееся с обычным словоупотреблением или правилами, как отрицающее правила и даже реальность. В обоих случаях (и когнитивных, и негативных ожиданий) актуализируется уровень наблюдения второго порядка; правила или нормы, обычно функционирующие латентно и не попадающие в фокус рефлексии коммуницирующих лиц, *сами* получают резонанс и, как следствие, эксплицитное выражение. При этом *в условиях доминирования нормативных ожиданий* в некоторых коммуникативных средах (внешних мирах, осуществляющих отбор суждений) эти «поврежденные» в ходе их отрицания правила и нормы лишь *упрочивают* свои позиции.

Однако в условиях подходящей коммуникативной среды (например, если коммуникация осуществляется в рамках научной, а также какой-то иной скептически или когнитивно ориентированной коммуникации) может вставать вопрос и о валидности и возможности трансформации самого правила, как и о том, какое правило более уместно в данной ситуации, и о том, не должно ли оно в этом случае само подвергнуться отбору или отклонению.

Применительно к аргументу Крипкенштейна это означает, что переход от ПЛЮСА к КВУСУ не является каким-то парадоксом *неправильного правила*. Или, другими словами, этот парадокс разрешается путем различения разных эволюционных уровней. То, что на уровне оценки и отбора самого суждения кажется девиантным (КВУС), на уровне оценки и отбора *правил отбора* может получить оправдание в зависимости от той коммуникативной среды, к которой апеллирует высказывание. Другими словами, понимание того или иного правила как стандартного или экстравагантного будет зависеть от позиции, которую наблюдатель припишет автору высказывания в рамках соответствующих коммуникативных миров. Не существует каких-то онтологически окончательных смыслов. Каждое высказывание в зависимости от притязания на локализацию в той или иной коммуникативной среде предлагает тот или иной выбор в пользу утверждения или отклонения от правила, и этот выбор канализирует коммуникацию в том или ином направлении. Либо она встречает когнитивные социальные ожидания (чаще всего в науке, искусстве), где и правило КВУСА может оказаться в фокусе рефлексии и получить обоснование, либо сообщение сталкивается с нормативной ориентацией (например, в рамках правового, религиозного или морализирующего коммуникативного внешнего мира), где прегрешение против нормы и правил санкционируется как недопустимое.

Выбор и последующая интерпретация создают *проблему*, и это придает коммуникации динамизм. Благодаря этому снова и снова актуализирующемуся выбору коммуникация, собственно, и приобретает системность, то есть выстраивается в последовательности взаимно соотнесенных обсуждений прозвучавших высказываний — на предмет их адекватности правилам, и правил — на предмет их адекватности для оценки и отбора тех или иных отклоняющихся от нормы суждений.

Если использовать понятия системно-коммуникативной теории, языковые правила, включая и правила грамматики, представляют собой *медиум* (медиаальный субстрат как область слабых сопряжений), в рамках которого допускаются самые разные комбинации потенциально возможных комбинаций и перекомбинаций элементов (слов, предложений). А каждое высказывание как форма этого медиума манифестирует *жесткую связь* с ограниченными возможностями подсоединения новых элементов в зависимости от ориентации на нормативные (где *правило* выше высказывания) либо когнитивные социальные ожидания (где *высказывание* выше правила и ставит само правило под вопрос). В эволюционно-коммуникативной перспективе это означает, что нормативные ожидания отвечают за эволюционный механизм «естественного отбора» сообщений, соответствующих «укоренившимся» (всегда в рамках того или иного коммуникативного медиа) правилам. Когнитивные ожидания, напротив, отвечают за эволюционные механизмы варьирования, мутации, проблематизируют и дестабилизируют «утвердившиеся» правила, требуют их дополнительного обоснования и т. д.

Возникает, однако, вопрос о пределах такого *когнитивного релятивизма* в условиях доминирования когнитивных ожиданий. Можно ли найти и обосновать какие-то объективные *критерии естественного отбора правильных правил*?

8. Аргумент Крейга Деланси: стабилизация языковых правил на третьем эволюционном уровне

Трудности с эмпирическим обоснованием валидности правил, определяющих выбор, осмысленность, понятность (и, как следствие, акцептацию или отрицание) тех или иных высказываний, можно было бы преодолеть путем привлечения ряда *прагматических* аргументов. Такого рода прагматический анализ правил должен осуществляться уже на некотором третьем наблюдательном уровне. Конечно, и прагматические правила остаются правилами. И все-таки прагматическое обоснование правил могло бы прояснить ту относительно долговременную стабильность, которая свойственна правилам, в отличие от мгновенно актуализирующихся и тут же деактуализирующихся речевых актов. С эволюционно-коммуникативной точки зрения на прагматическом уровне мы имеем дело с третьим эволюционным механизмом (ретенции, стабилизации, или уровнем формирования популяции). Ведь нет никаких гарантий, что несколько раз примененное новообразованное правило в конце концов стабилизируется, войдет в учебники

грамматики или математики и будет использовано повсеместно. Оно должно преодолеть некий порог всеобщей акцептации, а значит, доказать свою глобальную или хотя бы локальную оптимальность в многомерном «фитнес-ландшафте» окружающей среды (Gavriletz, 2004), или, в нашей терминологии, в соответствующем коммуникативном внешнем мире.

Такое прагматическое *правило стабилизации правил* было предложено Крейгом Деланси. С его точки зрения (Delancey, 2007), у атрибутируемых смыслов или правил обнаруживается различная и в каком-то смысле *объективная* мера простоты или сложности в рамках ряда измерений, в которых могут быть исчислены их прагматические (коммуникативно-значимые) критерии эффективности. Предположительно, в темпоральном горизонте коммуникации может быть измерена прагматическая осмысленность применения и отбора тех или иных правил. Так называемая *комплексность Холмогорова*, определяемая сравнительной длиной строчек программы, которая использует оператор ПЛЮС или КВУС, является той самой искомой мерой, которая и обуславливает выбор соответствующего оператора. С точки зрения этого критерия был бы выбран ПЛЮС, как правило, осуществляющий более успешную оптимизацию коммуникации по параметру времени. Классическое сложение требует менее длинной программы, а значит, операции будут осуществлены быстрее, что *оптимизирует* время коммуникации в ее темпоральном измерении⁸. Между тем в случае использования оператора КВУС машина сначала оценивает длину последовательности (превышает ли она тот или иной предел, в данном случае это число 57) и лишь потом завершает квусирование.

С другой стороны, и социальный горизонт или контекст оказывается значимым для валидации смысла в рамках соответствующего правила. Мера сложности (простоты) является достаточно очевидным критерием, который помогает индексировать те или иные правила также и в *социальном* измерении коммуникации. Ведь сама функция смысла или правила состоит в редуцировании сложности в процессе интерпретации получаемых сообщений. В этом смысле оператор ПЛЮС эффективнее редуцирует сложность возможных (потенциальных) интерпретаций.

Заключение

Вышеизложенные рассуждения позволяют нам уточнить и одновременно обобщить поставленную проблему «идентичности смыслообразования», еще раз зафиксировать ее трансдисциплинарное значение и предложить некоторые подходы к ее решению. Многообразие миров, контекстов, горизонтов, как бы их ни понимать, с одной стороны, и многообразие возможных комбинаций элементов языка — с другой, составляют фундаментальные условия эволюционной *вариативно-*

⁸ Так, при суммировании двойки и единицы (*упрощенно* представленном на ленте как 01011), чтобы получить искомую тройку (111), машине Тьюринга требуется лишь заменить 0 на 1, а 1 на 0.

сти языка⁹, которые в свою очередь делают возможной и социальную эволюцию, то есть эволюцию институтов как специфических типов коммуникаций.

Мы не склонны проговаривать одно и то же несколько раз, а если и проговариваем, то в различающихся мирах или коммуникативных средах синтаксически идентичные выражения получают различные смыслы. Но как соединены эти *миры*, эти языковые *медиа* как массивы потенциально возможных событий (необозримые комбинации слов, вариативные наполнения неполных дескрипций в смысле Б. Рассела)? Все означенные коммуникативные миры или *медиа* как слабо связанные массивы возможных комбинаций, на фоне которых профилируются конкретные речевые акты как формы этого медиа, в каком-то смысле актуализируются в каждом предложении или сообщении, в котором «выразительное» предстает и как «изобразительное», и как «повелительное» (в смысле Ю. Хабермаса). Но как в этом случае расшифровывать именно «посланное» содержание предложения? Следует ли вообще пытаться верифицировать содержание, которое было первоначально заложено в коммуникативном сообщении? Или в условиях недоступности чужого сознания мы никогда не удостоверимся в общности воспринимаемого смысла? Эта же проблема, но в другом преломлении, вставала в некоторых версиях философии сознания. Что объединяет ощущение «боли» у меня, Другого, человека, ощущающего фантомную боль, мазохиста, робота, животного или марсианина? Эта же проблема занимает и философию науки. Откуда мы знаем, что атрибутируем познаваемым объектам те или иные свойства или признаки, если процедуры верификации не позволяют нам различить объективно различающиеся, но наблюдательно недоступные предикаты? Как, например, отличить стандартный смысл или предикат «зеленый» от экстравагантного смысла или предиката «зелесиний»¹⁰? Данная проблема составляет ключевой вопрос и социальной теории: как возможно понимание Другого, как возможен социальный порядок, если всякая коммуникация имеет принципиально бинарный характер и распадается на вербальное (объективно данное, оптически или акустически презентированное) сообщение и извлекаемую из него всегда гипотетическую информацию, в адекватности которой интерпретирующий ее Другой не способен удостовериться?

Рабочая гипотеза.

Приблизиться к решению означенной проблемы можно, на наш взгляд, если реконструировать присутствующие в языке «естественные» способы *соединения* миров, контекстов, горизонтов или измерений, в

⁹ Эту вариативность можно понимать как варианты вербализаций неполных дескрипций в смысле Б. Рассела, способных обретать полноту в самых разных контекстах и мирах.

¹⁰ Как отличить научное сообщение «все изумруды зеленые» от «псевдонаучного» сообщения «все изумруды зелесиние» и этим ограничить рамки *научной* коммуникации? Ведь не существует процедур верификации в случае атрибутирования объектам такого экстравагантного предиката, как, например, «зелесиний». «Объект является зелесиним тогда и только тогда, когда под наблюдением он зеленый, а вне наблюдения — синий» (Goodman, 1965, p. 74).

которых может быть зафиксирована осмысленность предложения в зависимости от тех значений, которые предложение или сообщение (как бы локализованное в этом пространстве измерений) получает в каждом из измерений. Как только эти значения произнесенного предложения как-то зафиксированы и другим участникам коммуникации стало ясно, с какими референциями это предложение связано, наступает понимание (или непонимание), акцептация (или отклонение) предложенного смысла, и коммуникация в зависимости от этого может продолжиться (или не продолжиться) дальше. Зафиксировать смысл сообщения — значит зафиксировать то, в какой мере сообщение отвечает внешнемировым *селекционным* требованиям, исходящим из объектного, субъективного и социального мира (если, конечно, мы используем схему Хабермаса). Сообщение, чтобы быть отобранным (= понятным, акцептированным), должно оцениваться на предмет выполнения «притязаний на значимость»: быть истинным, убедительным, правдоподобным. Но даже и в этом случае в силу заложенной в языке способности *отрицания*, синтаксически выраженной частичкой «не», а также благодаря тому, что выполнение всех этих требований как раз и проясняет смысл заявленных притязаний, сообщение может отрицаться и отклоняться. Это, с одной стороны, создает эволюционный простор для новых языковых комбинаций, но одновременно ставит под вопрос социальный порядок и генерирует конфликты.

Как же язык и общество реагировали на самопроизведенную ими проблему отрицания (= отклонения коммуникации)? Наша рабочая гипотеза состоит в том, что в самом языке обнаруживаются эволюционные механизмы, нейтрализующие отрицание. И даже само отрицание как рефлексивный или самообращенный процесс выказывает свойства, позволяющие воспроизводить, а не разрушать общество. Так или иначе отрицание *требует сохранения* отрицаемого, ведь то, что следует отрицать, надо хранить в памяти ввиду возможной будущей встречи с данным контентом. Так, инквизиционные списки запрещенных книг сохраняли и передавали информацию о том, что как раз следует читать в первую очередь. Так же и нынешние реестры СМИ — иностранных агентов ориентируют читателя на достойные внимания и авторитетные массмедиа.

Но в качестве главного внутриязыкового эволюционного механизма, нейтрализующего отрицание и стабилизирующего ключевые коммуникативные смыслы, выступают, на наш взгляд, *пропозициональные установки* как своего рода «носители или каркасы типовых внешних миров», *косвенные контексты*, в которые словно «помещаются» фактические положения дел или пропозиции. Произведенные в языке косвенные контексты или операторы «я знаю, что...», «я надеюсь, что...», «я помню, что...», «я хочу, чтобы...», «я воображаю, что...» словно защищают предложение от отрицания, подвешивают пропозиционально утверждаемую фактуру, примерно так же, как исследователь защищает свой тезис от критики, формулируя его, подобно нам, в формате «рабочей гипотезы».

Открытие Рассела состояло в том, что полный смысл определенной дескрипции (и все сообщения, с нашей точки зрения, являются в этом смысле неполными дескрипциями) раскрывается лишь в такой интер-

претации, где определяются и контексты (внешние миры, горизонты, правила приписывания смыслов, коммуникативные среды). Только в этом случае кристаллизуется нечто, что можно отклонить как ложное или на каком-то другом основании, например в связи с несоответствием психическому миру (знанию Георга IV, не знавшего, что «Скотт — автор “Веверлея”», хотя и знавшего, что «Скотт — это Скотт»). В этом смысле определенная дескрипция получает полноту не только путем квантификации (в предметном измерении коммуникации) или отнесения к субъективному миру сознания (знанию Георга IV), но и посредством отнесения ко всем возможным внешним мирам или коммуникативным средам. В косвенных контекстах эксплицитно и синтаксически точно обнаружится та информация, которая содержалась в сообщении «Георг IV знает, что Скотт — это Скотт, но не знает, что Скотт — автор “Веверлея”». Мы соотносим высказывания с конкретным сознанием и одновременно определяем его диапазон или контент, как бы соединяя объектный и психический миры. Мы определяем мир или контекст, в который помещаем сообщения, и осуществляем *сравнение* произнесенного сообщения с гипотетическим содержанием сознания, то есть с субъективным миром. В косвенных контекстах, собственно, и осуществляется тот самый синтез предложения и его контекстов: мира должного, мира сущего, мира аффектуального, мира ценностного, мира ожидаемого, познаваемого, прошлого и будущего; в них соединяются «субъективность», «долженствование» (императивность, социальность) и фактичность («Я хочу, чтобы шел дождь», «Я помню, что вчера был дождь», «Я надеюсь, что пойдет дождь», «Я знаю, что идет дождь», «Хорошо, что идет дождь». Именно с этими синтетическими достижениями косвенных контекстов не справляется отрицание. Ведь добавление оператора к фактическому контенту сообщения (*хочу, чтобы...; помню, что...; надеюсь, что...*) делает само сообщение неуязвимым, поскольку оно не противоречит другой, «противоположной» пропозициональной установке: другому желанию, другой надежде, другой ценности, но лишь добавляется к фактическому положению дел и к другому возможному оператору.

Подготовка статьи поддержана грантом РНФ, проект №21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

Список литературы

- Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2004.
- Смирнов А. В. Процессуальная логика и ее обоснование // Вопросы философии. 2019. №2. С. 5—17.
- Смирнов А. В. Мыслить значит разворачивать связность // Вопросы философии. 2019. №2. С. 48—60.
- Barth Fr. Ritual and Knowledge Among the Baktaman of New Guinea. New Haven, 1975.
- Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934.
- Campbell D. Blind Variation and Selective Retention in Creative Thought as in Other Knowledge Processes // Psychological Review. 1960. Vol. 67. P. 380—400.
- Campbell N. R. Foundations of Science. N. Y., 1957.

- Delancey C. S.* Meaning Naturalism, Meaning Irrealism, and the Work of Language // *Synthese*. 2007. Vol. 154, №2. P. 231 – 257.
- Gavrilets S.* Fitness Landscapes and the Origin of Species. Monographs in population biology. Princeton University Press, 2004. Vol. 41.
- Giddens A.* The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge, 1984.
- Grice H. P.* Studies in the Way of Words. Harvard University Press, 1989.
- Goodman N.* Fact, Fiction and Forecast. Indianapolis, 1965.
- Habermas J.* On the Pragmatics of Communication. Cambridge, 2003.
- Kripke S.* Wittgenstein on rules and private language: An Elementary Exposition. Cambridge (Mass.), 1982.
- Luhmann N.* Evolution of science // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 51, №1. P. 215 – 233.
- Miller A.* Horwich, Meaning and Kripke's Wittgenstein // *Philosophical Quarterly*. 2000. Vol. 50 (199). P. 161 – 174.
- Morris M.* Kripke on proper names // *An Introduction to the Philosophy of Language*. Cambridge Introductions to Philosophy. Cambridge, 2006. P. 74 – 93.
- Putnam H.* Psychological Predicates // W.H. Capitan and D.D. Merrill (eds.). *Art, Mind, and Religion*. Pittsburgh, 1967. P. 37 – 48.
- Reicher M.* Nonexistent objects // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/> (дата обращения: 29.05.2021).
- Routly R.* Exploring Meinong's Jungle and Beyond. Canberra, 1980.
- Russell B.* On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14. P. 479 – 493.
- Schutz A.* Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Frankfurt a/M, 1974.
- Suppe F.* The Search for Philosophic Understanding of Scientific Theories // *Suppe F. (ed.) The Structure of Scientific Theories*. University of Illinois Press, 1974. P. 221 – 260.

Об авторах

Раиса Эдуардовна Бараши, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; научный сотрудник, Русское общество истории и философии науки, Россия.
E-mail: raisabarash@gmail.com

Александр Юрьевич Антоновский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН; профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.
E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Для цитирования:

Бараши Р. Э., Антоновский А. Ю. Зачем нам в языке частичка «не». Эволюция семантических структур и пропозициональные установки // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2022. Т. 13, №2. С. 99 – 120. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-5.

WHY DO WE NEED THE PARTICLE “NOT”: EVOLUTION OF SEMANTIC STRUCTURES AND PROPOSITIONAL ATTITUDES

R. E. Barash¹, A. Yu. Antonovskiy²

¹ Russian Society of History and Philosophy of Science
Russia, 105062, Moscow, Lyalin per., 1/36, bldg. 2, 2

² Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Russia, 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12/1

Submitted on August 04, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-5

The article investigates the problem of the universally significant meaning of communicative messages. This framework problem implies answering more specific questions – is there a reality (correlative to the meaning of judgments) that would guarantee the universality of the meanings of linguistic expressions; is there a reality behind moralizing or judgments of taste that ensures agreement on value judgments if they become the content of communication. What provides the typical identity of mental states (thoughts, perceptions, representations, sensations) in different individuals, when these states are thematized in communication? Is there a typical correlation behind them in reality, which ensures the identity of mental states? The article posits that propositional attitudes act as “carriers” or frameworks of typical communicative environments, indirect contexts in which propositional content are localized as the main – intralingual – evolutionary mechanism that stabilizes key communicative meanings. Indirect contexts produced in the language or the operators “I know that...”, “I hope that...”, “I remember that...”, “I want that...”, “I imagine that...” protect sentences from negation and make it possible to reproduce universally significant meanings.

Keywords: semantics, evolution of semantics, negation, system-communicative theory, language

References

- Barth, Fr., 1975. *Ritual and Knowledge Among the Baktaman of New Guinea*. New Haven: Yale University Press.
- Bühler, K., 1934. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena.
- Campbell, D., 1960. Blind variation and selective retentions in creative thought as in other knowledge processes. *Psychological Review*, 67, pp. 380–400.
- Campbell, N.R., 1957. *Foundations of Science*. New York: Dover Publications.
- Delancey, C.S., 2007. Meaning Naturalism, Meaning Irrealism, and the Work of Language. *Synthese*, 154 (2), pp. 231–257.
- Gavrilets, S., 2004. *Fitness Landscapes and the Origin of Species. Monographs in population biology*, 41. Princeton University Press.
- Giddens, A., 1984. *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press.
- Goodman, N., 1965. *Fact, Fiction and Forecast*. Indianapolis: Bobbs-Merrill.
- Grice, H.P., 1989. *Studies in the Way of Words*. Harvard University Press.
- Habermas, J., 2003. *On the Pragmatics of Communication*. Cambridge: Polity Press.
- Kripke, S., 1982. *Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition*. Cambridge: Harvard University Press.
- Luhmann, N., 2004. *Media kommunikatsii* [Media communications]. Moscow: Logos (in Russ.).

- Luhmann, N., 2017. Evolution of science. *Epistemology & Philosophy of Science*, 51 (1), pp. 215–233.
- Miller, A., 2000. Horwich, Meaning and Kripke's Wittgenstein. *Philosophical Quarterly*, 50 (199), pp. 161–174.
- Morris, M., 2006. Kripke on proper names. In: M. Morris, ed. *An Introduction to the Philosophy of Language. Cambridge Introductions to Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 74–93.
- Putnam, H., 1967. *Psychological Predicates*. In: W.H. Capitan and D.D. Merrill, eds. *Art, Mind, and Religion*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 37–48.
- Reicher, M., 2019. *Nonexistent objects*. In: Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/> [Accessed at 29 May 2021].
- Routly, R., 1980. *Exploring Meinong's Jungle and Beyond*. Canberra: Research School of the Social Sciences.
- Russell, B., 1905. On Denoting. *Mind*, 14, pp. 479–493.
- Schutz, A., 1974. *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie*. Frankfurt a/M: Suhrkamp.
- Smirnov, A. V., 2019. Is a Process-Based Logic Possible? *Voprosy filosofii*, 2, pp. 5–17 (in Russ.).
- Smirnov, A. V., 2019. Mind is a Capacity to Develop an Epistemic Chain. *Voprosy filosofii*, 2, pp. 48–60 (in Russ.).
- Suppe, F., 1974. The Search for Philosophic Understanding of Scientific Theories. In: F. Suppe, ed. *The Structure of Scientific Theories*. University of Illinois Press, pp. 221–260.

The authors

Dr Raisa E. Barash, Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences; Researcher, the Russian Society for the History and Philosophy of Science, Russia.
E-mail: raisabarash@gmail.com

Prof. Alexander Yu. Antonovskiy, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia.
E-mail: antonovski@iph.ras.ru

To cite this article:

Barash, R.E., Antonovskiy, A. Yu. 2022, Why do we need the particle “not”: evolution of semantic structures and propositional attitudes, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 99–120. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-5.

СООТНОШЕНИЕ «УСТНОГО» И «ПИСЬМЕННОГО» В ПОЭЗИИ НА ТОПОЛЕКТАХ

Ю. А. Дрейзис

Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 16.07.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-6

Описана практика создания поэтических текстов на идиомах, лингвистический статус которых можно обозначить как «проблемный». Для таких идиомов предлагается введение термина «тополект», который позволяет поместить их в особую категорию языковых систем, занимающих промежуточный уровень между стандартом и более однородными территориальными диалектами в условиях многоязычия, характеризующегося распределением функций между идиомами. Анализ поэтической традиции на тополектах дает возможность выявить общие закономерности функционирования литературных текстов на де-факто нормированных, но не подвергшихся жесткой стандартизации полуавтономных идиомах. Разные модулы соотношения «устного» и «письменного» в такого рода текстах находятся в прямой связи с практиками рецитации и других форм аудиального существования поэзии. Введение нового эмпирического материала способствует переоценке проблемы «устного» и «письменного», так как он демонстрирует нетождественность «устного» и «разговорного», «письменного» и «книжного». Визуально воспринимаемый текст в его письменной форме оказывается информативно не равнозначен озвученной версии того же текста. Выстраивание отношений между «визуальной речью» (в форме поэтического текста) и ее «озвучиванием» показывает эволюцию тополектного письма и метаязыковой рефлексии ее авторов.

Ключевые слова: *диглоссия, многоязычие, поэтический текст, рецитация, система письма, тополект*

1. «Письменное» и «устное» в условиях многоязычия

Поэзия представляет собой особую коммуникативно-дискурсивную практику, часто ярко высвечивающую те лингвистические особенности, которыми характеризуется определенная языковая ситуация. Эти особенности могут менее явно наблюдаться в других типах практик, поэтому исследование современными лингвистическими методами особенностей структуры и бытования поэтических текстов позволяет выявить новые аспекты описания форм языка, например, в ситуации многоязычия. Многоязычие часто реализуется в форме функционального распределения ролей между идиомами, чей статус можно назвать проблемным (языками / диалектами / подсистемами).

Исследования диалектов в рамках лингвистической географии показали, что понятие «диалект» не имеет достаточного обоснования и в

зависимости от задач исследования может пониматься по-разному (Бабенко, Карпов, 2008, с. 10). М. М. Гухман писала, что термин «диалект» часто употребляется недифференцированно применительно к категориям разных эпох и языковым отношениям, сложившимся в разных условиях (Гухман, 1985). Стоит учесть, что когда пишут, например, о литературе на арабских и итальянских диалектах, то в этих случаях под диалектом, очевидно, понимается «форма коммуникации иного типа, чем та, которая обозначается как территориальный диалект» (Бабенко, Карпов, 2008, с. 12–13). Фактически под диалект здесь подводится любой тип региональных языковых форм, независимо от сферы их употребления и наличия или отсутствия функционально-стилистической дифференциации.

Функциональное распределение представляет собой континуум, протянувшийся от «жесткой диглоссии», «где существует минимальное функциональное перекрытие между кодами», вплоть до «подвижной диглоссии», где «некоторые функции менее жестко привязаны к конкретному коду» (Pauwels, 1986, p. 15). Однако разделение ролей в значительной степени представляет различие между письменным и устным языком. Ф. Кулмас отмечает, что «большой структурный разрыв между устной и письменной нормами речевого сообщества является наиболее заметной чертой ситуаций типа диглоссии» (Coulmas, 1991, p. 126). В некоторых случаях соответствие между разделением функциональных ролей и разделением на «письменное» и «устное» оказывается почти полным. Однако тот идиом, который служит в первую очередь языком устной коммуникации, часто имеет какую-то письменную форму и используется по крайней мере для нескольких письменных целей (особенно часто — для записи фольклорных и околофольклорных поэтических текстов). Таким образом, «разделение труда» между идиомами обычно отражает различие между письменным и устным языком.

Следует отметить, что в этом смысле разница между обществами с диглоссией и обществами, лишенными таковой, относительна, а не абсолютна — в том смысле, что даже в обществах, где используется только один язык, его письменная и устная формы всегда будут в некоторой степени различаться (Halliday, 1989). Более того, письменный и устный языки практически всегда в той или иной степени различаются функционально. Как отмечает М. Халлидей, «письмо (writing) и разговор (speaking) — это не просто альтернативные способы делать одни и те же вещи; скорее, это способы делать разные вещи» (Ibid., p. xv).

Соотношения категорий «устное» и «письменное» в поэтической традиции на идиомах, чей статус является неоднозначным, позволяет взглянуть с новой стороны на то, какие именно «разные вещи» помогает осуществлять выбор того или иного соотношения визуальной и аудиальной формы. Мы предполагаем, что соотношение «устного» и «письменного» способно служить индикатором статуса идиома, особенно в ситуации сложного межъязыкового взаимодействия.

2. Понятие тополекта

Крайне удобным для анализа этой ситуации оказывается термин *тополект* (от др.-греч. τόπος «место» и λέγω «говорю»), предложенный синологом Виктором Мэром (Mair, 1991) в качестве наиболее нейтрального перевода китайского термина *фаньянь* 方言, традиционно используемого для описания идиомов с проблемным статусом (китайских «диалектов»). Мы будем применять термин «тополект» как обозначение репрезентативного идиома для каждого пучка близких диалектов (С.Е. Яхонтов называет их «группами диалектов», носители которых «не понимают друг друга» (Яхонтов, 1980)), составляющих более крупные региональные разновидности языка. За пределами описания собственно китайской языковой ситуации этот термин также демонстрирует возможности выстраивания более рационального подхода к классификации идиомов, в частности он оказывается полезен для описания шотландского языка (англо-шотландского, скотс, Scots)¹ или современного арабского, где «тополект» дает удобную форму для обозначения тех языковых разновидностей, которые занимают средний уровень в трехчастной системе классификации (с региональными идиомами на более высоком уровне и отдельными диалектами – на более низком). Обычно говорят о множественных «диалектах» разговорного арабского языка (Colloquial Arabic, CA), хотя такой подход к описанию языковой ситуации в арабоязычном мире подразумевает большую степень близости разговорных форм, чем сегодня. Использование термина «диалект» для обозначения определенного локального идиома (например, египетского) затрудняет разговор о различных диалектах (например, каирском или диалектах Северной Дельты) (Basistech, 2012). Использование такого термина, как *тополект*, позволяет избежать любых пейоративных коннотаций, подразумевающих, что некая разновидность играет социально низкую роль и не является полностью автономной.

Отметим, что данная ситуация смыкается с проблематикой «регионального языка» (регионалекта) в романистике. Отмечаемая М. А. Бо-

---

¹ Статус шотландского языка принадлежит к числу дискуссионных. Часть авторов склонна описывать его как один из английских диалектов, другие исследователи, наоборот, утверждают, что шотландский является самостоятельным языком, родственным английскому (Donaldson, 1989). С 1990-х годов шотландский-скотс активно используется в СМИ. Кроме того, он обладает продолжительной историей, которая фиксируется в различных письменных источниках, отражающих особенности его статуса и функционирования, поэтому корпус текстов на шотландском языке как художественного, так и делового содержания «используется как одно из доказательств его независимого статуса» (Калгина, 2018, с. 35). При этом шотландский подвержен внутреннему дроблению на локальные диалекты, которые имеют подвижную границу с английскими диалектами. По мнению И. А. Остапенко, вопрос о статусе шотландских диалектов и шотландской литературной нормы не может быть адекватно решен с интралингвистических позиций без учета социолингвистических установок самих носителей этих языковых разновидностей (Остапенко, 1980, с. 4).

родиной в работе «Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции)» (Бородина, 1982) проблема разночтений в понимании феномена «региональный язык» не нашла пока однозначного разрешения, а начатая в 1970-е годы дискуссия о региональных формах речи, кажется, отошла на второй план, а с ней – и попытки теоретического осмысления термина «региональные языки» (Разумова, 2010). Л. В. Разумова отмечает, что многие современные французские исследователи не разграничивают понятия «региональный язык» / «диалект» и чаще всего в своих работах совмещают их в качестве синонимичных, при этом к числу «региональных языков» порой относят и баскский, и корсиканские говоры, и креольские языки на французской основе, что соотносится с употреблением китайского термина *фаньянь*.

Как показывают социолингвистические данные, понятие «тополект» соотносится с представлением об идиоме, не подразумевающим официальной стандартизации или конкретной связи с письменной формой (Groves, 2008). Использование термина «тополект» позволяет говорить о статусе идиома, занимающего промежуточное положение и не имеющего престижа полностью признанного языка. Еще одним преимуществом является то, что использование термина «тополект» поддерживает единообразие классификации, независимо от степени языковых различий (то есть системной взаимопонятности), обнаруживаемых между разновидностями, тем самым мы избегаем необходимости количественной оценки различий для достижения общего понимания статуса той или иной единицы. Наконец, идея тополекта может охватывать широкий диапазон единиц, отношение к которым характеризуется у говорящих неоднозначностью.

Р. Белл в свое время предложил применять для классификации проблемных идиомов семь критериев – *стандартизация, витальность, историчность, автономность, редукция, смешение и наличие де-факто норм* (Bell, 1976)². Эти критерии подчеркивают различия не между формальными характеристиками, а в «социолингвистических атрибутах, которые влияют на социальное отношение к единицам, и в социальных функциях, которые каждой из них, вероятно, будет разрешено выполнять» (Bell, 1976, p. 152). Хотя эти критерии не всегда четко очерчены³, Р. Уордхау отмечает, что они полезны тем, что позволяют говорить о языковых разновидностях как о более или менее «зрелых», снимая проблему функциональной неполноценности «диалектов». На основе воз-

---

² Упрощенная версия этой модели была впервые сформулирована У. Стюартом (Stewart, 1962), позже, в 1968 году, уточнена им (Stewart, 1968) и затем расширена Хаймсом (эта концепция описывается в упомянутой работе Белла (Bell, 1976) и разъясняется у Р. Уордхау (Wardhaugh, 2000)).

³ Белл отмечает, что споры относительно статуса некоторых разновидностей английского языка возникают из-за разногласий по поводу степени применимости этих атрибутов. Он также отмечает, что как формальные характеристики, так и функциональный статус идиома могут относительно быстро измениться в результате усилий по языковому планированию.

возможных сочетаний реализации семи критериев Белл выделяет десять типов языков, как показано в таблице ниже. Стандартный язык имеет в сообществе наивысший статус, в то время как диалект занимает четвертое место (основными атрибутами, отличающими первый от второго, являются *стандартизация, историчность и автономность*):

Критерий							Тип	Пример
Стандартизация	Витальность	Историчность	Автономность	Редукция	Смещение	Де-факто нормирование		
✓	✓	✓	✓	✗	✓ ✗	✓	Стандарт	Стандартный английский
✓	✗	✓	✓	✗	✗	✓	Классический язык	Язык Библии короля Якова
✗	✓	✗	✓	✗	✗	✓	Вернакуляр	«Черный английский»
✗	✓	✗	✗	✗	✗	✓	Диалект	Кокни
✗	✓	✗	✗	✓	✓	✓	Креольский язык	Сьерра-леонский, креольский (крио)
✗	✗	✗	✗	✓	✓	✓	Пиджин	Неомеланезийский (ток-писин)
✓	✗	✗	✓	✓	✗	✓	Искусственный язык	Бейсик-инглиш
✗	✗	✗	✗ ✓	✗	✓	?	Подвергшийся пиджинизации язык X	«Индийский английский»
✗	✗	✗	✗	✓	✓	✗	Интерязык (идиолект)	Идиолект говорящего А
✗	✗	✗	✗	✓	✗ ✓	✗	«Язык для иностранцев» (foreigner talk)	Упрощенный идиолект говорящего В

Интересным лингвистическим следствием процесса стандартизации является то, что новый стандарт начинает рассматриваться в качестве языка по умолчанию (как в случае со стандартным китайским языком *путунхуа* 普通话), в то время как все другие языковые разновидности становятся связанными с этим стандартом и начинают считаться диалектами стандарта, занимающими подчиненное и девиантное по отношению к нему положение (Wardhaugh, 2000; Trudgill, 1974; Bai, 1994). В случае китайского языка ирония ситуации заключается в том, что стандартный *путунхуа* — относительно недавнее «изобретение», производное от северокайских идиомов, классифицируемых как «диалекты».

Что касается второго критерия — витальности, то упрощенно его можно истолковать так: существует ли живое сообщество носителей данного идиома, в то время как «историчность» описывает то, обретает

ли определенная группа людей чувство общей идентичности благодаря использованию того или иного языка (Wardhaugh, 2000, p. 34) (происходит ли подъем языка в результате «его использования какой-либо этнической или социальной группой» (Bell, 1976, p. 148)).

«Автономность» — это очень субъективный критерий, относящийся к тому, считают ли носители языка его отличным от других языков или идиомов (Wardhaugh, 2000), функционирует ли он как уникальная и независимая языковая система (Stewart, 1968). Редукция, в свою очередь, связана с каким-либо сокращением языкового разнообразия, при котором ту или иную разновидность можно рассматривать как подмножество другого языка или как диалект, а не как полноценный язык. Редукция может происходить в разных областях и проявляться, например, в отсутствии системы письма, ограничении функций, уменьшении грамматического, фонологического или лексического разнообразия и т.п. В этих случаях говорящие будут знать, что они говорят на «неполном» языке. «Смещение» относится прежде всего ко мнению говорящего о «чистоте» собственного языка. Белл разъясняет, что это предполагает знание того, использует ли язык в основном свои собственные элементы и структуры или заимствование и адаптацию (Bell, 1976). Одним из очевидных примеров смещения служат креольские языки и пиджины, говорящие на них часто считают, что эти разновидности не являются «ни тем, ни другим, а скорее низкими, неполноценными, вырожденными или маргинальными разновидностями какого-то другого стандартного языка» (Wardhaugh, 2000, p. 35).

Наличие де-факто норм означает, что у многих говорящих есть представление об условном «хорошем» и «плохом» говорящем и что владеющие языком «хорошо» представляют нормы правильного использования языка. Иногда это свидетельствует о выделении одного конкретного подвида языка как представляющего «наилучшее» его использование (Ibid., p. 35). Этот критерий являет собой попытку учесть «неформальную» или «частичную» стандартизацию некоторых языковых разновидностей, которые не достигли полного языкового статуса. В этих случаях существуют нормы, которые нельзя кодифицировать, но которые принимаются сообществом в целом. Здесь также работает концепция «открытого» и «скрытого» престижа У. Вольфрама (Wolfram, 1998). «Открытый» престиж обеспечивается за счет официальной стандартизации, в то время как «скрытый» престиж поддерживается за счет де-факто норм. Представление о нестандартизированной разновидности языка, имеющей «скрытый» престиж в определенных контекстах, помогает объяснить, почему отсутствие «открытого» престижа не влияет отрицательно на ее витальность (также см.: Blum, 2004).

Большинство идиомов с проблемным статусом языка / диалекта (таких, как, например, 109 粵 (кантонский)) обладает по крайней мере четырьмя из семи атрибутов по Беллу (витальность, историчность, смещение, нормированность). Хотя в этот список входят только три из пяти положительных маркеров, требуемых для стандартного языка (исключая стандартизацию и автономность), это больше, чем два маркера,

достаточных, чтобы классифицировать его как диалект (витальность и нормированность). Таким образом, в рамках парадигмы Белла социолингвистический статус этих разновидностей, не вписывающихся точно ни в одну из восьми прочих категорий, остается проблемным; требуется обращение к иной концепции, которая могла бы описать положение языковых систем, «зависающих» в пространстве между языком и диалектом.

Тополект в таком случае будет выглядеть как языковой тип между классическим языком и вернакуляром. Он характеризуется витальностью, историчностью и наличием де-факто норм, но не предполагает стандартизацию; тополект может демонстрировать разные степени редукции и автономности. Как и в случае стандарта, смешение будет избирательным.

3. Поэзия на тополекте

При возникновении письма на тополекте дополнительным структурным фактором, оказывающим влияние на соотношение «устного» и «письменного», служит и сама выбираемая система письма. Так, например, *морфосиллабические* системы типа китайской малоадаптивны. Основной принцип, на котором основаны эти системы (один символ = одна морфема = один слог), неудобен для языков с обширной морфологией. Инвентарь морфем в любом языке намного больше, чем инвентарь фонем, поэтому общее количество символов, которые учащийся должен освоить в морфосиллабической системе, может занять много лет: освоение грамотности для китайского требует гораздо больше времени, чем для других фонографических систем.

Письмо – это символический способ физического (обычно визуального) представления устной речи, обладающей по отношению к нему доминирующим положением. Однако это доминирование не всегда последовательно. История китайского языка и, в частности, бытования поэтических текстов дает примеры активного влияния системы письма на устную речь тех, кто ей пользовался, – за пределами простого влияния письменного регистра на устные формы. Морфосиллабическая система не только затрудняет непосредственную письменную фиксацию звучащего текста, но и создает возможность для его множественного прочтения.

Это объясняется тем, что природа морфосиллабического письма конструирует ситуацию, в которой фонологические детали сложно или вообще невозможно отобразить на письме. Так, например, в разных китайских тополектах имеются слова, родственные *цуй* 去 – слову современного *путунхуа* со значением «идти», однако различия в их звучании ([k'i] в южном *минь* 閩, [høy] в юэ и т. п.) не отображаются на морфосиллабическом уровне репрезентации: все они записываются как 去. В то время как в романских языках возникающие фонологические различия между словами общего происхождения рано или поздно находили отражение на письме, родственные слова в китайских тополектах сохраняли единый визуальный облик. В силу этих же особенностей кросс-

языковые заимствования в языках, представляемых на письме при помощи алфавита, оказываются чаще всего маркированы в своем новом окружении (в силу использования различных комбинаций букв для представления разных фонем при разных условностях такого представления), а заимствования между различными китайскими тополектами (или из синоксенических диалектов) никак не выделяются на общем текстовом фоне. Этот феномен оказывает прямое влияние на устную речь, потому что, когда письмо становится основой заимствования, фонологический облик слова может меняться радикальным образом.

На раннем этапе возникновение и развитие письменных форм тополектов происходит в основном в произведениях популярной поэзии. Все они демонстрируют использование принципа фонетического заимствования при обращении к морфосиллабике для записи тополектных слов (применяется знак стандарта с идентичным / похожим чтением или знак, использующий его как фонетический элемент, указывающий на чтение). Как показывают примеры ранних поэтических текстов на кантонском (*юэ*), в большинстве случаев допустимость использования письменной формы тополекта напрямую связана с той или иной формой соотносительности текста с устной речью — обычно с устным исполнением (Дрейзис, 2020).

Сегодня, с появлением новых медиа и распространением Интернета, ситуация меняется. Текст отделяется от своего устного бытования, поэзия движется в сторону доминирования визуального и в текстах на тополектах все чаще использует смешанное письмо (это означает и повышенную степень рефлексии их авторов, свидетельством чего служат текстовые и метатекстовые источники; для этой традиции оказывается невозможной наивная поэзия в той же степени, как она невозможна для литературы на «спящем» языке (Полян, 2016, с. 37)). Наряду с современной критикой радикализма движения за «новый язык» и «новую литературу» в начале XX века, связанного с активной стандартизацией в ущерб фиксации локальных традиций, возникает обновленное языковое сознание, парадоксальным образом реагирующее на давление глобализации.

Вместе с тем разведение разных форм бытования текста по регистрам в зависимости от вида фиксации за пределами поэзии не изжило себя до сих пор: так, например, большинство носителей *минь* на Тайване не знакомы с *пэвэдзи*, системой записи *минь* на основе латинской графики⁴ (Ота, 2005, р. 20), часто считая, что у *минь* вовсе нет письменности (Baran, 2004); или же, если они знают о существовании *пэвэдзи*, то считают ее «низкой» письменностью, в отличие от «высоких» — знаком морфосиллабического письма (Цзян, 2005, с. 300). Поэзия в традиционных формах, в отличие от современной, в этом смысле более консервативна: при рецитации текстов классики (или новых текстов, создаваемых в соответствии с нормами канона) используются так называемые «литературные» чтения (*вэньдуинь* 文读音). При этом и «литературные», и «разговорные» чтения могут

⁴ Пэвэдзи (*байхуацзы* 白话字) — система латинизации, разработанная христианскими миссионерами в XIX веке, которая применяет диакритические знаки для указания тонов.

встречаться в устной речи — но в различных лексических компаундах. Во всех южнокитайских тополектах этот феномен бытует на регулярной основе. Причиной тому является не только развитая практика рецитации, но и межъязыковое взаимодействие в условиях многоязычия. Значительная часть «литературных» чтений — заимствования, отличные от местного произношения тех или иных слов (Ян, 1994). Менее престижный идиом заимствует чтения из доминирующего идиома, в результате чтения начинают ассоциироваться с письменной (престижной) формой и становятся «литературными».

В регионе распространения южной группы тополектов на базе этой традиции возникла дихотомия так называемых «литературных» и «разговорных» чтений (*байдуинь* 白读音) (Фан, 1994). Чтение иероглифа напрямую зависит от того, представляет ли он морфему с разговорного или литературного лексического уровня. Эта дихотомия проявляется в различных лингвистических и социальных контекстах. В поэтической практике разные позиции по вопросу записи звучащего текста на тополекте, выраженные в метатекстах, реализуются через разные способы концептуализации письма на тополекте.

Список литературы

Бабенко Н. С., Карпов В. И. Диалект в системе форм существования языка (к истории вопроса) // Актуальные проблемы немецкой островной диалектологии (памяти Г. Г. Едига): матер. Всерос. науч.-практ. семинара (Красноярск, 2–4 июня 2008 г.). Красноярск, 2008. С. 10–27.

Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. 1982. №5. С. 29–38.

Гухман М. М. Функциональная стратификация языка. М., 1985.

Дрейзис Ю. А. Развитие системы письменной фиксации китайского диалекта: начальный этап становления письменного юэ // Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение. 2020. №3. С. 37–55.

Калгина Е. А. Проблемы соотношения «язык» / «диалект» на примере шотландского в современной Великобритании // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №1. С. 34–36.

Остапенко И. А. Некоторые аспекты языковой ситуации и особенности английского языка в Шотландии. Калинин, 1980.

Полян А. Л. Поэтический текст на «спящем» языке в условиях многоязычия (на материале поэзии на иврите III–XIX вв. н.э.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Разумова Л. В. К проблеме определения термина региональные языки // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2010. №3. С. 111–115.

Яхонтов С. Е. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 148–157.

Bai Jianhua. Language Attitude and the Spread of Standard Chinese in China // Language Problems and Language Planning. 1994. №18 (2). P. 128–138.

Baran D. "Taiwanese Don't Have Written Words": Language Ideologies and Language Practice in a Taipei County High School // Proceedings of the Taiwan International Romanization Forum 2004 (2004 羅馬字國際研討會論文集). Tainan, 2004. С. 35-1–35-10.

Basistech. The Identification of Romanized Arabic in Online Communication. 2012. URL: <http://www.basistech.com/whitepapers/Identification-of-Romanized-Arabic-EN.pdf> (дата обращения: 18.04.2021).

Bell R. T. Sociolinguistics: Goals, Approaches and Problems. L., 1976.

Blum S. D. Good to Hear: Using the Trope of Standard to Find One's Way in a Sea of Linguistic Diversity // Language Policy in the People's Republic of China. Dordrecht, 2004. P. 123–141.

Coulmas F. Does the notion of diglossia apply to Japanese? Some thoughts and some documentation // Southwest Journal of Linguistics. 1991. №10 (1). P. 125–142.

Donaldson W. The Language of the People: Scots Prose from the Victorian Revival. Aberdeen, 1989.

Groves J. Language or Dialect—or Topolect? A Comparison of the Attitudes of Hong Kongers and Mainland Chinese towards the Status of Cantonese // Sino-Platonic Papers. 2008. №179. P. 1–103.

Halliday M. Spoken and Written Language. Oxford, 1989.

Ota K. An investigation of written Taiwanese: Master's thesis. University of Hawai'i at Manoa, 2005.

Mair V. H. What Is a Chinese 'Dialect/Topolect'? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic terms // Sino-Platonic Papers. 1991. №29. P. 1–31.

Pauwels A. Diglossia, immigrant dialects and language maintenance in Australia: the case of Limburgs and Swabian // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1986. №7. P. 13–30.

Stewart W. A. An Outline of Linguistic Typology for Describing Multilingualism // Study of the Role of Second Languages in Asia, Africa, and Latin America. Washington, DC, 1962. P. 15–25.

Stewart W. A. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // Readings in the Sociology of Language. The Hague, 1968. P. 531–545.

Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction. Middlesex. N. Y., 1974.

Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics. 3rd ed. Beijing, 2000.

Wolfram W. Language Ideology and Dialect // Journal of English Linguistics. 1998. №26 (2). P. 108–121.

Фан Сюэцзя 房学嘉. Изыскания относительно исторических корней хакка (Кэцзя юаньлю таньбао) 客家源流探奥. Гуанчжоу, 1994.

Цзян Вэйвэнь 蔣為文. Язык, идентичность и деколонизация (Юйянь, жэньтун юй шючжиминь) 語言、認同與去殖民. Тайнань, 2005.

Ян Сюфан 楊秀芳. О различиях литературных и разговорных чтений (Лунь вэнь бай и ду) 論文白異讀 // Сборник статей в честь 80-летия Ван Шуминя (Ван Шуминь сяньшэн баши шюэцин луньвэньцзи) 王叔岷先生八十壽慶論文集. Тайбэй, 1994. С. 823–849.

Об авторе

Юлия Александровна Дрейзис, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языкознания РАН; доцент кафедры китайской филологии, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: yulia.dreyzis@gmail.com

Для цитирования:

Дрейзис Ю. А. Соотношение «устного» и «письменного» в поэзии на тополоктах // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 121–133. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-6.

CORRELATION OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN TOPOLECT POETRY

Yu. A. Dreyzis

Institute of Linguistics, RAS
Bol. Kislovsky per., 1, p. 1, 125009, Moscow, Russia
Submitted on July 16, 2021
doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-6

The paper describes the practice of creating poetic texts on lects that possess a problematic linguistic status. The author proposes using 'topolect' as a universal term for such entities, which allows them to be placed in a special category of language systems that occupy an intermediate level between the standard and the rather homogeneous territorial dialects in a kind of multilingualism that is characterized by the distribution of functions between idioms. The analysis of the poetic tradition of topolects makes it possible to reveal some general patterns of text functioning for the texts on de facto normalized, but not subjected to strict standardization, semi-autonomous idioms. Different modes of correlating the oral and the written in these texts come in direct connection with the practice of recitation and other forms of the auditory existence of poetry. The introduction of new empirical material contributes to the reassessment of the problem of the oral and the written, since it demonstrates the non-equivalence of the oral and the spoken, and the written and the literary. The visually perceptible text in its written form is informatively not equivalent to the voiced version of the same text. Building relationships between 'visual speech' (in the form of a poetic text) and its sounding shows the evolution of topolect writing and metalanguage reflection of its authors.

Keywords: diglossia, multilingualism, poetic text, recitation, topolect, writing system

References

- Babenko, N.S., Karpov, V.I., 2008. Dialect in the system of forms of language existence (to the history of the issue). In: *Aktual'nye problemy nemetskoj ostrovnnoj dialektologii (pamyati G. G. Ediga)* [Actual problems of German island dialectology (in memory of G.G. Edig). Materials of the All-Russian Scientific and practical seminar (Krasnoyarsk, June 2–4, 2008)]. Krasnoyarsk, pp. 10–27 (in Russ.).
- Bai Jianhua, 1994. Language Attitude and the Spread of Standard Chinese in China. *Language Problems and Language Planning*, 18 (2), pp. 128–138.
- Baran, D., 2004. "Taiwanese Don't Have Written Words": Language Ideologies and Language Practice in a Taipei County High School. In: *Proceedings of the Taiwan International Romanization Forum 2004 (2004 羅馬字國際研討會論文集)*. Tainan, pp. 35-1–35-10.
- Basistech, 2012. *The Identification of Romanized Arabic in Online Communication*. Available at: <http://www.basistech.com/whitepapers/Identification-of-Romanized-Arabic-EN.pdf> [Accessed: 18 April 2021].
- Bell, R. T., 1976. *Sociolinguistics: Goals, Approaches and Problems*. London.
- Blum, S.D., 2004. Good to Hear: Using the Trope of Standard to Find One's Way in a Sea of Linguistic Diversity. In: *Language Policy in the People's Republic of China*. Dordrecht, pp. 123–141.
- Borodina, M.A., 1982. Dialects or regional languages? (On the problem of the language situation in modern France). *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 5, pp. 29–38 (in Russ.).

Coulmas, F., 1991. Does the notion of diglossia apply to Japanese? Some thoughts and some documentation. *Southwest Journal of Linguistics*, 10 (1), pp. 125–142.

Donaldson, W., 1989. *The Language of the People: Scots Prose from the Victorian Revival*. Aberdeen.

Dreysis, Yu. A., 2020. Development of a Written Language for the Sounds of a Topolect: Initial Stage of Hong Kong Yue Formation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie* [Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies], 3, pp. 37–55 (in Russ.).

Fang Xuejia 房学嘉, 1994. *Kejia yuanliu tan'ao 客家源流探奥* [Survey on the Historical Roots of Hakka]. Guangzhou (in Chinese).

Groves, J., 2008. Language or Dialect – or Topolect? A Comparison of the Attitudes of Hong Kongers and Mainland Chinese towards the Status of Cantonese. *Sino-Platonic Papers*, 179, pp. 1–103.

Gukhman, M. M., 1985. *Funktsional'naya stratifikatsiya yazyka* [Functional stratification of language]. Moscow (in Russ.).

Halliday, M., 1989. *Spoken and Written Language*. Oxford.

Jiang Weiwen 蔣為文, 2005. *Yuyan, rentung yu quzhimin 語言、認同與去殖民* [Language, Identity, and Decolonization]. Tainan (in Chinese).

Kalgina, E. A., 2018. The Problem of “Language” vs. “Dialect”: Scots Language Variety in Modern Britain. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 1, pp. 34–36 (in Russ.).

Ota, K., 2005. *An investigation of written Taiwanese*: Master's thesis. University of Hawai'i at Manoa.

Mair, V. H., 1991. What Is a Chinese “Dialect / Topolect”? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic terms. *Sino-Platonic Papers*, 29, pp. 1–31.

Ostapenko, I. A., 1980. *Nekotorye aspekty yazykovoi situatsii i osobennosti angliiskogo yazyka v Shotlandii* [Some aspects of the language situation and peculiarities of the English language in Scotland]. Kalinin (in Russ.).

Pauwels, A., 1986. Diglossia, immigrant dialects and language maintenance in Australia: the case of Limburgs and Swabian. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 7, pp. 13–30.

Polyan, A. L., 2016. *Poeticheskii tekst na “spyashchem” yazyke v usloviyakh mnogoyazychiya (na materiale poezii na ivrite III – XIX vv. n. e.)* [Poetic text in a “sleeping” language in conditions of multilingualism (based on the material of poetry in Hebrew of III – XIX centuries AD)]. PhD thesis. Moscow (in Russ.).

Razumova, L. V., 2010. The definition problem of the term “regional languages”. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo* [Scientific notes of the N. G. Chernyshevsky Trans-Baikal State Humanitarian Pedagogical University], 3, pp. 111–115 (in Russ.).

Stewart, W. A., 1962. An Outline of Linguistic Typology for Describing Multilingualism. In: *Study of the Role of Second Languages in Asia, Africa, and Latin America*. Washington, DC, pp. 15–25.

Stewart, W. A., 1968. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism. In: *Readings in the Sociology of Language*. The Hague, pp. 531–545.

Trudgill, P., 1974. *Sociolinguistics: An Introduction*. Middlesex, New York.

Wardhaugh, R., 2000. *An Introduction to Sociolinguistics*. 3d ed. Beijing.

Wolfram, W., 1998. Language Ideology and Dialect. *Journal of English Linguistics*, 26 (2), pp. 108–121.

Yakhontov, S. E., 1980. Assessment of the degree of proximity of related languages. In: *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira* [Theoretical foundations of the classification of the languages of the world]. Moscow, pp. 148–157 (in Russ.).

Yang Xiufang 楊秀芳, 1994. *Lun wen bai yi du* 論文白異讀 [On the Differences Between the Literary and Colloquial Readings]. In: *Wang Shumin xiansheng bashi shou-qing lunwenji* [Collection of Articles in Honor of the 80th birthday of Wang Shumin]. Taipei, pp. 823–849 (in Chinese).

The author

Dr Yulia A. Dreyzis, Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Assistant Professor, Chinese Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Russia.

E-mail: yulia.dreyzis@gmail.com

To cite this article:

Dreyzis, Yu. A. 2022, Correlation of the oral and the written in topolect poetry, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 121–133. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

POETICS OF THE DECONSTRUCTION OF REINHARD JIRGL'S TEXT: A TRANSLATIONAL PERSPECTIVE

M. S. Potyomina

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on October 07, 2021
doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-7

This article explores Reinhard Jirgl's concept of literary writing, which uses linguistic and textual deconstruction, alphanumeric encoding, and intra- and intertextual strategies. Semiotic and discursive analyses allow identifying lexical, syntactic, and semantic elements of the structural and functional performativity of Jirgl's texts. His prose exploits the enormous poetic potential of the alphanumeric code, the aesthetics of narrative simultaneity and hypertextuality, and the fragmentedness of the agent. The principle of aberrant text production helps the author stage the process of sense formation and brings to the fore the concept of hierarchical rule destruction, which applies to language, society, and reality. By deconstructing syntax and orthography, Jirgl's system of language and script generates new senses. It also compels the recipient to destroy customary mental matrices and analyse processes taking place in society.

Narrative staging of Jirgl's texts is performed to identify the main problems that student translators are faced with when decoding the writer's prose. Rendering a contemporary fictional text into a different language requires paying attention to meaning construction and (de)construction, the extralinguistic context, and links and interactions between linguistic and social meanings. Moreover, it is necessary to explore connections between the performative and narrative characteristics of utterances.

New literary contexts and the alarmist forms of narrative peculiar to Jirgl's writing urge the translator to develop specific professional skills and philological competencies.

Keywords: Reinhard Jirgl, semiotics, pre-translation literary text analysis, literature of Reunification

1. Introduction

Reinhard Jirgl is a Georg Büchner Prize winner and perhaps one of the most brilliant and original contemporary German authors. Following in the steps of the famous translator and experimenter in all things literary, Arno Schmidt, Jirgl creates prose distinguished by performativity and the (de)construction of language. In his works, he distances himself from the reader by erecting barricades of punctuation signs and letters and vigorously rejects standard spelling and grammar.

Jirgl's texts often come under criticism for their anachronistic mannerism, post-structurally embellished neo-conservatism (Grimm, 2007; Mager-ski, 2001), and intellectual elitism, which is hostile to the mass reader (Henschel, 1999). Yet his linguistic artistry (Böttiger, 2011), the theatrical tone of his prose (Pabst, 2011), and performative linguistic aesthetics (De Winde,

2008) have merited attention as well. Arne De Winde sees Jirgl's ideas as an aesthetic (re)actualisation of culturally pessimistic and critical-of-civilisation views of Oswald Spengler, José Ortega y Gasset, Carl Schmitt, and Friedrich Nietzsche. The researcher also draws attention to the complex intertextual dialogue between Jirgl's works and the ideas of Walter Benjamin, Theodor W. Adorno, Michel Foucault, and Roland Barthes (De Winde, 2008). Similarly, Karen Dannemann (2009) points to the writer's metaphoricity and solid social and civilisational criticism. They, she argues, put him on a par with thinkers such as Norbert Elias, Elias Canetti, and Michel Foucault. In her PhD thesis, Meryem Ilknur Demir (2016) underscores the multi-level structure of Jirgl's performative texts and the role of the writer's language and writing system, which overthrows all rules, generates new meanings, and analyses social processes.

The syncretism of Jirgl's prose renders his works complex and challenging to translate. On the one hand, the alphanumeric code of his text poses a challenge for the translator. On the other, Jirgl's novels make it possible to identify historical, political, and ideological markers characteristic of contemporary novels written in the German language. They also enable a study of complex text translation on the semiotic, semantic, and metadiscursive levels.

Jirgl's works are based on the principle of text-producing malfunctions, in which performative and referential elements determine each other. According to Erich Kleinschmidt (2006), Jirgl's prose abandons semantic, grammatical, and syntactic standards to stage the process of meaning-making. It brings to the fore the concept of performativity and the subversion of the hierarchical regulatory rules of language, society, and reality. The writer destroys socially acceptable language for the sake of dynamic diversity and innovative writing (Demir, 2016). Jirgl dissects, dismantles, reconnects, and reshuffles elements on different levels of language – phonological-phonetical, semantic-lexical, and grammatical-syntactic. 'His productive technique of destruction and seemingly incongruous methods of composition used on the levels of script and sound engages the narrative in continuous transformation, which substitutes polysemous structures for the monosemy of the poetic language' [own translation] (Demir, 2016, p. 43).

Jirgl's works defy the mimetic narrative tradition. Their central element is semiosis, i.e. the *process of sign interpretation and meaning generation*. Since the conceptual potential of Jirgl's texts is unlocked through the interaction between the content and its linguistic/graphic form, it is essential to take into account all the three levels of the source text – its semantics, syntax, and pragmatics – when translating it.

The literary significance of a text's key elements is commonly established using contextual analysis and the method of comparison and contrast. The latter applies to syntactic structures, contextual meanings of words, graphical devices, etc. Identifying, correctly interpreting, and understanding the author's intentions may require invoking extra-textual structures – a combination of extralinguistic factors that have affected the creation of the literary text as well as its content. This traditional composition of methods used

in stylistic analysis may be insufficient when a translator deals with an original concept of text arrangement. In such a case, detailed semiotic (Roland Barthes, Charles Peirce, Yuri Lotman, Charles Morris, Robert Hodge, Gunther Kress, and others) and critical discourse analysis (Ruth Wodak, Norman Fairclough, Jürgen Habermas, Siegfried Jäger, Jürgen Link, and others) may be required.

It is vital to apply the method of critical discourse analysis since any study of a recent literary text should consider the layers of historical knowledge constituting the context of that text. The discursive-historical methodology aids in analysing implicit prejudices and detecting codes and hints. Readers will be able to decipher and understand this inferred information only when they have acquainted themselves with the historical events comprising the context of the discourse.

Theory of translation may face a tough challenge in examining a work of prose as part of fictional and socio-cultural discourse. The proposed approach, however, helps identify a range of elements on the levels of the text and metadiscourse. These are:

- 1) the markers of intracultural and cross-cultural problems;
- 2) the markers of problems confronting a reshaped society that is looking for a new identity;
- 3) the basic pragmatics-focused problems in literary text translation, ones that occur when the translator fails to identify culture-bound and society-specific elements in the source text;
- 4) ways to create and resolve cross-cultural and intracultural conflicts when translating fiction.

These approaches to semiotic and discourse analysis will be used below, along with the author's experimental writing theory, to explore the elements of Jirgl's individual style posing the major challenge for the translator – the deconstruction of the text, the agent, and language.

I believe that a successful translation of Jirgl's novels requires acquainting oneself with the concept of literature and language construction and looking into the background socio-cultural and political context. Meeting these two conditions will help find effective translation solutions.

2. The concept of jirgl's language and sign system

Reinhard Jirgl has developed a complete and exhaustive system of writing. His theoretical ideas about the role of language and the significance of its elements comprise a multi-tiered philosophical concept. According to the author, the human being is not a creator (*Sprach-Schöpfer*) but a tool of language (Jirgl, 2008, p. 98). Having entered into communication and thus compelled to integrate into society, a person acts within the linguistic boundaries set by society. She or he is a mere vehicle for words and meanings, which are tightly defined by grammar rules. The inevitable habitual use of a subordinate language is an objective obstacle to an individualised life and self-expression through language. He distinguishes between the communicative aspect of language (objective and 'subordinate' language defined by the ru-

les of social and grammatical coercion) and informative language. Breaking away from norms of linguistic usage and denying external liabilities, this self-appropriated subjective language seeks to assert itself and make itself known. 'The more communication, the less information', Jirgl (2008, p. 96) argues. He thus kills the fundamental idea of language as having a communicative function and eradicates the purpose of a translator as a mediator between languages and cultures. People are torn between themselves, their language, society, and society's 'objectification models'. They use languages speaking in them to create an 'alternative reality'.

An instrument to resume the dialogue between language and the personal language is the reservoir of script signs. Here Jirgl builds on Vilém Flusser's concept. For the latter, the writing script (*die Schrift*) is another visual code, a series of visible signs, which our imagination can translate into images. Flusser (1992) revokes the independence of the script because it is always connected with the image. It always makes one return to the image. The script both succeeds the image (the preliterate culture) and precedes it (the image obtained through technology – a photograph or the 'picture' on the TV screen).

For Jirgl, letters, numerals, and punctuation marks constitute an alphanumeric code. One cannot but rely on this limited selection of signs when dealing with a discourse. Barthes and especially Flusser have shown how letters subjugate digits within this prescriptive code. Jirgl links this fact, among other things, to historical and cultural antagonisms. The languages of such different cultures as Ancient Egypt and Assyria were iconographic. The Egyptian and Assyrian ways of thinking were reflected in ideograms, which captured ideas rather than the phonetic exterior. The main cultural codes were inserted into images (myths) to cater to magical rather than historically-oriented thinking. Finally, the long struggle of cultures culminated in the defeat of magical image-intensive thinking by its critical-discursive counterpart.

Letters enable the transition from the unconscious to the conscious. Yet each script sign bears the sensuousness of the visual image. When transformed into an abstraction of symbols, complex topics and ideas may become tied to letters in the form of a code. A digit integrated into the text makes the reader abandon the linear reality of letters for the 'insular' reality of digits. On the level of neurophysiology, the reader is impelled to decode and recognise the text as if it were a mathematical formula. Jirgl contributes to the theory of imaginative thinking, which Yakov Golosovker (1987) developed as a counter to Claude Lévi-Strauss's concept. Golosovker writes that '[t]he art of using imagination to contemplate the essence of things and render this essence into ideas-images (this does not happen as long as discursive thinking is involved) takes the thinker-contemplator to a self-propelled and self-developing logic – a logic of imagination. This logic winds spontaneously into a spiral of meanings' [own translation]. Golosovker (1987, p. 149) maintains that the word is an excitant. 'The excitant word apparently causes a symbol or image to appear in the symbolical system of the human cortex, and the cortex responds. In escaping excitant words, we find refuge with

words-symbols and images-symbols and thus leave the reality that is full of excitants. What for do we leave it? For a world of symbols, i. e. an imaginary world' [own translation].

In Jirgl's view, the script offers two ways to abandon the script: 1) going back to the image (a pictogram or CGI, virtual reality); 2) going forward to digits. The return to imagery means a return to the power of imagination. Embracing the digital means promoting calculative thinking (Jirgl, 2008). At any moment, computer technology can translate a visual image into digits and vice versa. Events of any kind and any genre (electronic music) can be synthesised into previously unknown shapes and sounds and then transformed back into digits (i. e. be analysed). Imaginative and calculative thinking creates a new space for textuality. Like Flusser, Jirgl believes that the mathematician and the artist are eliminated in the personality of a writer. They both outgrow themselves and reach a new level of reflection.

Flusser sees photography, which has an unlimited audience, as the material resource that allows spectators to become active participants in image production. For Jirgl (2008), this resource is literature, albeit not on the level of the content but rather that of the form, and this form is the poetic power of the alphanumeric code. This code lets the body (pleasure) re-emerge in the world as the text and defeat death and the futility of being.

Jirgl agrees with Benjamin's idea that '[s]piritual being communicates itself in, not through, a language' (Benjamin, 2011, p. 252). He maintains that the meaning of his texts resides not in the content (which is determined by many discourses) but in the human body – an immediate arena for historical chaos (Jirgl, 2008, p. 108). In any historical age of the forced denudation and restriction of language, the body is the only text that tells the truth, that rebels and revolts. 'Using my language and my way to structure the text, I look for the means of expression that will aid me in designating injustice in social and mental realities, escalating and devaluating it. This rejection has to happen in the minds of spectators rather than on paper' [own translation] (Jirgl, 2008, p. 109). He continues: '[o]nly ruthlessness and injustice towards injustice can act on the side of those terrorised by daily terror and give them something positive. In this context, my writing is the search for the maximum subjectivity of the text' [own translation] (Jirgl, 2008, p. 109).

In his article 'Das poetische Vermögen des alphanumerischen Codes in der Prosa', Jirgl writes that his manner of writing is a tool to find 'a possibility and way for prose to win the fight with the meaningless garrulity of a collectivised language' [own translation] (Jirgl, 2002, p. 62). He contrasts literary language with everyday collective language.

'My writing is marked by a tendency towards maximum subjectivity in the content and the form, a tendency explained by a predisposition to the subjectivity of experiences and events. Thus, the emotions coming from experienced reality are transferred – through language and various means to document it in writing – onto the emotional plane of the text not as is but in a concentrated, condensed form' (Jirgl, 2002, p. 55).

To convey his view of the world, Jirgl chooses the form of the monologue (or a combination of several monologues). The situation in which these

monologues are delivered is never clearly defined. It leaves room for interpretation. The person going into a monologue is in a critical condition resembling delirium. She or he tends to misreport her or his story.

Jirgl intentionally complicates the process of reading by using too long or, conversely, short and abrupt phrases. They reproduce the actual rhythm of thinking, which may slow down or accelerate.

Punctuation marks, which Jirgl uses not traditionally but in accordance with his system rooted in Arno Schmidt's ideas, and other spelling features capture the reader's attention and make her or him dwell on the intonation and the emotional quality of selected meaning-bearing speech units.

Jirgl's sign system

Form	Meaning
und	Enumerating, arranging in order, <i>time</i> sequences
oder	Juxtaposing variants; each is assigned a different probability
od	Juxtaposing variants that have the same probability
u	Simultaneous appearance; equal significance of events and occurrences
u:	Expressing contrasts; connecting paired opposites (humans and animals, society and the state, culture and arts)
&	In older texts or 'business communication'; marking a businesslike tone
+	Texts seen in a dream (they do not need an explanation since thoughts and texts appearing in dreams are not subject to time)

He presents readers with puzzles and cyphers to push them towards 'active' reading to unlock their associative ability and engage their minds in a game.

De Winde stresses that the writer uses his idiosyncratic spelling and eccentric characters to create text intertwinements that stand up to unambiguity.

Gustav Seibt (1995) believes that the spelling reminiscent of Schmidt's works is not the chief obstacle faced by the reader. The quaint sentence structure, the abundance of metaphors, constant shifting between narrative perspectives, non-linear and spasmodic narrative technique, and musical motifs keep the reader tightly focused. The text de-automates all customary thinking processes. 'Those who want to make a progress in reading feel like sprinters swimming underwater and forced to overcome the enormous resistance of the environment' [own translation] (Seibt, 1995).

The pronounced artificiality of the forms of Jirgl's literary techniques helps the reader stomach the content of his novels. The principal function of the action is to create meticulously selected terrifying situations meant to justify grotesque stylistic means.

Lowlives, undersides of family relations, the absence of ideals, and social problems are leitmotifs in Jirgl's novels. To depict them, he picks out and invents new stylistic devices.

Recurring plots are not the only thing that makes his books come across as one text. The very 'fabric of Jirgl's writing contributes to the effect. His writing is overtly philosophical, scandalous, journalistic, and artistic at the same time. It has a refined literary form. It is intricately and beautifully built' (Baskakova, 2005, p. 75–172).

3. The challenges of translating Jirgl's novel *im offenen meer*

The novel *Im offenen Meer*, which was published in Hamburg in 1991 by Luhterhand, was a landmark in Jirgl's career. The book was critically acclaimed (his first two novels went unnoticed by the literary community). Jirgl won the Anna Seghers award for the book.

In his earliest works, the writer started to merge the views of an artist and an impartial sociologist. In the novel in question, this merger is of particular interest. The book does not have a plot. At first sight, it is an agglomeration of disparate and diverse fragments – descriptions of nightmares, dramatic sketches, and scenes from the street. Yet these fragments make up a cohesive whole: they are tied together by the introduction and the final chapter – a myth highlighting the most dangerous elements in the life of modern humanity, as well as its prospects.

It is a cascade of experiments, where each fragment has been assigned a unique means of expression. Epic, drama, and lyric alternate and spill over into each other throughout the book.

Leafing through the novel shows that it is very different from an ordinary text: the spelling is unusual; the orthography and punctuation are non-standard and misplaced; digits substitute for numerals and indefinite articles; there are several variants of the conjunctions *und* and *oder*; the text structure is peculiar. At first glance, the text looks like an e-mail. The language used in electronic messages appeared, however, years after the novel.

During pre-translation analysis, student translators have to answer several questions. What made Jirgl resort to such a non-standard manner of writing? What functions do these non-standard features have in the text? Do they constitute a philosophical system, or are they a mere means to complicate reading? Answers to these questions will determine what strategy the translator should choose. Does the translator have to develop a similar system, or should the translation randomly use similar effects?

Jirgl covers these questions in his essay 'Das poetische Vermögen des alphanumerischen Codes in der Prosa'. 'In my language and in my way of text arrangement, I look for such expressive means that make it possible to name, aggravate, and reject the evil that exists in social and mental reality. Against this backdrop, my writing is becoming a yearning for the maximum text subjectivity in both the content and the form. Emotions emerging from experienced reality can be embedded in a text (and turned into its emotionality) only by linguistic devices or by changing the spelling of words. Within the text structure, all sore spots and conflicts of outer reality must be transformed ... they must appear as processed, exaggerated, and a 'staged' reality' [own translation] (Jirgl, 2002, p. 58).

By changing the usual spelling and inventing new punctuation rules, the author tries to communicate his thoughts, convey every nuance of the lexical meaning, and unlock the semantic potential of every word. The translator should tackle these meanings with great care and ensure that the original stylistic features be perceived correctly.

In the same essay, Jirgl explains what significance deviations from the norm have in his novels and stresses that each reader has to look for her or his own ways of 'translation'. The signs and digits he uses are inseparable from the context in which they appear.

Even native German speakers have difficulty familiarising themselves with Jirgl's language and deciphering his signs. The translator takes over the weighty responsibility of being a mediator between a foreign author and the reader. The way the text will be perceived heavily depends on decisions made by the translator.

Umberto Eco writes, 'if there are no rules that help to ascertain which interpretations are the "best" ones, there is at least a rule for ascertaining which ones are "bad"' (Eco, 1990, p. 169). One of them holds that 'any interpretation given of a certain portion of a text can be accepted if it is confirmed and must be rejected if it is challenged by another portion of the same text' (Eco, 1990, p. 181).

As mentioned above, style is the author's way of looking at the world; all elements – morphological, syntactic, semantic, and graphical – should be arranged according to her or his style.

Having analysed the selected text, most students identify the essential components of Jirgl's non-standard writing and describe their functions as follows.

1. The markers of the author's style are his frequent use of italics, capital letters, and different typefaces; punctuation marks in unusual syntactic positions; contraction of phrases; numerals replaced by digits; occasional word-formation.

2. The writer employs various typographic devices: font variations, punctuation marks, and odd layouts. This play with para-linguistic elements aims to reinforce the implicative meaning on the visual level: the more profound the implicative meaning, the more there are para-linguistic elements.

3. Para-linguistic text components include font variations – the use of super-grapheme devices such as italics, capital letters, lowercase-uppercase combinations, and elements of different typefaces. Information cannot be fully retrieved from the text without decoding and interpreting these components.

4. As to syntax, a distinctive feature of Jirgl's individual style is dashes, colons, exclamation and question marks in unusual syntactic positions.

Non-standard variations in punctuation label semantically significant fragments:

Dieser Stern ist Gehirn, das letzte offene Meer – kristallines Zerebrum, kristallines Geist-Sein: Aufschwünge, Prägungen, Steigerungen in abstrakte Komprimat-Räume, Maximum an Effizienz durch Minimum an Ausdehnung; VIREN: verändernd Blicke auf Landschaften der Gewohnheit: – die biologische: Sexualität, umgewertet zur tödlichen Gefahr für ganze Erdteile, und Lust ist erwachsen geworden wie ihre Krankheit; – die elektronische: Computerprogramme, infiziert von programmierten Zerstörerpartikeln, in den USA fallen mit 1 Schlag sechstausend Großrechner aus, Luftverkehr Wirtschaft medizinische Versorgung Geldtransfer: Zusammenbruch in Se-

kundenschnelle –: Abstürze, Zerfallprodukte, Leuchtspuren auf Oszillografenschirmen ohne Rest od Kohärenz: kreative Funktionalfelder eindeutig pessimistischer Grundtextur – Triumph u Verfall, Gestaltung u Zerwurf Wiederauflösung eingeschrieben in allen Formungen Kaos: der Kontrapunkt aus Geist u: Leben, entüllend in Glutschärfe die uralten Konturen, die Grenzlinien der Feindschaft trennend Den Menschen-selbst: hier Mensch als geistiges Wesen – dort Mensch als Eiweißmasse, erbesumpfig gallertig, dem Untergang verwachsen -: das vollendete Ornament im Epilog des Zweiten Faust. (Jirgl, 1991)

5. Alongside alternating fonts, the author employs layout variations. In chapter four, the text is in two columns, like in a popular science magazine. The reader has the impression that she or he is reading a popular science text.

6. The source text abounds with non-standard lexis and colloquialisms. In the excerpt above, the author conveys the phonetic peculiarities of the characters. To this end, he uses transcriptions and capital letters:

Plötzlich schrill 1 Fraustimme – Laß meinn MANN in Friehn Dassis MEIN Mann Ich SAAK dir das zum LETZtn Mal! – ein Möbel stürzt halhend zu Boden, Porzellan klirrt, und dieselbe Frauenstimme schrillt – Ich HAAP tich geWARNT! Jetzt ISses ge nuk – dumpfer Anprall gegen die Wand, als schlüge ein Körper gegen den Stein. (Jirgl, 1991)

7. In the novel, the conjunctions *und* and *oder* have a crucial role. In the preface, Jirgl lists the variants of conjunctions and explains their meanings. In particular, he distinguishes between *und*, *u*, *u;*, *+*, and *&/ oder, od*, each having a special interpretation. This differentiation helps the author communicate the meaning of the text with greater precision. *Und*, *+* and *&* are easy to render into Russian as *u*, *+* and *&*. Still, *u*, the clipped form of *und*, poses a challenge since the Russian conjunction *u* has only one letter. One of the meanings may be lost in translation.

8. The novel plays with lexical and semantic occasionalisms and occasional collocations. Occasional word formation and other language play techniques are a hallmark of Jirgl's style. Original lexical units, which follow common or Jirgl's own models (*Un* = *Heimlich*, *Ab* = *Reise*, *die Fisiso* = *Gnomie*, *die Jack-Kills*, etc.), account for vivid and expressive naming.

4. Conclusion

In teaching translation, pre-translation text analysis, interpretation, and textualisation help identify and juxtapose causal and functional connections between the active position of the author and the semiotic manifestation of that position. Translating contemporary literary text requires analysing the extralinguistic context and the (de)construction of meanings. It also demands that interdependencies and interactions between linguistic and social meanings be detected. Moreover, it is necessary to consider the connections between performative and narrative characteristics of utterances. A symbolic meaning may reside in the very format of information when a combination of signs implies a semantic divergence between the form and the content. It is important to remember that such divergences affect the cognitive and emotional state of the reader and draw her or his attention to complex and contentious issues of reality. The key to working with contemporary texts is

in linking composite socio-cultural, political, and structural contexts, textual and intertextual features of new communicative forms and technologies, and the constructed meanings of texts.

Contemporary authors seem to believe that the problems they are faced with go unnoticed in the world. These issues have become too familiar a story, and writers, Jirgl among them, resort to unusual means of expression in their striving to 'bring round' readers, make them ponder the problem, and react to it in some way. Meanings determine the form, which in its turn attracts the recipient. The deconstruction of language and the text, structural and functional performativity, alphanumeric encoding, intra- and intertextual strategies, unusual typography – all these devices are extremely difficult to tackle. And a translator of Jirgl's texts has to recognise them, process them cognitively and emotionally, and render them into a different language.

New literary contexts make student translators reflect on deep encoded meanings and respond to alarmist forms of narrative. To rise to the task, one should develop professional (translator's) and philological competencies and broaden her or his understanding of the technique and algorithm of translation. A literary translator has to feel the lifeblood of new contexts and understand the intentions of difficult authors.

References

- Baksakova, T., 2005. Creating a myth from the debris of daily life: Reinhard Jirgl and his stories of Blood, Sex & Death. *Mitin zhurnal*, 62, pp. 128–172 (in Russ.).
- Benjamin, W., 2011. *On Language as Such and on the Language of Man. Early Writings*. Cambridge: Harvard University Press.
- Böttiger, H., 2011. Buchstaben-Barrikaden. Von Reinhard Jirgls Anfängen bis hin zu „Die Stile“- ein in sich stimmiger ästhetischer Kosmos. In: *Text+Kritik*, 189. München: Richard Boorberg Verlag, pp. 14–24.
- Danneman, K., 2009. *Der blutig=obszön=banale 3-Groschen-Roman namens Geschichte. Gesellschafts- und Zivilisationskritik in den Romanen Reinhard Jirgls*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- De Winde, A., 2008. *Palimpsest der Gespenster: Intertextualität, Genealogie und Spektralität im Werk von Reinhard Jirgl*. PhD Dissertation. Leuven.
- De Winde, A., 2011. Das hatte ich mal irgendwo gelesen. Überlegungen zu Reinhard Jirgls Esseyismus. In: *Text+Kritik*, 189. München: Richard Boorberg Verlag, pp. 86–97.
- Demir, M.I., 2016. *Poetologie der Ränder. Kulturpoetische Dimension performativer Schreibverfahren in Reinhard Jirgls Genealogie des Tötens*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Eco, U., 1990. *Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. The Tanner lectures on human values*. Cambridge: Cambridge University. Available at: https://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/e/Eco_91.pdf [Accessed 15 August 2021].
- Flüsser, V., 1992. *Die Schrift. Hat Schreiben Zukunft?* Frankfurt a/M.: Fischer Verlag.
- Golosovker, Ya.E., 1987. The imaginative absolute. In: Ya.E. Golosovker, ed. *Logika mifa* [The logic of the myth]. Moscow, pp. 114–165. (in Russ.).
- Grimm, E., 2007. Die Lebensläufe Reinhard Jirgls. Techniken des melotraumatischen Inszenierung. In: D. von Clarke and A. De Winde, eds. *Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesearten, Kontexte*. Amsterdam; New York: Rodopi, pp. 197–226.
- Henschel, G., 1999. Dreck u Speck u Kehrlicht. Über den Wotkünstler Reinhard Jirgl. *Titanic*, November 1999. Available at: <https://www.titanic-magazin.de/heft/1999/november/henschel-schmirgl-jirgl/> [Accessed 15 August 2021].

- Jirgl, R., 1991. *Im offenen Meer. Schichtungsroman*. Hamburg; Zürich: Luchterhand.
- Jirgl, R., 2002. Das poetische Vermögen des alphanummerischen Codes in der Prosa. Essay. In: R. Jirgl, ed. *Gewitterlicht*. Hannover: Revonnah, pp. 78–84.
- Jirgl, R., 2008. Die wilde und die gezähmte Schrift. Eine Arbeitsübersicht. In R. Jirgl, ed. *Land und Beute. Aufsätze aus den Jahren 1996 bis 2006*. München: Carl Hanser Verlag, pp. 92–122.
- Kleinschmidt, E., 2006. Schreiblektüren. Zur transformativen Poetik H.C. Artmanns. In: E. von Kleinschmidt and W. Schmitz, eds. *Sammeln und Lesen. Die Kölner H.S. Artmann- Sammlung Knupfe.: Lektüren*. Köln: Universitäts und Stadtbibliothek, pp. 214–237.
- Magerski, Ch., 2001. Trostlose Landschaft mit Literat. Kritische Bemerkungen zum Versuch der Inszenierung einer literarischen Nullstunde nach 1989 am Beispiel Reinhard Jirgls. In: *Glossen: German Literature and Culture after 1945*, 13. Available at: <http://www2.dickinson.edu/glossen/heft13/trostloselandschaft.html> [Accessed 15 August 2021].
- Papst, S., 2011. Text-Theater. Zur Form der früheren Prosa Reinhard Jirgls. In: *Text+Kritik*, 189. München: Richard Boorberg Verlag, pp. 25–37.
- Seibt, G., 1995. Gehege des Absterbens. Reinhard Jirgls DDR-Metamorphosen. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, November 6, 105.

The author

Dr Marina S. Potyomina, Associate Professor, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: mpotemina@kantiana.ru

ORCID: 0000-0003-4656-7910

To cite this article:

Potyomina, M.S. 2022, Poetics of the deconstruction of Reinhard Jirgl's text: A translational perspective, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 134–146. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ПОЭТИКА ДЕКОНСТРУКЦИИ ТЕКСТА Р. ЙИРГЛЯ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. С. Потёмина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

236016, Россия, Калининград, ул. Невского, 14

Поступила в редакцию 07.10.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-7

Рассматривается концепция литературного письма Райнхарда Йиргля, основанная на деконструкции языка и текста, буквенно-цифровом кодировании, интра- и интертекстуальной стратегии. Методы семиотического и дискурсивного анализа позволяют выявить в текстах Р. Йиргля лексические, синтаксические и семантические элементы структурной и функциональной перформативности. В прозе Р. Йиргля отмечается высокий поэтический потенциал алфавитно-цифрового кода, эстетика повествовательной simultанности и гипертекстуальности, фрагментирован-

ность субъекта. Принцип текстопродуктивного нарушения позволяет автору инсценировать процесс смыслообразования и выдвинуть на первый план концепцию разрушения нормативно-иерархических правил языка, общества и действительности. Йирглевская система языка и письменности через деконструкцию синтаксиса и орфографии генерирует новые смыслы и вынуждает реципиента разрушить привычные мыслительные матрицы и проанализировать общественные процессы.

На примере нарративной инсценировки текстов Р. Йиргля выявляются основные проблемы, возникающие у будущих переводчиков при декодировании прозы писателя. Основное внимание при работе с современными художественными текстами переводчику необходимо уделить анализу конструирования и (де)конструирования смысла в тексте, экстралингвистическому контексту, выявлению взаимозависимости и взаимодействий между языковыми и социальными смыслами, а также между перформативными и нарративными характеристиками высказывания.

Новые литературные контексты и характерные для письма Р. Йиргля аларматические формы повествования вынуждают переводчика повышать свою не только профессиональную (переводческую), но и филологическую квалификацию.

Ключевые слова: Й. Йиргль, семиотика, предпереводческий анализ художественного текста, литература Объединения

Список литературы

Баскакова Т. Сотворение мифа из сора повседневности: Райнхард Йиргль и его истории о Крови, Сексе & Смерти // Митин журнал. 2005. Вып 62. С. 128–172.

Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют // Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. С. 114–165.

Benjamin W. On Language as Such and on the Language of Man. Early Writings. Cambridge, 2011.

Böttiger H. Buchstaben-Barrikaden. Von Reinhard Jirgls Anfängen bis hin zu „Die Stile“ – ein in sich stimmiger ästhetischer Kosmos // Text+Kritik. H. 189. München, 2011. S. 14–24

Danneman K. Der blutig=obszön=banale 3-Groschen-Roman namens Geschichte. Gesellschafts- und Zivilisationskritik in den Romanen Reinhard Jirgls. Würzburg, 2009.

De Winde A. Palimpsest der Gespenster: Intertextualität, Genealogie und Spektralität im Werk von Reinhard Jirgl : Phil. Diss. Leuven, 2008.

De Winde A. Das hatte ich mal irgendwo gelesen. Überlegungen zu Reinhard Jirgls Esseyismus // Text+Kritik. H. 189. München, 2011. S. 86–97.

Demir M.I. Poetologie der Ränder. Kulturpoetische Dimension performativer Schreibverfahren in Reinhard Jirgls Genealogie des Tötens. Würzburg, 2016.

Eco U. Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts (The Tanner lectures on human values). Cambridge, 1990. URL: https://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/e/Eco_91.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

Flüsser V. Die Schrift. Hat Schreiben Zukunft? Frankfurt a/M, 1992.

Grimm E. Die Lebensläufe Reinhard Jirgls. Techniken des melotraumatischen Inszenierung // Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesearten, Kontexte / hrsg. von D. Clarke, A. De Winde. Amsterdam ; N. Y., 2007. S. 197–226.

Henschel G. Dreck u Speck u Kehricht. Über den Wortkünstler Reinhard Jirgl // Titanic. 1999. Nov. URL: <https://www.titanic-magazin.de/heft/1999/november/henschel-schmirgl-jirgl/> (дата обращения: 15.08.2021).

Jirgl R. Im offenen Meer. Schichtungsroman. Hamburg ; Zürich, 1991.

Jirgl R. Das poetische Vermögen des alphanummerischen Codes in der Prosa. Essay // Jirgl R. Gewitterlicht. Hannover, 2002. S. 78–84.

Jirgl R. Die wilde und die gezähmte Schrift. Eine Arbeitsübersicht // Jirgl R. Land und Beute. Aufsätze aus den Jahren 1996 bis 2006. München, 2008. S. 92 – 122.

Kleinschmidt E. Schreiblektüren. Zur transformativen Poetik H. C. Artmanns // Sammeln und Lesen. Die Kölner H. S. Artmann – Sammlung Knupfer: Lektüren / hrsg. von E. Kleinschmidt, W. Schmitz. Köln, 2006. S. 214 – 237.

Magerski Ch. Trostlose Landschaft mit Literat. Kritische Bemerkungen zum Versuch der Inszenierung einer literarischen Nullstunde nach 1989 am Beispiel Reinhard Jirgls // Glossen: german Literature and Culture after 1945. 2001. H. 13. URL: <http://www2.dickinson.edu/glossen/heft13/trostloسلandschaft.html> (дата обращения: 15.08.2021).

Papst S. Text-Theater. Zur Form der früheren Prosa Reinhard Jirgls // Text+Kritik. H. 189. München, 2011. S. 25 – 37.

Seibt G. Gehege des Absterbens. Reinhard Jirgl DDR-Metamorphosen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1995. №105 (Nov. 6).

Об авторе

Марина Сергеевна Потёмкина, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: mpotemina@kantiana.ru

ORCID: 0000-0003-4656-7910

Для цитирования:

Потемкина М.С. Поэтика деконструкции текста Р. Йиргля: переводческий аспект // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 134 – 146. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-7.

VI Международный научный семинар
«АГИОГРАФИЯ В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
к 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского»

*Л. Г. Дорофеева*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236016, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 10.12.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-8

Представлен обзор состоявшегося в БФУ им. И. Канта 11 – 12 октября 2021 года VI международного научного семинара «Агиография в русском культурном пространстве», посвященного 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. Излагаются основные идеи и ключевые положения докладов пленарного и секционных заседаний.

Ключевые слова: *русская словесность, культура, агиография, иконография, святость, творчество Достоевского*

The article provides an overview of the VI International Scientific Seminar "Hagiography in the Russian Cultural Space", dedicated to the 200th anniversary of Fedor Dostoevsky's birth. The seminar was organized at the Immanuel Kant Baltic Federal University on October 11 – 12, 2021. The main ideas and key points of the presentations of the plenary and section meetings are explored.

Keywords: *Russian literature, culture, hagiography, iconography, sanctity, Dostoevsky's works*

11 – 12 октября 2021 года в Балтийском федеральном университете им. И. Канта провел свою работу шестой по счету ежегодный международный семинар «Агиография в русском культурном пространстве», посвященный 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. Он был организован совместно Балтийским федеральным университетом им. И. Канта и Калининградской епархией РПЦ.

Одной из главных целей семинара стало рассмотрение творчества великого русского писателя в контексте агиографии, выявление причастности его художественного мира тому, что определяет глубинную сущность отечественной культуры и истории: феномену православной святости. Нет необходимости доказывать сам факт этой причастности, поскольку агиографическая традиция в творчестве писателя уже достаточно хорошо исследована. Но взглянуть в феномен Достоевского как глубоко национального писателя при всей его «всемирности», увидеть

в его творчестве уникальность выражения идеи святости, противостоящей греху, — задача, не имеющая завершения. Это и продемонстрировали доклады, посвященные творчеству Ф. М. Достоевского.

Первый доклад пленарного заседания «*Старцы романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы"*. *Опыты схимы: Зосима и Ферапонт*», прочитанный известным специалистом в области творчества Достоевского, доктором филологических наук, главным научным сотрудником Государственного института искусствознания Л. И. Сараскиной, погрузил слушателей в проблему понимания Ф. М. Достоевским феномена старчества. Раскрывая антитезу «Зосима — Ферапонт» как одну из главных в романе, исследовательница показала, как писатель проникает в сам смысл старчества, который видит в духовном подвиге любви к Богу и ближнему, одновременно изображая и противоположный духовный опыт, известный в монашеской аскетике как «прелесть». Рассмотренный в докладе «темный двойник» старца Зосимы, его абсолютный антипод монах-отшельник Ферапонт, служащий исключительно своей гордыне, позволил сделать вывод о «ферапонтовщине» как духовном соблазне, опасном «изуверстве», противостоящем истинной вере.

Углубляющим понимание идеи красоты в творчестве Достоевского стал доклад «*Идея красоты в романе Ф. М. Достоевского: "Идиот" в контексте святоотеческого апофатического богословия*» С. Л. Шаракова, ведущего научного сотрудника филиала «Музеи Ф. М. Достоевского в Старой Руссе» Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Предметом осмысления явился философско-эстетический и богословский контекст фразы «Мир спасет красота». Докладчик обнаруживает ее культурно-исторические источники — платоническую философию эроса, философию любви в куртуазной литературе и ренессансную концепцию красоты М. Фичино. Привлекая апофатическое богословие восточного христианства, С. Л. Шараков показал соотношение платонического идеала красоты и любви в идейно-художественном контексте романа как «стратегии возведения» с нисхождением благодатной любви и благодатной красоты Иисуса Христа, которая даруется человеку по мере его покаяния.

Доктор филологических наук, профессор Сегедского университета (Венгрия) В. В. Лепяхин в докладе «*Преподобный Иустин Челмийский о Достоевском — человеке, писателе и мыслителе*» сосредоточился на осмыслении феномена Достоевского преподобным Иустином (Поповичем, 1894—1979), известнейшим сербским подвижником, богословом, православным мыслителем XX века. Преп. Иустин оставил огромное богословское наследие, в которое входит и труд «Достоевский о Европе и славянстве» (1940). В. В. Лепяхин особым образом осмыслил и систематизировал мысли и идеи преподобного Иустина, представив в своем докладе важнейшие грани уникальной личности Достоевского. Согласно преп. Иустину, Достоевский — пророк, оставивший после себя глубокие и вдохновенные пророчества о будущем России и Европы; мученик, поскольку нет в истории человечества муки, которой не мучился бы

писатель; *апостол*, ибо своими произведениями он вселяет Христа в души читателей; *поэт*, воспевший трагедию человека так, что ад Данте кажется раем на фоне преисподней, которую он явил в своем творчестве; великий *философ*, который свел метафизические вопросы к реальным жизненным проблемам.

Доктор филологических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград) В. Х. Гильманов в своем докладе «*Достоевский и Россия в эпоху "тайны беззакония" (2 Фесс. 2: 7)*» выстроил исходя из концепции М. М. Бахтина о жанровой специфике творчества Достоевского и концепции социокультурной семиотики Ю. М. Лотмана доказательство того, что семиотика художественного нарратива Достоевского обусловлена столкновением двух противоположных моделей, первая из которых, оккультно-магическая, отражает «тайну беззакония в действии» (2 Фесс. 2: 7), а вторая, религиозная, — метаисторическое задание России в эпоху «тайны беззакония». Опираясь также на суждение святителя Феофана Затворника о «Божьих планах мироправления» в преддверии срока, когда «антихрист явится», и на его же слова об «удерживающей руке», автор доклада охарактеризовал Достоевского как одного из тех, кто, пройдя бесовскую магию «подполья», поддерживает «удерживающую руку» России. По мысли В. Х. Гильманова, это «удержание» соответствует «софийному мироощущению» (С. Булгаков) Достоевского, чем и объясняется то, что сам Достоевский в своей речи о Пушкине определил как «всемирность и всечеловечность» культурного кода России.

Доктор филологических наук, профессор Томского государственного педагогического университета А. Н. Кошечко в онлайн-докладе «*Рефлексия личного опыта и универсальность художественного обобщения в "Житии великого грешника" Ф. М. Достоевского*» рассмотрела этот текст как экзистенциальный, соединяющий в единое целое анализ опыта собственной личности и универсальность художественного обобщения. Обращение к биографическому контексту произведений позволило автору доклада увидеть моменты процесса формирования экзистенциального сознания писателя. Главной, по мысли докладчицы, была установка писателя на Истину, которую он не доказывал, а искал, поскольку Истина существует как бытийная, экзистенциальная данность, и постигается она интуитивным прозрением, через Откровение.

Прозвучавший далее доклад доктора филологических наук, профессора Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова Е. А. Федоровой «*Традиции "Жития великого грешника" Ф. М. Достоевского в современной литературе*» поставил вопрос о связи творчества современных писателей с творчеством Достоевского. Формулируя главную идею романного замысла Достоевского «Житие великого грешника» (1869—1870) как движение к Богу через кризис, предельное удаление от Него, докладчица увидела доминанту героя в его уверенности в своем избранничестве и показала испытание этой идеи в повестях Л. И. Бородина «Ловушка для Адама» (1994) и Ю. В. Буйды «Повесть о князе

Алешеньке» (2014). В повестях же двух других авторов — «Авиатор» Е. Г. Водолазкина и «Снайп» В. Костерина — автор доклада увидела новые варианты притчи о блудном сыне и продолжение «Жития великого грешника» Достоевского. Были отмечены различия в интерпретации писателями идей, сюжетов, героев Достоевского.

Два последующих доклада пленарного заседания были обращены к проблемам поэтики романов Достоевского. Онлайн-доклад доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника ИРЛИ РАН, профессора Санкт-Петербургского государственного университета С. А. Кибальника «*“Пескинская” мадонна (О криптопоэтике позднего Достоевского)*» был построен как расследование одного образа из романа «Идиот» — Веры Лебедевой, по словам докладчика, «второстепенной героини, которая играет в романе первостепенную роль». С. А. Кибальник продемонстрировал скрупулезный анализ образа этой героини, соотносимого с рафаэлевскими мадоннами, прежде всего с «Сикстинской Мадонной» с младенцем, а также с теми женами, которые были с Христом до самой Голгофы. В образе Веры Лебедевой он также увидел отчасти и литературный портрет жены Достоевского Анны Григорьевны, относящийся к тому периоду, когда был младенцем их первый ребенок, и, главное, отражение черт ее личности. По убеждению докладчика, Вера Лебедева и есть в некотором роде криптографическое изображение Анны Григорьевны, которая в период их знакомства с Федором Михайловичем проживала, как и героиня романа «Идиот», в Петербурге на Песках. Докладчик сделал вывод о том, что именно Вера Лебедева была «шансом на спасение» для главного героя, Льва Мышкина.

Завершил пленарное заседание доклад кандидата филологических наук, доцента Владимирского государственного университета С. А. Мартыновой «*Этикетные формы и формулы в поведении Макара Долгорукого (роман Ф. М. Достоевского “Подросток”)*», продемонстрировавший связь данного романа с агиографической традицией, выявляемой на уровне поэтики. Известная теория Д. С. Лихачева об этикетности форм и формул в отношении древнерусской книжности оказалась вполне применимой к образу героя романа — Макара Долгорукого. Докладчица, детально анализируя этикетные формы поведения в тексте романа, убедительно показала, что они наделены определенным личностным содержанием и входят в систему оппозиций «порядок — беспорядок», «благообразие — безобразие», «гордыня — любовь», «искренность — лицемерие», «естественность — сделанность», сопоставлены с рыцарским этикетом, новоевропейскими веяниями, обликом социалистов и разного рода бесцеремонностью. Было показано, что этикетные формы и формулы в образе Макара Долгорукого акцентируют не только этическое, но и эстетическое начало и позволяют соотнести роман Достоевского с суждениями ранних апологетов христианства, говоривших о Боге как о художнике и о человеке как украшении мира.

Секционные заседания семинара были связаны с традиционными направлениями его работы. Секция «*Агиография: словесность и искус-*

ство» объединяла доклады филологов и искусствоведов, нацеленных на изучение памятников древнерусского периода и явлений искусства XIX – XX веков.

В открывшем работу секции докладе доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Отдела древних славянских литератур Института ИМЛИ РАН, профессора Московской духовной академии РПЦ В. Н. Кириллина «Исихазм и русская литература конца XIV – начала XVI века» была выдвинута проблема изучения стиля «плетения словес», характерного для рассматриваемого периода. Автор отметил дискуссионность утверждения о зависимости славяно-русской экспрессивно-эмоциональной литературной манеры XIV – XV веков от исихазма и необходимость целенаправленного анализа текстов для решения данной проблемы, что и было продемонстрировано на материале «Слова похвального Покрову Пресвятой Богородицы...», памятника начала XVI века.

С монашескими житиями были связаны два следующих доклада. И. Л. Хохлова, кандидат искусствоведения, заведующая художественным сектором Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, свой доклад «Житийная икона преподобного Иоанна Лествичника второй половины XVI века из фондов Рыбинского музея. О соотношении слова и образа» посвятила вопросу о соотношении агиографии и иконографии в иконе с уникальным житийным циклом. Рассматривалась проблема переложения «Лествицы» с языка литературы на язык изобразительного искусства, что связывалось также и с проблемой восприятия иконописцем «Лествицы», и с особенностями культурного контекста эпохи второй половины XVI века.

Доклад доктора филологических наук, профессора Балтийского федерального университета им. И. Канта Л. Г. Дорофеевой «Смирненные старцы “Северной Фиваиды”»: к типологии святости» был обращен к образам святых – последователей преподобного Сергия Радонежского, образовавших два направления русской духовной жизни XIV – XV веков. В образах святых Кирилла Белозерского, Павла Обнорского, Дионисия Глушицкого, Александра Куштского были отмечены разные варианты духовного вектора, заданного преп. Сергием, что выразилось в разном типе их поведения при единстве главной характеристики святых – смирения.

Завершил рассмотрение памятников древнерусской словесности доклад кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИМЛИ РАН, доцента МДА РПЦ М. В. Первушина «Пир Рязанский: смерть и похвала (по Повести о разорении Рязани Батыем)», в котором последовательно анализировалось содержание «Повести» и раскрывался эпический образ боя-пира, выполняющий в произведении структурообразующую роль. Автор доклада показал гармоническое единство повести, обусловленное оригинальным художественным замыслом – описанием битвы как пира, в котором рассказ о гибели Рязани преобразуется в прославление всей Рязанской земли.

Продолжение работы первой секции было связано с докладами по иконографии и искусству. Кандидат культурологии, старший научный

сотрудник Российского института истории искусств (Санкт-Петербург) О. В. Губарева в сообщении «*“Раскольническое уродство”: как относилось к русским иконам просвещенное российское общество в эпоху Достоевского*» рассказала о том, что российское общество в эпоху Достоевского не понимало и не видело ценности древней иконы.

Протоиерей Илья Шапиро, настоятель храма Живоначала Троицы в селе Горетово Можайского района Московской области, в докладе «*Кинематографическая красота – свидетельство о подвиге святости (фильм К.-Т. Дрейера “Страсть Жанны д’Арк” как эталон агиографии в кино)*» представил интерпретацию образа главной героини в агиографическом аспекте. В построении образа Жанны д’Арк он обнаружил основные черты агиографического канона, также отметив аллюзии к тексту Евангелия.

В докладе доктора искусствоведения, профессора Балтийского федерального университета им. И. Канта Н. В. Шамардиной «*Домашние реликвии первых советских переселенцев: иконографические этюды*» нашла отражение поисковая работа исследовательницы среди семей первых переселенцев в Калининградскую область послевоенного времени, привозивших из разных областей России на новое место жительства свои семейные реликвии. Были продемонстрированы представляющие особый интерес с точки зрения иконографической программы, подлинно уникальные иконы, сопровождаемые пояснительными текстами.

Завершил работу секции доклад руководителя музея церковного искусства «Ковчег» Православной гимназии Калининграда И. В. Аполонской «*Некоторые особенности программного содержания монументально-живописной декорации калининградских храмов*». В сообщении была затронута проблема адаптации традиционной программы росписей крестово-купольного храма к православному литургическому пространству, организуемому в стенах западноевропейских культовых сооружений.

Вторая секция, «*Агиографический контекст в русской и зарубежной словесности*», соединила доклады по достаточно обширной тематике – от языковедческой проблематики до литературоведческой компаративистики, в основном на материале творчества писателей XIX–XX веков. Каждый из представленных на секции докладов, объединенных общей целью выявления связи с агиографическим и, шире, евангельским контекстом, обнаруживал свою грань этой связи. При этом некоторые доклады носили междисциплинарный характер, что позволяло по-новому взглянуть на известные тексты. Так, предметом осмысления в докладе доктора филологических наук, профессора Балтийского федерального университета им. И. Канта Н. П. Жилиной «*Князь Михаил Тверской в думе К. Ф. Рылева и в русской историографии: путь к святости*» стал образ Михаила Тверского в рылеевской думе, рассмотренный в контексте русской историографии. Также в историческом и одновременно агиографическом контекстах осмысливали образ героя Куликовской битвы Дмитрия Боброка соавторы доклада «*Воин победы – Дмитрий Боброк: к вопросу изображения воина-христианина в житийной литературе*» доктор

филологических наук, профессор Московского государственного областного университета С. Ф. Вититнев и кандидат филологических наук, доцент МГОУ А. В. Шмелева.

В онлайн-докладе «*Мотив святости в воспоминаниях Я. П. Полонского "Старина и мое детство"*» Т. В. Федосеева, доктор филологических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, выявляла содержание и структуру этого мотива, проявившегося в воссоздании быта православной семьи, а также в эпизодах мистических переживаний автора-героя. В докладе доктора филологических наук, профессора Балтийского федерального университета им. И. Канта М. Н. Конновой «*Временное и вечное в рассказе И. С. Шмелёва "Еловые лапы"*» были рассмотрены словесно-образные средства актуализации разнородных темпоральных планов — прошлого, настоящего и вечного — в рассказе И. С. Шмелёва, повествующем о поклонении святым мощам преп. Серафима Саровского в антирелигиозном музее.

Прозвучали доклады и по литературной компаративистике. Так, в сообщении доктора филологических наук, профессора Балтийского федерального университета им. И. Канта Л. А. Мальцева «*Исповедь "У Тихона" в романе Ф. М. Достоевского "Бесы" в сопоставлении с рассказами Г. Герлинга-Грудзинского "Падение Парижа" и Е. Анджеевского "Много песка и мало"*» речь шла о традициях исповедальности в творчестве Достоевского и жанровой специфике исповедального рассказа в польской литературе XX века, изображающей массовую деградацию нравов в период Второй мировой войны. Кандидат филологических наук, доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта А. И. Васкиневич в докладе «*Спор о Гольбеине как спор о вере: полемическая отсылка к роману "Идиот" Ф. М. Достоевского в первой энциклике папы Франциска "Lumen fidei" ("Свет веры")*» привела полемическое высказывание папы Римского Франциска о том, что созерцание смерти Христа ведет к укреплению веры. Это утверждение было сделано им в связи с картиной Гольбеина «Мертвый Христос в гробу», упомянутой в романе «Идиот», и фактически в ответ на восклицание героя, князя Мышкина, о том, что от взгляда на нее «у иного еще и вера может пропасть». Автор доклада раскрывает, какие смыслы (теологические и иконографические) стоят за этой полемикой.

Второй день семинара, 12 октября, был ориентирован на студентов, магистрантов, аспирантов. Были проведены открытые мероприятия. На творческой встрече со студентами «*Икона в научном и художественном творчестве*» профессор Сегедского университета (Венгрия) В. В. Лепяхин представил свои книги — исследования по иконичности в русской литературе — и познакомил аудиторию с собственным творчеством. Затем состоялось мероприятие «*Агиография и киноискусство: просмотр и обсуждение фильма К.-Т. Дрейера "Страсть Жанны д'Арк" (1928 г., немое кино)*» на котором студенты познакомились с творчеством великого датского режиссера К.-Т. Дрейера и обсудили увиденный фильм.

Во второй половине дня была проведена молодежная секция «*Агиография: текст и контекст*», на которой прозвучали доклады аспирантов

и студентов Балтийского федерального университета им. И. Канта и Томского государственного педагогического университета. В центре исследовательского внимания докладчиков оказались древнерусские памятники письменности, произведения писателей XIX—XX веков, два доклада были посвящены творчеству Достоевского.

Последним событием 12 октября стал публичный лекторий «Агиография в XX веке. Новомученики, исповедники и подвижники веры в житиях и письменных источниках».

Об авторе

Людмила Григорьевна Дорофеева, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Для цитирования:

Дорофеева Л. Г. VI Международный научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве: к 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского» // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 147–154. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

The author

Prof. Lyudmila G. Dorofeeva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

To cite this article:

Dorofeeva, L. G. 2022, VI International Scientific Seminar “Hagiography in the Russian Cultural Space: on the 200th Anniversary of Fedor Dostoevsky’s Birth”, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 147–154. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — до 1,5 п.л.; научного сообщения — до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary — после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;
- the title of the article in English and Russian, all lowercase;
- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;
- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;
- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;
- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

• References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

- If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdu narodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

- In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

- References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

<https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
  - a) whether the content of the article corresponds to its title;
  - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
  - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
  - d) whether the article contains original research;
  - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
  - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2022

Том
Vol. 13
№ 2

Уроки Юрия Михайловича Лотмана: Lessons to learn: Celebrating
к столетию со дня рождения the centenary of Yuri Lotman

Редактор *Д. А. Малеваная*. Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Сору-edited by *D. Malevanaya, S. Iliina*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 20.05.2022 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,1
Тираж 300 экз. (1-й завод – 50 экз.). Заказ 55
Свободная цена

Signed 20.05.2022
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 14,1
Edition 300 copies (first print: 50 copies). Order 55
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia